

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

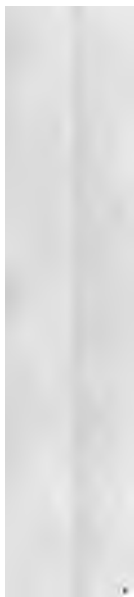
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

/

1

СОЧИНЕНІЯ

Г. С.

СКОВОРОДЫ.

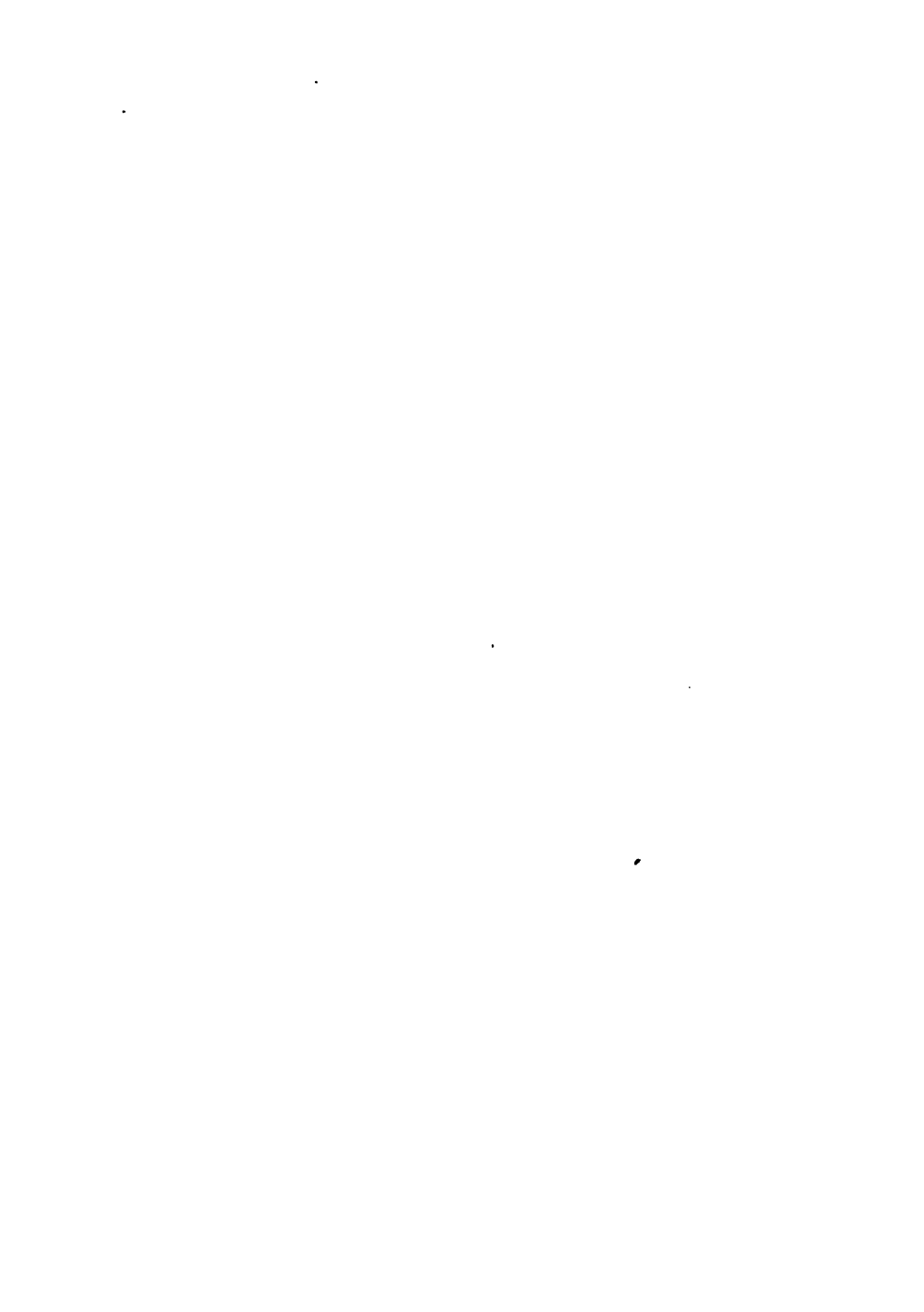

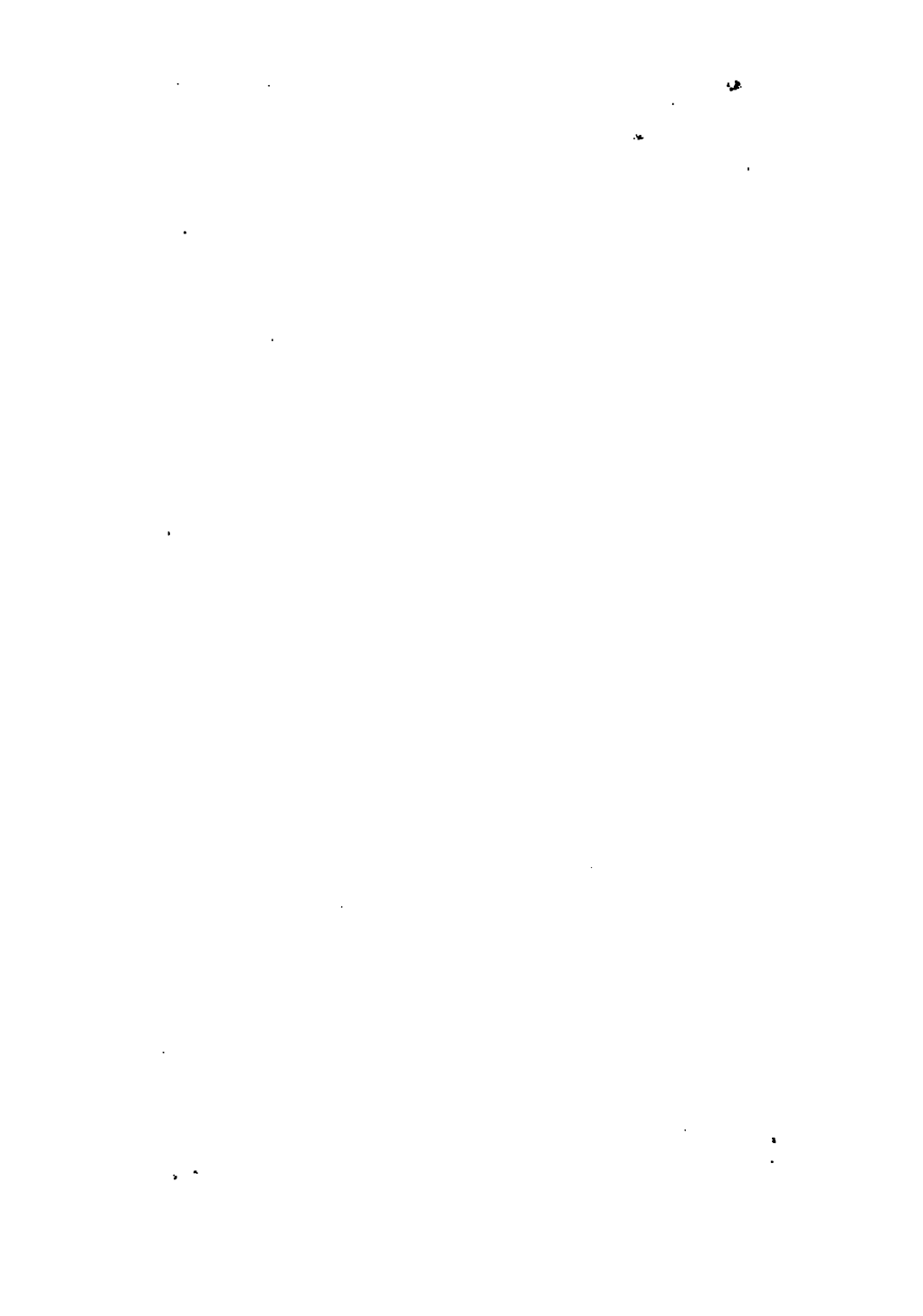
СОЧИНЕНІЯ

Г. С.

СКОВОРОДЫ.

Ваш! о неслитной Азъ! всѣхъ предъ ядъ: всѣхъ тѣхъ ядъ.
Старикъ, Зри. Сково-
родъ

1. Ревнитель истинны, духовный Богочтецъ,
И словакъ и умакъ и жизнь мудрецъ.
2. Любителъ простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, добальный всѣхъ всегда:
"стигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
тойной для сердецъ примѣръ Сковорода.

Сковорода, С.,
"

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

ГРИГОРІЯ САВИЧА

СКОВОРОДЫ.

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ И ПОЧЕРКОМЪ ЕГО РУКИ.

—
Всякому городу, правъ и права,
Всяка имѣть свой умъ голова,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума
Какъ бы умереть не безъ ума.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

М DCCC LXI.

ВН

PG 3317

856

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цен-
сурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Пе-
тербургъ. Декабря 27 дня, 1860 года.**

Цензоръ, *Архимандритъ Сергій.*

Въ Типографіи Штаба Отд. Корпуса Внутренней Стражи.

Украина и Малороссія и понынѣ помнятъ о своемъ «*пѣтѣ*», старцѣ Сковородѣ, который жилъ столѣтіе тому назадъ, и котораго сочиненія считались народными.

Теперь они напечатаны съ старинной рукописи съ приобщеніемъ къ нимъ другихъ сочиненій, принадлежащихъ также Сковородѣ. Самая же рукопись стариннаго почерка съ портретомъ на полулистѣ, препровождена, по отпечатаніи, въ бібліотеку Императорскаго Харьковскаго университета.

Григорій Савичъ Сковорода принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ былъ украинскій поэтъ, философъ, мужъ добродѣтельный и христіанинъ, въ полномъ смыслѣ слова. Ему суждено было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Григорій Савичъ былъ оригиналь-

ный человекъ и причудливый, туземный странствующій философъ. Сначала онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Украинскаго Діонена»; а потомъ называли его «Украинскимъ Ломосовымъ.»

Устные народныя преданія того края гласятъ, что онъ слушалъ за границею высшіе курсы богословія, и въ бытность свою уже учителемъ при Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, за вольныя въ то время мысли въ наукахъ, вышедши въ отставку, пожелалъ быть мыслителемъ свободнымъ. Онъ родился въ Полтавской. губ. Лубенскаго округа, въ селѣ Чернухахъ, 1721 года, въ царствованіе Петра Великаго; а скончался въ Харьковск. губ. въ слободѣ Ивановкѣ, принадлежавшей другу его, М. И. Ковалевскому, въ 1794 году, октября 29 дня, имѣя отъ роду 72 года. Похоронили Григорія Савича, по собственному его завѣщанію, близъ сосѣдней съ Ивановкою рощи. На памятникѣ ему вырѣзана, имъ — же составленная для себя и завѣщанная надпись:

«Міръ мене ловилъ; но не поймалъ!»

**САДЪ БОЖЕСТВЕННЫХЪ ПѢСНЕЙ, ПРО-
ЗЯВШІЙ ИЗЪ ЗЕРНЪ СВЯЩЕННАГО ПИ-
САНИЯ.**

I.

Блаженн непорочни въ путь, ходящн въ законѣ Господни.

Боятся народъ — сойти гнить во грѣбъ,

Чтобъ не былъ послѣ участный,

Гдѣ горить огонь неугасный.

А смерть есть святая: кончитъ наша злая, —

И сводитъ съ злой войны въ покой.

О, смерть сія свята!

Не боится совѣсть чиста ниже перуна огниста.

Сей огнемъ адскимъ не жжется:

Сему жизнь райска живется.

О, грѣхъ—то смерть родитъ, живу смерть на-
водитъ!

Изъ смерти адъ, души жжетъ градъ.

О смерть сія люта!

О, блаженъ, блаженъ, кто съ самихъ цѣлемъ
Посвятилъ себя Христови:

День и ночь мыслить въ Его словѣ.

Взявъ иго благое, и бремя легкое,

Къ сему обыкѣ, къ сему навикѣ.

О, жребій сей святыи!

Кто сея отвѣдалъ сласти, вѣкъ въ мірскихъ
не можетъ пасти.

Въ наготахъ, въ бѣдахъ не скучить:

Ни огонь отъ того, ни мечъ его не отлучить.

Все сладостию онъ разводять, горькое на серд-
це не всходитъ,

Развѣ тому, если кому

Даль знать искусь драгий!

Христе, жизнь моя, умерый за мя!

Долженъ былъ тебѣ начатки —

Лѣтъ моихъ даю остатки...

Сотри съ сердца камень, зажги въ немъ твой
пламень!

Да мертвъ страстямъ и злымъ сластямъ

Живу тебѣ, мой свѣтъ!

А какъ отъ грѣховъ воскресну, какъ одѣну
плоть небесну,

Ты во мнѣ, я въ тебѣ вселюся, сладости твоей
насыщуся.

Съ тобою въ бесѣдѣ, съ тобою въ совѣтѣ,

Какъ дня заходь, какъ утра всходь!

О, се златыхъ вѣкъ лѣтъ!

(Сложена 1757 лѣта).

II.

По земля ходяще, созданіе (жилище) пмамы на небесѣхъ (2
Кор. 4, 1).

Оставь, о духъ мой, вскорѣ всѣ земляныя мѣ-
ста!

Взойди, духъ мой, на горы, гдѣ правда жи-
ветъ свята.

Гдѣ покой, тишина отъ вѣчныхъ царствуетъ
лѣтъ!

Гдѣ блещетъ та страна, въ коей неприступ-
ный свѣтъ.

Оставь земныя печали, и суетность мірскихъ
дѣлъ!

Будь чистъ хоть на часъ малый, дабы ты въ
выспрь взлетѣлъ,

Гдѣ обитаетъ Господь, гдѣ невечерняя заря,

Гдѣ всѣ ангельскіе чины лице Его выну зрять.

Се сілоамскія воды! омой скверну отъ очесъ!

Омой всѣ членовъ роды, дабы взлетѣть до
небесъ!

Ибо сердцемъ нечистъ не можетъ Бога узрѣть,

И нельзя до тѣхъ мѣстъ земляному долетѣть.

Душа наша тѣлеснымъ не можетъ довольна быть,

Она только небеснымъ горитъ скуку насытить.

Какъ потокъ къ морю скоръ, какъ сталь къ

магниту прлдетъ,

Пламень дрожитъ до горъ, такъ духъ нашъ къ

Богу взоръ рветъ.

Кинь весь міръ сей лукавый: онъ въ точь есть
темный адъ.

Пусть льститъ невѣждъ врагъ черный, ты въ
горній возвысись градъ.

И по землѣ ходя, вселися на небесахъ,
Какъ учить Павелъ ты въ своихъ чистыхъ сло-
весахъ.

Спѣши-жь во вѣчну радость крыльями умными
отсель

Ты тамъ обновись младость, какъ быстропар-
ный орель.

О трблаженна стать: всего паче словесс.

Кто въ свой умъ можетъ взять? развѣ шедый
съ небесе.

III.

Прорасте на землѣ быліе травное. *Сирльчъ*: Кости твои
проявляють, яко трава и разбогѣють: *Исаія*.

Весна люба ахъ пришла!

Зима люта ахъ прошла!

Уже сады разцвѣли

И солóвьевъ навели.

Ахъ ты печаль прочь отсель!

Не безобразъ красныхъ селъ.

Бѣги себѣ въ болота,

Въ подземныя ворота;

Бѣги себѣ прочь во адъ!

Не для тебя рай и садъ.

    Душа моя процвѣла

    И радостей навела.

Счастливъ тотъ и безъ утѣхъ,

Кто побѣдилъ смертный грѣхъ.

    Душа его Божій градъ,

    Душа его Божій садъ!

Всегда сей садъ даетъ цвѣты,

Всегда сей садъ даетъ плоды.

    Всегда весна тамъ цвѣтетъ,

    И листь его не падеть.

О, Боже мой, ты мнѣ градъ!

О, Боже мой, ты мнѣ садъ!

    Невинность мнѣ цвѣты,

    Любовь и миръ—то плоды.

Душа моя есть верба,

А ты еси ей вода.

    Питай меня въ сей водѣ,

    Утѣшь меня въ сей бѣдѣ.

Я ничего не боюсь...

Однихъ грѣховъ я страшусь.

    Убей во мнѣ всякій грѣхъ:

    Се ключь моихъ всѣхъ утѣхъ.

IV.

РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ.

Съ нами Богъ, разумѣйте языци: *Смръль:* Помаза насъ
Богъ Духомъ, посла Духа Сына своего въ сердца ваша.

Ангелы снижайтесь,
Ко землѣ обближайтесь,
Господь бо сотворшій вѣки,
Живеть нынѣ съ человекѣми.

Станьте хоромъ,
Вси соборомъ,
Веселитесь: яко съ нами Богъ!

Се часъ исполняется!
Се сынъ приближается!
Се лѣта пришла кончина,
Се Богъ посылаетъ Сына.

День приходитъ,
Дѣва рѣдитъ,
Веселитесь: яко съ нами Богъ!

Объщанъ пророками,
Отчими нароками,
Рѣшитъ во послѣдня лѣта —
Печать новаго завѣта.

Духъ свободы
Внутрь насъ роди,
Веселитесь: яко съ нами Богъ!

Даніиловъ каменю,
Изъ купины пламеню
Несѣтенный отнадешь,
Огнь сѣна не попаляешь.

Се нашъ камень,
Се нашъ пламень,

Веселитесь: яко съ нами Богъ!

Расти-жь благодатию
Новый нашъ ходатаю,
Расти да возможешь стати,
Да повалишь супостаты.

Се вселенну
Зря спасенну,

Веселитесь: яко съ нами Богъ!

Мы-жь Тебѣ рожденному,
Господеву блаженному,
Сердца всѣхъ насъ отверзаемъ,
Въ душевный домъ принимаемъ.

Пѣснь спѣвая,

Восклица

Веселитесь: яко съ нами Богъ!

У.

РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ.

Роди Сына своего Первенца, и повить Его, и положи Его
въ яслехъ.

Тайна странна и преславна!

Се вертепъ вмѣсто небесъ,

Дѣва херувимовъ главна,
И престоломъ вышнимъ днесъ.
А помѣщенъ тотъ въ ясляхъ полно,
Коего есть недовольно
    Чтобъ вмѣстить и небо небесъ.
О блаженны тѣ очи,
Что на сію тайну зрятъ,
Коихъ въ злой мірской полночи
Привела къ Богу заря.
Ангельскій умъ тайну видитъ,
Апостольскій мужъ не провидитъ
    Та бо всѣмъ буйство имъ есть.

—
VI.

ВОСКРЕСЕНІЮ ХРИСТОВУ.

Едини-на-десять ученицы идоша въ Галилею въ гору,
аможе повелѣ имъ Исусъ.

Что ли мене разлучить
Отъ любви Твоей!
Можетъ ли мнѣ наскучить
Дивный пламень сей!
    Пусть весь міръ отбѣжитъ,
    Я буду въ Тебѣ жить,
                                    О Исусе!

Веди мене съ собою
Въ горній путь на крестъ,
Радъ я жить надъ горою:
Брошу дольную персть.

Смерть Твоя мнѣ животъ,
Желчь Твоя—сластей родъ,

О Иисусе!

Язвы Твои суровы—
То моя печать;
Вѣнецъ мнѣ Твой терновый—
Славы благодать!

Твой сей поносный крестъ—
Се мнѣ хвала и честь,

О Иисусе!

Зерно пшенично на нивахъ
Если сгніеть,
Внѣшность если не жива,
То въ плодъ внутрь цвѣтеть.

За одинъ старый класъ
Въ грядущій лѣтній часъ

Сторичный дастъ плодъ.

Сраспи мое ты тѣло,
Спригвозди на крестъ,
Пусть буду извнѣ не цѣлый,
Дабы внутрь воскресъ.

Пусть внѣшній мой исчезнетъ
Да новый внутри цвѣтеть:

Се смерть животна!

О новѣй мой Адамъ,
О краснѣйшій сыноу,
О всесвѣтнѣй храмъ,
О буйство Аѣинъ!

Подъ буйствомъ твоимъ
Подъ смертію—жизнѣю
Коль темныя

—

VII.

ВОСКРЕСЕНІЮ ХРИСТОУ

О! О! Бѣжите на горы! *Захарія*.
Востани спяи! Покой даеъ Богъ на горѣ

Объяли вокругъ мя раны сме
Адовы бѣды обошли несносн
Найде бо страхъ и тьма.
Ахъ година люта!
Злая минута!

Бодетъ утробу тернѣ болѣзнь
Скорбна душа мнѣ
Скорбна даже д
Ахъ! кто-жъ
Кто мя ис

(*) Конечно для
только и время
что нибудь кон

Тамъ Африканскій страждетъ елень сто-
рый:
Онъ птицъ быстрѣе, пить спѣшитъ подъ
горы.

Ахъ жажда жжетъ внутрь,
Насыщенна гадомъ
И всякимъ ядомъ!

Я на Голгоѳу поскорѣй поспѣю,
Тамъ виситъ врачъ мой
Межъ двою злодѣю;
Се Иоаннъ здѣ при крестѣ рыдаеть,
Крестъ добызаетъ.

О Исусе! О моя отрада!
Здѣ ли живеши?
О страдальцовъ радость!
Дажь спасительну мнѣ цѣльбу въ сей страсти,
Не даждь на вѣкъ пасти.

VIII.

Святому Духу.

Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву; Егда
снизшедъ языки слія раздѣляша языки Вышній.

Голова всяка свой имѣетъ смыслъ,
Сердцу всякому своя любовь,
И неоднака всѣмъ живущимъ мысль:
Тотъ овецъ любить, а тотъ козловъ.

Такъ и мнѣ вольность одна есть нравна,
И безпечальный прѣпростыи путь.
Се моя мѣра въ житіи главна,
Весь окончится мой циркуль тутъ.

Ты людскихъ видишь, сидяи высоко,
Разныхъ толь мгѣній безсчетну смѣсь;
Аще же не право зрѣть мое око,
Ты мене, Отче, настави днесъ.

Ты, Святый Боже, и вѣковъ творецъ,
Утверди се, что самъ создалъ;
При Тебѣ сможетъ все въ благій конецъ,
Такъ попасть, какъ въ магнитну сталь.

Тотъ на восточный, сей въ вечерній край,
Плыветъ ко счастью со всѣхъ вѣтрилъ;
Иный въ полночной странѣ видитъ рай
Иный на полдень путь свой открылъ.

Одинъ говоритъ: вотъ кто-то косить!
Другій спорить: се! ктось стришетъ?
А сей со всей мочи голоситъ
Скажи: кій бисъ намъ мысль сѣчетъ?

IX.

Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умреть, и иже
въ разумѣ своемъ поучится святынь. *Сирахъ.*

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ
Всякому сердцу своя есть любовь.

А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Федоръ-купецъ при аршинѣ все жжетъ,
Тотъ строить домъ свой на новой манеръ,
Тотъ все въ процентахъ, пожалуй, повѣрь.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта,
Сей иностранный заводитъ скота,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумить домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.

Тотъ строить на свой ладъ юриста права,
Съ диспутъ студенту трещить голова,
Тѣхъ беспокоитъ Венеринъ Амуръ,
Всякому голову мучить свой дуръ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума
Какъ бы умереть не безъ ума.

Смерть съ страшной замашкой колосъ
Ты не щадишь и царскихъ волосъ,
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, и гдѣ царь,
Все жрешь такъ, какъ солому пожаръ.
Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чья совѣсть, какъ чистый хрусталь..

Х.

Бездна бездну призываетъ. *Сиречь*: въ законѣ Господни
воля его.

Нельзя бездны океана
Горстью персти забросать,
Нельзя огненнаго стана
Скудной каплей прохлаждать.

Возможеть ли въ темной яснигъ гулять орель,
Когда въ поднебесный край вылетѣль онъ.

Такъ сытъ плотскимъ не бу-
детъ Духъ!
Бездна духъ есть въ человекѣ,
Водъ всѣхъ ширшій и небесь;
Не насытится тѣмъ въ вѣки,
Что плѣняетъ зракъ очесъ.

Отсюду-то скука, внутри скрежетъ, печаль,
Отсюда несытость, изъ капли горшій жаръ.

Знай, сытъ плотскимъ не будетъ
Духъ!

О роде плотскій, невѣжды!
Доколѣ ты тяжкосердъ?
Возведи, сердечный, вѣжды,

Вглянь выспрь на небесну твердь.

Чему ты не ищешь знать, что то зовется Богъ?

Чему не толчешь, чтобъ увидѣть Его ты могъ?

Бездна бездну удовлѣтъ вдругъ.

XI.

Блаженниишии духомъ. Премудрость книжника, во благовремении призовется, и умалится въ дѣяніихъ своихъ умудрится. *Сирахъ*: умудритесь и разумѣйте.

Не пойду въ городъ богатый,
Буду по полямъ я жить;
Буду вѣкъ мой коротати,
Гдѣ время тихо бѣжитъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Города славны высоки
На море печалей пхнутъ;
Ворота красны широки
Въ неволю горьку ведутъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Не хочу ѣздить на море,
Не хочу красныхъ одеждъ;
Подъ ними кроется горе,
Печали, страхъ и мятежь.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Не хочу за барабаномъ
Идти плѣнить городовъ;
Не хочу и штатскимъ саномъ
Пугать мелочныхъ чиновъ.

• О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Не хочу и наукъ новыхъ,
Кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовыхъ,
Въ коихъ сладостна дума.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!

• Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Ничего я не желатель.
Кромѣ хлѣба да воды;
Ницета мнѣ есть пріятель,
Давно съ нею мы сваты.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Если нѣту нужды тѣлесныхъ,
Есть покой да доля злата;

Кромѣ вѣчностей небесныхъ,
Мнѣ сія одна жизнь свята.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь уваселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

А если до такой угоды
И грѣхъ еще побѣдитъ,
То не знаю сей выгоды
Возможеть ли лучше быть.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Здравствуй моей мысли покою,
Ты во вѣки будешь мой;
Добрѣ мнѣ быть съ тобою,
Ты мой во вѣкъ будь, а я твой.

О дубрава! о свобода!
Въ тебѣ я началъ мудрѣть,
До тебе моя природа,
Въ тебѣ хочу умереть.

—
XII.

Измдите отъ среды ихъ..... принди, брата мой, водворим-
ся на селѣ: тамо роди ты мати твоя. *Письмъ пльменѣй.*

Ахъ поля, поля зелены,
Поля цвѣтѣми испещренны;

Ахъ долины яры,
Круглы могилы бугры.
Ахъ вы водъ потоки чисты,
Ахъ вы берега трависты,
Ахъ ваши водоса,
Вы кудрявые лѣса.

Жаворонокъ межъ полями
Соловейко межъ садами.
Тотъ высирь летя сверчить,
А сей на вѣтвяхъ свистить.

А когда взошла денница
Свищетъ въ той часъ всяка птица,
Музыкою воздухъ
Растворенный шумитъ вокругъ.

Только солнце выникаетъ,
Пастухъ овцы выгоняетъ,
И на свою свирѣль
Выдаетъ дрожащій трель.

Пропадите думы трудны,
А я съ хлѣба кускомъ
Умру на мѣстѣ такомъ.

—
XIII.

**Древняя Малороссійская басня о суетѣ и
лести мірской.**

На стражи моей стану и възду на камень. *Ассольва.*

Колика слава нынѣ?

Зри на буйность въ сей гордынѣ,

О Израиль! гидры звѣря... (*)
Коль велика въ ономъ мѣра,
Нужно разумѣти.

Нынѣ скипетръ и булава,
Утро вставши худа слава.
Сердце прободаетъ сквозѣ,
Руцѣ связанны и нозѣ.
Какъ избѣгнуть сѣти?

Днесъ пїана скачетъ воля...
Утро вставши тщетна доля,
О Израиль! водна звѣря,
Камо цѣль ведетъ и мѣра,
Нужно то прозрѣти.

Сиренъ льстивыхъ оксань! (**)
Сладкимъ гласомъ обуянь!
Бѣдная душа на пути
Хощетъ на всегда уснути,
Не доплывши брега.

Плоть! Мирь! О несытый Аде!
Всѣ тебѣ ядь, всѣмъ ты яде!

(*) Упоминаетъ о предревней баснѣ—о седмглавой змїи, именуемой Гидра, спрѣчь змїи водной. Со змїемъ симъ боролся древній герой Ираклій. Отсѣченна одна глава, вдругъ на то мѣсто произрастало двѣ или три. Что дѣлать? Ираклій, съ помощію друга своего, разженнымъ желѣзомъ прижегъ каждую главу; и такъ почилъ отъ брани.

(**) Сирена, Еллини. Ζεφύρη. Сей уродъ прекраснымъ личьемъ и сладчайшимъ гласомъ привлекаетъ къ себѣ и сонъ заводитъ мореплавателямъ. Здѣсь они (мореплаватели), забывая все и презрѣвъ гавань и отечество, разбиваютъ свои корабли о подводные камни.

День и ночь челюстями зѣваешь,
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь.
Кто избѣгнетъ сѣти?

Се пучина всѣхъ есть жруща,
Се есть челюсть всѣхъ ядуща,
О Израиль! кита звѣря... (*)
Се тебѣ толкъ, мѣть и мѣра!
Плоть не насыщаетъ.

Ахъ простри бодро вѣтрила,
И ума твоего крыла;
Пловучи по бурну морю... (**)
Возведи зеницы въ гору
Да путь потекутъ правъ.

Лучше жить въ пустынь,
Затворившись въ ясинѣ,
Пребывать въ мѣстахъ безвѣстныхъ,
И не слышать гласовъ лестныхъ,
Во адъ насъ влекущихъ.

(*) Кить значитъ страсть. Что есть страсть?—Есть то же, что смертный грѣхъ.—Но что есть грѣхъ? Грѣхъ есть мучительная воля; она-то есть сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе. Сип - тр гидра и кить пожираютъ и мучатъ всѣхъ на морѣ міра сего. Они тоже есть и адъ. Блаженъ, кто нѣсть рабъ сему трегубому языку. Помни 7 грѣховъ, сіе есть 7 мучительныхъ мыслей, и увѣси гидру. Не вѣси ли, яко мысль есть зерно и глава дѣлу? Омерзшася въ начинаніяхъ своихъ.

(**) Житіе наше есть море. Тѣлишко — лодочка, мысли есть то вѣяніе вѣтровъ, гавань блаженства. Коль же красна рѣчь сіа! Ума твоего крыла..... птица бо есть сердце наше, и аще оно не увязло, можетъ возвестись ни: Душа наша, яко птица избавися.....

Будь ты мнѣ защитникъ тщивый,
Будь Иона прозорливый,
Главы попали змійны,
Китовой изъ блевотины
Чтобъ вскочить на Кифу. (*)
(Обновлена въ 1782-мъ лѣтъ).

XIV.

Великой Субботѣ.

Поча Богъ въ день седьмый... Аще выйдутъ въ покой мой....

Лежишь во гробѣ, празднуешь Субботу,
По трудахъ тяжкихъ... по кровавомъ поту.
Князь никоихъ дѣлъ въ тебѣ не имѣтъ,
Князь сего міра... , что всѣми владѣтъ.
О неслыханные се слѣды!

(*) Кифа, правильнѣе-жъ Кефа, есть слово еврейское. Елминъ Пѣтра: сіе есть каменная гора, Польск. скала. Она часто кораблямъ бываетъ пристань съ городомъ. Сей есть образъ блаженства, мѣста значаго, гдѣ человекъ отъ китовъ, отъ сирень, и отъ волненій мірскихъ упокоивается. По оному: на мѣстѣ значнѣ вселн мя... Сіе имя Кифа даетъ Христосъ Петру Апостолу Перво-Верховному.

Для чего? Для того, что святыня и блаженство есть тожде. Для чего? Для того, что то и другое обитаетъ въ сердцѣ. Сердце же, а не плоть, есть истиннымъ человекомъ. Чистое сердце, святыня, блаженство, истинный человекъ, есть тожде. Сего ради всякій христіанинъ, имущій сердце чистое, есть и сынъ голубовъ и Кифа. Аввакумъ стоитъ на собственной своей стражѣ: на стражѣ моей стану, и взмду на Кифу. Похоти мірскія суть: честолюбіе, сребродубіе, сластолубіе. Въ то время сердце есть адъ и змій, изблезающій горькія и скверныя оныя воды... возмъ-

О новый роде побѣды!
О сыне Давидовъ!
Сыне Давидовъ! Лазаря воззавый,
Съ мудростей земныхъ до небесной славы.
Убій тѣлесну и во мнѣ работу,
Дажь мнѣ съ тобою праздновать Субботу.
Дажь мнѣ ходить въ твои слѣды,
Дажь новый родъ еей побѣды.

XV.

Житейское море воздвизаемое зря... и проч.

Видя житія сего горе,
Кипящимъ какъ Черное море,
Вихремъ скорбей, напастей, бѣдъ,
Разслабъ, ужаснулся побѣдъ.

О горе сущимъ въ немъ!
Возвратился я бѣдный, Боже мой, въ горы,
Чтобъ не скрытись съ фараономъ въ морѣ.
Се къ пристани тихой бѣжу,
И воплемъ плачевнымъ глашу,

иуются нечестивци и почти не возмогутъ. Гробъ отверзеть гортань ихъ. Все сіи во святомъ письмѣ не только китами и зміями, но псомъ, изблевающимъ и на блевотину возвращающимся и мочающимъ ко стѣнѣ, пенуются. Рѣки бо сердца ихъ суть вода неключима, разделяемая отъ воды оныхъ... Рѣки отъ чрева потекутъ воды живыя... Отрыгну сердце мое слово благо... вся бо Церковь утвержденная на Киѣ... поеть... Господь пасеть мя... на водѣ покойнѣ воспиташа... Лучшій мужъ долготерпѣливъ, нежели разоряяй грады, сіе есть державу имущій надъ страстьми... сотворилъ еси дасъ Богу дашему Цари и Иерен...

Воздѣвъ горѣ рупѣ:

О Христе! не даждь солѣтъ во адѣ,
Даждь мнѣ въ твоёмъ жить небесномъ градѣ,
Да не повлечетъ мя въ свой слѣдъ
Блудница мѣръ, сей темный свѣтъ.
О милости бездна!

XVI.

Дугу мою (поставлю) полагаю въ облацѣ.

Прошли облака, радостно дуга сіяетъ,
Прошла вся тоска, свѣтъ намъ блистаетъ.
Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ вѣдра, (*)
Если миновалъ мракъ и шумъ мѣрскаго вѣтра.

О прелестный мѣръ! ты мнѣ океана пучина,
Ты мракъ, облако, вихрь, тоска, кручина!
Се радуга прекрасная, мнѣ вѣдро блистаетъ,
Сердечная голубочка, мнѣ мѣръ вѣщаетъ.

Прощай, о печаль! прощай, прощай, зла
утрѣба!

Я на ноги всталъ: воскресъ отъ гроба.

О отрасли Давыдовска! ты брегъ мнѣ и Кифа,
Ты радуга, жизнь, вѣдро мнѣ, свѣтъ, мѣръ,
олива.

(*) Вѣдро-значитъ небесную свѣтлость и чистоту воздуха
вошло въ Славянскій языкъ изъ Еллинскаго. У нигъ
свѣтлость воздуха глаголется: τὸ φαίδρον 'вѣдро' &

XVII.

Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Ой ты птичка желтобока,
Не клади гнѣзда высоко;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вотъ! ястребъ надъ головою
Виситъ, хочетъ ухватить...

Вашею живетъ онъ кровью:
Вотъ, вотъ! онъ почти остритъ.

Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою;
Буйны вѣтры повѣвають,
Руки явору ломаютъ.
А вербочки шумятъ низко,
Волокутъ меня до сна,
Тутъ течетъ поточекъ близко,
Видно воду ажъ до дна.

На что же мнѣ замышляти,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется.
А я буду себѣ тихо
Коротати малый вѣкъ,
Такъ минетъ мене все лихо,
Счастливъ буду человекъ.

XVIII.

Нѣсть наша брань къ плоти и крови, поперещи льва и змія. Воспримите мечъ духовный, иже есть глаголь Божій.

Ахъ ты тоска проклята,
О, докучлива печаль!
Грызешь ты меня изъ млада,
Какъ моль платье, какъ ржа сталь.

Ахъ ты скука!

Ахъ ты мука!

Люта мука!

Гдѣ ни пойду, все съ тобою
Вездѣ всякій часъ,
Ты такъ, какъ рыба съ водою,
Всегда возлѣ насъ.

Ахъ ты скука!

Ахъ ты мука!

Люта мука!

Звѣряку злу заколешь,
Если возьмешь острый ножъ,
А скуки не поборешь,
Хоть мечъ будетъ и хорошъ.

Ахъ ты скука!

Ахъ ты мука!

Люта мука!

Добросердечное слово
Колеть сяхъ звѣрей,
Оно завсегда готово
Внутрь твоихъ мыслей.

Ахъ ты скука!

Ахъ ты мука!

Люта мука!

Христе! Ты мечъ небесный

Въ плоти нашей ножнахъ!

Услыши вопль нашъ слезный,

Пощади насъ въ сихъ звѣряхъ.

Ахъ ты скука!

Ахъ ты мука!

Люта мука!

Твой намъ свыше гласъ пресладкій

Аще возгремитъ,

Какъ молнія полкъ всѣхъ гадкихъ

Звѣрей разразитъ.

Прочь ты скука!

Прочь ты мука!

Люта мука!

Сложена 1758 года, въ стѣнахъ Переяславскихъ, въ селѣ Кавраѣ.

—
XIX.

Возвѣсти ми, Его же возлюбилъ душа моя, гдѣ пасешь, гдѣ
вочиваешь въ полдень.

Счастіе, гдѣ ты живешь?

Горлицы, скажите.

Въ полѣ ли овцы пасешь?—

Голуби, возвѣстите.

О счастье, нашъ ясный свѣтъ!

О счастье, нашъ красный цвѣтъ!

Ты мати, намъ покажися!

Счастье, гдѣ ты живешь?—

Мудрые, скажите.

Въ небѣ ли ты пиво пьешь?—

Книжники, возвѣстите.

О счастье, нашъ ясный свѣтъ!

О счастье, нашъ красный цвѣтъ!

Ты мати, намъ покажися!

Книжники вотъ всѣ молчатъ,

Птицы тоже всѣ нѣмы;

Не говорятъ, гдѣ есть мати?

Мы же сами не вѣмы.

О счастье, нашъ ясный свѣтъ!

О счастье, нашъ красный цвѣтъ!

Ты мати, намъ покажися!

Счастья нѣтъ на земли,

Счастья нѣтъ и на небѣ;

Не заключилось въ углѣ,

Индѣ искать его треба.

О счастье, нашъ ясный свѣтъ!

О счастье, нашъ красный цвѣтъ!

Ты мати, намъ покажися!

Небо, земля и луна,

Звѣзды всѣ прощайте!

Всѣ вы мнѣ гавань дурна,

Впередъ не ожидайте.

О счастье, нашъ ясный свѣтъ!

О счастье, нашъ красный цвѣтъ!

Ты мати, намъ покажися!

Всѣ я минулъ небеса,
Негли въ дали гдѣ обрящу,
И преисподнюю всю,
Негли его гдѣ я сращу.

О счастье, нашъ ясный свѣтъ!

О счастье, нашъ красный цвѣтъ!

Ты мати, намъ покажися!

Се мой любезный просторъ —
Скачетъ младый слень
Выше небесь, выше горъ,
Кринъ мой чистъ и зеленъ.

О счастье, мой свѣтъ ясный!

О счастье, мой цвѣтъ красный!

Ты мати, намъ показалась.

Сладость его есть гортань,
Очи голубины,
Весь есть любовь и харрань,
Руцѣ кристаллины.

О счастье, мой свѣтъ ясный!

О счастье, мой цвѣтъ красный!

Ты мати, намъ показалась.

Не прикасайся ты мнѣ,
Абѣ мя срящешь;
Не обрѣтай мя извнѣ,
Абѣ обрящешь.

О счастье, мой свѣтъ ясный!

О счастье, мой цвѣтъ красный!

Ты мати, намъ показалась.

Ахъ, обрати ко мнѣ твой взоръ!

Онъ мя воскресляетъ,

Выше стикій, выше горъ

Онъ мя восторгаетъ.

О счастье, мой свѣтъ ясный!

О счастье, мой цвѣтъ красный!

Ты мати, намъ показалась.

Сядемъ себѣ, брате мой,

Сядемъ для бесѣды,

Сладокъ твой глаголъ живой,

Чиститъ мнѣ всѣ бѣды.

О счастье, мой свѣтъ ясный!

О счастье, мой цвѣтъ красный!

Ты мати, намъ показалась.

Въ молдень ты спишь на горахъ,

Стадо пасешь въ кринахъ,

Не въ гергесенскихъ поляхъ,

И не въ ихъ долинахъ.

О счастье, мой свѣтъ ясный!

О счастье, мой цвѣтъ красный!

Ты мати, намъ показалась.

XX.

Помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши... есть
 путь мнящійся быти правъ: послѣдняя же его зрять во адъ.

Распростри вдаль твой взоръ и разумны лучи,
 И конецъ послѣдній поминай,
 Всѣхъ твоихъ дѣлъ, въ кую мѣть стрѣла улу-
 чить,

Наблюдай всѣхъ желаній край.

На коихъ вещахъ основалъ ты домъ?

Если на камнѣ, то домъ соблюдется,

Если-жъ на песцѣ, твоихъ стать хоромъ

Отъ лица вихремъ разметется.

Всяка плоть песокъ есть и мірская слава;

И его вся омерзѣтъ сласть.

Возлюби путь узкій, бѣгай обща права,

Будь твоя Господь съ Давидомъ часть (*).

Если нужно есть вернуться въ Сіонъ (**),

То зачѣмъ тебѣ въ міръ сей снисходить?

Путь опасенъ есть въ Іерихонъ (***)

(*) Часть моя еси Господи... Боже сердца моего: и часть
 моя Боже во вѣки.

(**) Сіонъ—слово еврейское, значить то-же, что Еллинск.
 Πύργος, Рим. spesula, назывался Римскій замокъ-Зоръ, стра-
 жа, горница.

(***) Іерихонъ-градъ есть образъ суетнаго міра льстива-
 го. Онъ широкимъ, сирѣчь, роскошнымъ путемъ вводитъ
 юныхъ въ разбойники, сіе есть, въ челясти зміны и гид-
 рпыи, въ смертныя грѣхи.

Maxima peccatorum roena Ipsum peccatum. Ничто же есть
 лѣе грѣха: и жало убо его ничто же ни въ семь, ни въ
 ономъ вѣдѣ мучительнѣе... Жало смерти грѣхъ... Грѣхона-
 внѣ кто разумѣть! Блаженъ той единъ, кто разумѣть...
*таженъ мужъ, иже на пути грѣшныхъ не ста... отърый
 и мой...*

Живи въ градѣ, иже всѣхъ насъ мать.
Если же пустился ты въ сію дорогу:
Богъ скорѣе путь да преградить!
Ибо знаешь, что снисшедши въ бездну многу,
Умъ въ безднѣ золь намъ не радить.
О Ты! иже всегда Духъ той же еси,
И число твоихъ не скудѣеть лѣтъ,
Ты разбойничи въ насъ души смѣси!
Пусть твоя сокрушить буря сѣть.

XXI.

Исчезоша въ суетѣ дніе... искупующе время... упраздни-
теся и уразумѣйте.

О дражайше жизни время!
Коль тебя мы не щадимъ!
Будто, какъ излишне бремя,
Всюду мешемъ, не глядимъ.
Будто прожитое наше возвратится намъ
назадъ,
Будто рѣки повернутся до своихъ ключей,
Будто въ нашихъ рукахъ лѣта до при-
бавки взять.
Будто изъ исчетныхъ вѣкъ нашъ соткани
дней!

Для чего-жъ мы жить желаемъ
Лѣтъ на свѣтѣ восемьсотъ,
Ежели мы ихъ теряемъ

На всякій бездѣлицъ родъ?

Лучше часть, да честно жить, нежь оквер-
но цѣлый день;

Лучше день одинъ, да святъ отъ безбожна года;

Лучше годъ одинъ да чистъ, нежь деся-
токъ оскверненъ;

Лучше въ пользѣ десять лѣтъ, нежь весь вѣкъ
безъ плода.

Брось любезный другъ бездѣля,

Пресѣчи толикій вредъ!

Сей моментъ примись до дѣла,

Вотъ, вотъ! время уплыветъ.

Ужъ не наше это время, что промчалось
мимо насъ,

Ужъ не наше, что породить будуща пора.

Днешній день лишь только нашъ, а не
утрешній часъ,

Мы не знаемъ, что вечерня принесетъ заря.

Если-жь не умѣешь жить,

Такъ учишь фигуры сей.

Ахъ! не можетъ всякъ выѣстити

Разумъ хитрости твоей.

Знаю, что наша жизнь полна суетныхъ вракъ,

Знаю, что прежалка тварь на свѣтѣ чловѣкъ,

Знаю, чѣмъ дольше жизнь, тѣмъ горшій
тотъ бѣднякъ,

Знаю, что тотъ ослѣпъ, кто загадалъ свой вѣкъ!

XXII.

Рискаго поэта Горация, перетолкована ма-
лорос сійскимъ діалектомъ въ 1765 году. Она
начинается такъ:

Отіум Дивос rogat in patenti, и проч. Со-
держитъ благое наставленіе къ спокойной
жизни.

О покою нашъ небесный!
Гдѣ ты скрылся съ нашихъ глазъ?
Ты намъ обще всѣмъ любезный,
Въ разный путь разбилъ ты насъ.

За тобою то вѣтрила
Простираютъ въ корабляхъ,
Чтобъ могли тебя тѣ крыла
На чужихъ сыскать странахъ.

За тобою маршируютъ,
Разоряютъ города,
Цѣлый вѣкъ бомбардируютъ,
Не достанутъ никогда.

Кажется живутъ печали,
По великихъ бильшь домахъ,
Бильшь спокоенъ домикъ малый,
Если нужды нѣтъ въ вещахъ.

Ахъ, ничѣмъ мы не довольны!
Се источникъ всѣхъ скорбей.
Разныхъ умъ затѣвъ полный —
Вотъ источникъ мятежей!

Поудержимъ духъ несытый,
Полно мучить краткій вѣкъ;
Что намъ дастъ край знаменитый?
Будешь тотъ же человѣкъ.

Вѣдь печаль вездѣ летаетъ,
По землѣ и по водѣ;
Сей бѣсъ молнью обгоняетъ,
Можетъ насъ сыскать вездѣ.

Будемъ тѣмъ, что Богъ далъ, рады,
Разбиваймо скорбь шути,
Полно насъ червямъ снѣдати, —
Вотъ есть чаша всѣмъ людемъ.

Славны, напримѣръ, герои —
Ихъ побѣды на поляхъ!
Долго кто живеть въ покоѣ,
Страждеть въ старыхъ тотъ лѣтахъ.

Васъ Богъ одарилъ грунтами,
Но вдругъ можетъ то пропасть;
А мой жребій съ голяками....
Мнѣ Богъ мудрости далъ часть.

Nihil est ab omni parte beatum.
Есть чаша всѣмъ людемъ.

XXIII.

ОТХОДНАЯ.

Отцу ГЕРВАСИЮ ЯКУБОВИЧУ, ОТХОДЯЩЕМУ ИЗЪ ЦВ-
РЕЯСЛАВЛЯ ВЪ БѢЛГРАДЪ НА АРХИМАНДРИТСКІЙ И
СУДЕЙСКІЙ ЧИНЪ ВЪ 1758-мъ годѣ.

Господь сохранивъ вхожденіе твое и исхожденіе твое, не-
дастъ во смятеніе ноги твоея.

Бдешь, хочешь насъ оставить,
Бдешь весель; цѣлый, здравый!
Будь тебѣ вѣтры погодны!
Счастливый туда путь
Отсель тебѣ будь!
Путніи исчезните страхи,
Спите подорожніи прахи,
Скоропослушніи кони
Да несутъ какъ по долини,
Счастливымъ слѣдомъ,
Какъ гладенькимъ льдомъ!
Облаки прочь вы невѣрны!
Не лейтесь дожди чрезмѣрны!
Вари не ожжи полуденный,
Свѣтомъ лунѣ озаренный.
Счастливый сей путь
Повсюду въ ночь будь!
Той твои направитъ ноги,
Кой далъ землю и дороги;

Бодро сидяще высоко,
Путь твой хранящее око,
Счастливить сей отходъ
Благословить и входъ.
Радуйся страна счастлива!
Примешь мужа добротлива...
Брось завистливыя нравы!
Вѣренъ есть Его познавый!
Счастливъ на степень,
Конечно блаженъ.

XXIV.

Епископу Юанну Козловичу, входящему во градъ
Переяславль на престолъ Епископскій 1750
года.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да
видять ваша добрая дѣла.

Поспѣшай, гостю! поспѣшай!
Наши желанія увѣнчай!
Какъ мусикійскій сличный слухъ,
Услаждаетъ тѣло, и движетъ духъ,
Такъ всежеланный твой приходъ
Подвигъ цѣлый градъ и весь народъ.
Граде печальный, Переяславъ!
Чисто сиротство твое дознавъ,
Измигну вышняго смотри,
Се свѣтлый день тебе озари!

По волнамъ твой корабль шалѣть,
Се въ корабль твой паки кормчій сѣлъ.

Онъ путь управить до небесъ,
Преднося Христовыхъ свѣтъ словесъ;
Въ немъ весь духовный узришь плодъ,
Какъ бы въ чистомъ зеркалѣ водъ,
Агнцу послѣдуя Христу,
Кротко очистить нечистоту.

Онъ и дѣломъ и языкомъ
Исцѣлитъ твой духъ язвленъ грѣхомъ.
Сколько чистѣйшій плоти духъ,
Сколько земнаго небесный кругъ,
Столько душевныхъ врачъ страстей
Превозвышаетъ плотскихъ врачей.

Христе! Источникъ благъ святой!
Ты духъ на пастыря излей твой,
Ты будь ему оригиналь,
Чтобъ на его смотря поступалъ
Паствы его всякъ человекъ,
И продолжи ему счастливый вѣкъ.

XXV.

**БѢЛОГРАДСКОМУ ЕПИСКОПУ ЮСАФАТУ МИТКЕВИЧУ,
ПОСЪЩАЮЩЕМУ ВЕРТОГРАДЪ ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА ВЪ
ХАРЬКОВѢ. (*)**

Господи! призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ
сей.... Плодъ духовный есть: любовь, радость, миръ и т. д.

Вышнихъ наукъ саде святей!
Листъ розовый и цвѣтъ твой красный,
Прими на тя веселый видъ!
Се возсія день твой благій!
Озарилъ тебе свѣтъ ясный!
Духъ дыша, тебе благословить.
Возвеселися о полкъ дровесъ!
Большихъ и маленькихъ сонмъ весь.
Пастырю нашъ! Образъ Христовъ!
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердый!
Зерцало чистое добротъ,
Красны нести нозѣ готовъ!
Миръ благовѣсти намъ твердый,
Призри на сей священъ оплотъ.

(*) Сей архіерей родился близъ Кіева во градъ Козельцѣ; былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престоль чувства, любви - свѣтльникъ; во вертоградъ сего истиннаго вертоградя Христова, и я три лѣта: 1760, 63 и 64-е, въ кое преставился отъ земли къ небеснымъ, бывъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу, съ тайною моею любовію. Сего ради, именовъ всѣхъ любящихъ Бога и Божія книги, и Божія други, во память его, и во благодареніе ему, сему любезному другу Божію и человѣческому, яко же лепту, приношу сію пѣснь отъ мене. Любитель Священныя Библіи Григорій Вар-Сава Скворода.

Отъ тебе помощи весь онъ ждетъ,
Сердце и руку тебѣ дастъ.
Ты садъ напой, сей святыи садъ,
Токомъ водъ благочестивыхъ,
Съ самыхъ Апостольскихъ ключей;
Не допусти ересей ядъ.

Отжени прочь всякъ родъ лживыхъ,
Да родить духовныхъ царей.

Царство Царя простирая всѣхъ,
Адскій же скиптръ низвергая грѣхъ.
Да зреть въ него бодрый взоръ твой!

. . . . .
При твоёмъ неспящемъ взорѣ
И листь его не отпадетъ;
Не листь на немъ будетъ пустой
Лицемерно льстящъ, но вскорѣ...
Вѣру, миръ, радость, кротость, любовь,
И иный весь святыи родъ таковъ:
Такъ отъ тебе самъ Царей Царь
И сего народъ святъ просить.
И что-жъ тебе сего милѣй?
Или Христу, кій лучшій даръ?
Се даръ первый, что приносить
Пастырь на паствѣ святъ святѣй!
Онъ же на дѣло самъ укрѣпитъ
И тебѣ жизнь святу продолжитъ.

XXVI.

**О ТАЙНОМЪ ВНУТРЬ И ВЪЧНОМЪ ВЕСЕЛІИ
БОГОЛЮБИВЫХЪ СЕРДЕЦЪ.**

Веселіе животь чловѣку, и радованіе мужа долг оденствіе.
Что пользы чловѣку, аще міръ весь пріобращеть, душу же
свою отщегитъ?

Возлети на небеса,
Хоть въ версальскіе лѣса (*),
    Воздѣнь одежду золотую,
    Воздѣнь и шапку парчевую.
Когда ты невесель,
То все ты нищъ и голъ.
    Проживи хоть 300 лѣтъ,
    Пробѣги хоть цѣлый свѣтъ.
Что тебѣ то помогаетъ,
Если сердце внутрь рыдаеть?
    Когда ты невесель,
    То все ты мертвъ и голъ.
Завоюй земный весь шаръ,
Будь народамъ многимъ царь!
    Что тебѣ то помогаетъ,
    Аще внутрь душа рыдаеть..
Когда ты невесель,
То все ты подлъ и голъ.

(*) Вѣрсалія именуется Французскаго царя эдемъ, сирѣчь рай, или сладостный садъ, неизрѣченныхъ свѣтскихъ утѣхъ исполненъ.

Брось, пожалуй, думать мнѣ:
Сколько жителей въ лунѣ?
Брось коперникански сферы! (*)
Глянь въ сердечныя пещеры!
Въ душѣ твоей глаголь,
Вотъ будешь съ нимъ весель!
Богъ есть лучшій астрономъ,
И наилучшій экономъ!
Мать блаженная натура
Не творить ничтоже сдура.
Нужнѣйшее тебѣ,
Найдешь ты самъ въ себѣ.
Глянь, пожалуй, внутрь тебе,
Сыщешь *друга* внутрь себе!
Сыщешь тамъ вторую волю,
Сыщешь въ злой блаженну долю.
Въ тюрьмѣ твоей тамъ свѣтъ,
Въ грязи твоей тамъ цвѣтъ!
Правду Августинъ пѣвалъ:
И злу волю обличалъ.
Воля, адъ, (***) твоя проклята,
Воля наша пещь намъ ада!

(*) Коперникъ есть новѣйшій астрономъ; нынѣ его систему, сирѣчь планъ или типикъ небесныхъ круговъ, весь міръ принялъ. Родился надъ Вислою, въ Польскомъ городѣ Торунѣ. Сфера есть слово Еллинское; словенскій—кругъ, клубъ, мячъ, глобусъ, гиря, шаръ, кругъ луны, кругъ солнца.

(**) Адъ, слово Еллинское, значитъ темница, мѣсто. преисподнее, лишнее свѣта, веселія и дражайшія злата — свободы. Адскій узникъ есть зеркаломъ пѣлѣнниковъ, мучительныя своя воли, и сія лютая фурія непрерывно вѣчно ихъ мучить.

День, ночь челюстями зѣваешь,
Всѣхъ безъ взгляду поглощаешь.

Убій злу волю, братъ,

Такъ упразднишь весь адъ!

Боже! О живой глаголь!

Кто есть безъ тебе весель?

Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,

Ты единъ всѣмъ рай и сладость!

Убій злу волю въ насъ!

Да твой владѣть гласъ!

Дажь пренужный даръ намъ сей,

Славимъ Тя, Царя Царей!

Тя поеть и вся вселенна,

Въ семь законѣ сотворенна,

Что нужность не трудна,

Что трудность не нужна. (*)

Какъ въ зернѣ мамврійскій дубъ, такъ въ горчичномъ его словѣ сокрылась вся высота бого-словскія пирамиды. Обрѣтшій средь моря своея воли Божію волю — обрѣте Кифу, сирѣчь гавань оную. На семь камени утвержу всю церковь мою... Аще кто (преобразилъ) предасть

(*) Pro memoria,

т. е. припоминаніе.

Самое сущее Августиново слово есть сіе:

Tolle voluntatem propriam,
Et tolletur infernus.

Сирѣчь.

Истреби волю собственную
и истребится адъ.

волю свою во волю Божию, воспѣвая сіе... Исчезе сердце мое, и проч. Сему самъ Богъ есть сердцемъ. Воля, сердце, любовь, Богъ, духъ, рай, гавань, блаженство, вѣчность есть тожде. Сей не обуревается, имѣя сердце оное, его же волею вся управляются. Августиново слово дышетъ симъ... раздерите сердца ваша... возьмите иго мое на себе, умертвите уды ваша, не яко же хотите сіе творите... нѣсть наша брань противу плоти и крови... Враги чело-вѣку домашніе его..., но аспида и василиска наст... Той сотретъ твою главу, и проч.

—
XXVII.

Кто сей есть, его же вѣтры и моря послушаютъ.

Челнокъ мой бурнъ вихрь шатаетъ,
Се въ бездну, се выспрь ввергаетъ.

Ахъ нѣсть мнѣ днесь мира,

И нѣсть мнѣ кормила,

Сѣмя море пожираетъ.

Гора до небесъ восходитъ,

Другая до безднъ нисходитъ.

Надежда въ мнѣ таетъ,

Душа исчезаетъ,

Ждахъ: и се нѣсть помогай!

О пристанище безбѣдно!

Тихо, сладко, безнавѣтно!

О Мариинъ Сыне!
Ты буди едине
Кораблю моему брегожь!
Ты въ корабль моеъ сплыви,
Востани! мой плачь услыши!
Ахъ! запрети морю!
Дажь помощь ияъ скорю!
Ахъ! востани моя славо!
Избави мя отъ напасти,
Смотри душелѣнныя страсти:
Се духъ терзають,
Жизнь огорчевають;
Спаси мя, Тебѣ молюся.

Сложена 1785 года, сентября 17 дня, въ селѣ Великомъ
Бурлукѣ.

XXVIII.

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε ταχὺ γὰρ πάντα γηράσκει. Ἐδέ-
ρος δὲ ἐξ ἐρίφου τραχὺ ἐθῆκε τρίγων. Сирѣчь

Наслаждайся дней твоихъ,
Все бо вмалѣ состарѣеть.
Въ одно лѣто изъ козленка
Сталъ косматый цапъ.
Осень намъ проходитьъ,
А весна прошла;
Мать козленка родитьъ,

Такъ весна пришла.

Едва лѣто запало,

А козля цапомъ стало.

Цапъ бородатый!

Ахъ отвержемъ печали!

Ахъ вѣкъ нашъ краткій, малый!

Будь сладкая жизнь!

Кто грусть въ утробѣ

Носитъ завсегда,

Тотъ лежитъ во гробѣ,

Не жилъ никогда.

О утѣха и радость!

О сердечная сладость!

Прямая ты жизнь!

Не красна долготою,

Но красна добротою

Какъ пѣнь, такъ и жизнь!

Живъ Богъ милосердый,

Я его люблю;

Онъ мнѣ камень твердый,

Сладко грусть терплю.

Онъ живъ, не умирая,

Живетъ же съ нимъ желая,

● Моя и душа.

А кому онъ не служить,

Пуцай тотъ бѣдный тужить,

Прямой сирота!

Хочешь ли жить въ сласти,

Не завидь нигдѣ
Будь сытъ съ малой части,
Не убогъ вездѣ.
Не бойся, смотря на гробныя прахи
И на дѣтскіе страхи.
Смерть—покой, не вредъ!
Такъ жываль Авинейскій,
Проводилъ день-деньской.
Въ садахъ Эпикуръ.

МЕЛЮДА

**НА ОБРАЗЪ ЗАЧАТІЯ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОМАТЕРИ,
ИМУЩІЯ ПОДЪ НОГАМИ КРУГЪ МІРА, УМА-
ЛЯЮЩУЮСЯ ЛУНУ И ЗМІЯ СЪ ЯБЛОКОМЪ.**

(Сей образъ стоить въ Богословской школѣ въ Харьковѣ)
Изображена сія мелюда 1760 года, какъ былъ я учителемъ
шпитальскія школы.

Воззри! се Дѣва стоить съ пречистыми руками!
Яблоко, змій, мѣръ, луна подъ ея ногами.
Яблокомъ является, плотска сласть безчестна.
Въ кую влечеть, какъ змій, плоть наша пре-
лестна,
Кругъ мѣра образуетъ, злу смѣсь мѣрскихъ инт-
ній,
А луна знаменуеть сѣнь мѣрскихъ имѣній.
Побѣди сія, Христось, и въ тебѣ вселится!
Будь, какъ Дѣва, чистъ! Мудрость въ сла-
стяхъ не вмѣстится...

отъ съ начала грѣхъ пріятенъ,
по нѣжнымъ ведетъ цвѣтамъ,
и опослѣ есть ужасенъ,
и узрить грѣшникъ самъ.

Скоро бо ввалится въ грѣхъ,
Тотчасъ лишается утѣхъ,
И чувствуетъ одну печаль.
грѣхъ! ты сначала сладокъ,
какъ благовонный бальзамъ,
и послѣ какъ илъ и грязь, гадокъ
и лгавъ ты нашимъ сердцамъ.

Твой разлившійся по душѣ ядъ
Опалаетъ какъ пламенный адъ,
И нещадно мучить да жжетъ.

ты съ виду сладостью обвить,
мы тебе жадно жремъ.
ты какъ ехидна ядовить,
и мы тебе въ руки беремъ,

И глотаемъ, какъ сладчайшій медъ,
Но въ ту же минуту чувствуемъ вредъ,
Вредъ не внѣ, а внутрь души.

зоя сначала личина
и нашимъ кажется очамъ,
какъ какъ прекрасна картина,
и мы слѣпо смотрящимъ намъ.

Но вдругъ твоя проходитъ краса,
И какъ смертоносная коса
Устрашаетъ наши сердца.

Ты насъ, какъ агнецъ, встрѣцаешь,

И являешь милый взоръ,

Но послѣ, какъ волкъ, терзаешь,

И заражаешь, какъ моръ.

Точишь, какъ неусыпаемый червь,

Рвешь и снѣдаешь, какъ лютый левъ.

О левъ! о червь! о скрита моль!

Ты пучина всѣхъ есть жруща,

И глотаешь какъ китъ тощъ;

Ты адска челюсть ядуща,

Зѣваешь бо день и ночь.

Строиши сѣти какъ птицеловъ,

И манишь насъ какъ младыхъ птенцовъ.

О сѣть! О клѣть! О хитръ обманъ!

Ты точно тотъ звѣрь лютейшій,

Коего зрѣлъ Богословъ

Въ Откровеніи святѣйшемъ,

Имѣвшаго седмъ роговъ.

Тѣми рогами на всякой часъ

Спѣшитъ заклать и убить насъ.

О звѣрь! О тигръ! О аспидъ злый!

Изъ твоихъ челюстей мечъ смерти

Летитъ быстро и разить,

И готовъ всѣхъ насъ пожерти,

Сѣчетъ, колитъ и язвить.

Отъ твоихъ острыхъ и лютыхъ стрѣлъ

Рѣдко кто не поврежденъ и цѣлъ.

О грѣхъ! о звѣрь! о лютей змій!

Но грѣшникъ въ тебе влюбившись,

Самаго себя вредить,
И тобою омрачившись,
Дремлетъ, спать и не радить.

Но сколь же онъ несчастливъ, бѣдникъ,

О семъ подумай прилежно всякъ,

То отъ страху весь задрожитъ.

Если-жъ кто грѣховна яда

Не потщится изблевать.

То тотъ уже возлѣ ада, —

И нельзя его миновать.

Кто бо имѣетъ въ душѣ сей ядъ,

Тотъ въ себѣ носить тартаръ и адъ

Плоды грѣховъ, страхъ и мятежъ.

СВѢТЪ.

Ахъ, ты свѣте лестный,

Ты сердце крушишь,

Лютыми печальми

Только мя сушишь.

Теперь я сталъ знать.

Крѣпко примѣчать,

Ахъ, какъ твои стрѣлы

Меня уязвили

Ядовитыя.

Лести твоей, свѣте,
Я прежде не зналъ,
И за вѣрна друга
Тебя я считалъ;

Ажъ ты хитрый воръ,
Въ томъ больше не спорь:
Въ тебѣ лесть обмана
Жалка сердцу рана
И весьма несносна.

Этотъ мнѣ въ примѣту
Жалостный примѣръ:
Ходилъ я по свѣту
И часто самъ зрѣлъ,

Какъ онъ все мѣняетъ
И всѣхъ оскорбляетъ
Всему тамъ бѣда,
Какъ вдругъ иногда
Тотъ свѣтъ заиграетъ.

Силенъ, какъ высоко
Летаетъ орель,
Всѣ птицы боятся,
Когда онъ весель:

Надъ пѣшимъ орломъ
Вороны кругомъ;
Летаютъ, горкочутъ,
И злобно хлопочутъ,—
Ахъ несносно жаль!

Какъ счастье служило,
Нажилъ я друзей;
Все тогда манило
Ихъ къ дружбѣ моей.
Теперь всѣ друзья
Палятъ изъ ружья,
Какъ бы въ мя попасть,
Чтобъ совсѣмъ пропасть.
И чайка кигиче,
Пзгинь ты, куличе!

СЧАСТЬЕ.

Ахъ, счастье, счастье бѣдное, злое!
Крушишь и печалишь ты сердце мое,
И самъ я не знаю, что мнѣ чинити:
Жениться ли мнѣ, холостымъ ли быти?
Возьму я богатчу, будетъ укоряти;
Убогую взявши, нечѣмъ снабдѣвати;
Умная не дастъ мнѣ и слова сказать;
Дурную же стыдно людямъ показать.
Пошелъ бы я въ купцы—не знаю божиться,
А не божившись, не можно разжиться;
Пошелъ бы въ солдаты—нѣтъ силы ни мало,
Рушницу носить мнѣ не пристало.
А такъ жить въ мѣрѣ—ото наше дѣло!

БЛАГОДАРНОСТЬ МАЛОРОССІЯНЪ ЗА БЛАГОДѢЯНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ. НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРѢЧІИ.

Ой годи намъ журитесе, пора перестаты,
Дождалися отъ Царици за службу заплаты:
Далы хлѣбъ, силъ и граматы за вирныя службы;
Отъ—теперъ мы, милы братья, забудемъ вси
нужды!

Въ Тамани жыть, вирно служыть, границу
держаты,
Рыбу ловить, горилку пить, шей — будымъ
багаты;

Дальше, треба женытиса и хлѣба робыты,
Хто прійды къ намъ изъ невірныхъ, то якъ
врагивъ быты.

Слава Богу и Царици, а покой Гетману!

Зличили намъ въ сердцахъ нашихъ великую
рану...

Благодаримъ Императрицу, молимся Богу,

Що намъ вона указала на Тамань—дорогу.

СОЛНЦЕ И ПТАШКА.

(На Малороссійскомъ нарѣчїи.)

Солнце восходыть, прійдутъ красы!

Солнце заходытъ, Боже спасы!

2 Боже-жъ мой Боже!
Всякій день то-же!

Тотъ всезлится, тотъ слезы льётъ,
Тотъ богатѣеть, тотъ нагъ идетъ!

2 Боже-жъ мой, Боже!
Всякій день то-же!

Ой ты птычко жовтобока,
Не клады гнизда високо.

2 Кладыжъ ёго низько въ янци,
Ховай дитокъ у зеленій травци!

Глянь—ось ястребъ надъ головою,
Лита и хоче ухопыть!

2 Охъ винъ зъ іжею такою,
Тилько кнхтыще гострыть!

Бидну птычку уловили,
И въ книточку засадили!

2 Охъ, одчепить!
Охъ, выпустить!

Да вжежъ мени не литаты,
Да вжежъ мени не спиваты:

2. Тѣхъ—тѣхъ—тѣхъ!

Да вжежъ мени тутъ буты,
Охъ! тутъ буты, тутъ буты,

2. Охъ! охъ, охъ, охъ, охъ!

Такъ прощайте-жъ вы лисочки,
Луки, гай и садочки!

2 Охъ, одчепить!
Охъ, выпустить!

Да вжежъ мени не литаты,
Да вжежъ мени не спиваты:

2. Тѣхъ—тѣхъ—тѣхъ!

Да вжежъ мени тутъ буты,

Охъ! тутъ буты, тутъ буты!

2. Охъ! охъ, охъ, охъ, охъ!

Гарна клитка золотая,

Кращежъ воля дорогая.

2 Охъ одчепить!

2 Охъ выпустить!

и проч.

Охъ, подружко дорогая,

Мыла, любя, золотая!

2 Гей птенята,

Пташнята!

Тѣхъ—тѣхъ—тѣхъ!

Да вжежъ—бо намъ не литаты,

И всимъ вкупи не спиваты!

2. Охъ! охъ, охъ, охъ, охъ!

Есть тутъ вдоволь істы й пыты,

Та не весело сидиты!

2 Охъ, одчепите!

2 Охъ, выпустите!

Да вжежъ мени не литаты,

И на воли не спиваты:

2. Охъ! охъ, охъ!...

Да вжежъ мени тутъ буты,

Викъ тукъ буты! викъ буты!

2. Тѣхъ—охъ! тѣхъ—охъ! тѣхъ!

Кромѣ лиранковъ и бандуристовъ — слѣпцовъ, поющихъ и знающихъ пѣсни Сковороды, многія духовныя пѣсни и псалмы поются и послушниками и по Малороссійскимъ монастырямъ.

П Р О З А.

РАЗГОВОРЪ О ТОМЪ:

З Н А Й С Е Б Е.

Лица: Лука, его Другъ и Сосѣдъ.

Лука. Вчера обѣдали мы оба, у моего брата, я и сосѣдъ мой, и собрались нарочно для воскреснаго дня, чтобъ поговорить о чемъ либо изъ Божьяго слова. Столъ былъ въ саду. Случай къ разговору подали слѣдующія написанныя на бесѣдкѣ слова:

Той сотреть твою главу:

Ты же блюсти будешь его пята.

Случилися при обѣдѣ два ученые: Наваль и Сомнасъ. Они много тѣ слова толковали, по прошенію брата моего. Я непоколебимо вѣрю, что священное писаніе есть райская пища и врачество моихъ мыслей. Для того окаясь самъ себя за то, что не могъ никакого вкуса чувствовать въ тѣхъ сладчайшихъ словахъ.

Другъ. Какъ же называешь сладчайшими словами, не чувствуя въ нихъ никакого вкуса?

Л. Такъ какъ той, кто издали смотритъ на райскіе цвѣты, не слышитъ ихъ духа, а только вѣрять, что дивнымъ какимъ-то дышатъ они благовоиємъ.

Др. Слушай, брате. Хотя бы онѣ подъ самый намъ носъ дышали, вкуса нельзя намъ чувствовать.

Л. Для чего? Развѣ у насъ головы и ноздрей нѣтъ?

Др. Головы и ноздрей? Знай, что мы цѣлаго человѣка лишены, и должны сказать: Господи! человѣка не имамъ.....

Л. Развѣ же не имѣемъ и не видимъ у насъ людей?

Др. Что же пользы: имѣть и не разумѣть? вкушати, и вкуса не слышать?.. А если хочешь знать, то знай, что мы такъ видимъ людей, какъ, еслибы кто показывалъ тебѣ одну человѣческую ногу, или пяту, закрывъ прочее тѣло и голову, безъ чего никакъ невозможно узнать человѣка. Ты и самъ себя видишь, но не разумѣешь и не понимаешь самага себя. А не разумѣть себя самага, слово въ слово, тоже, что и потерять себя самага. Если въ твоємъ домѣ сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, то это, слово въ слово, какъ бы его и не бывало. И такъ, познать себя самага, и

ыскать себя самага, и найти человѣка, все сіе значить одно. Но ты себя не знаешь, и человѣка не имѣешь, въ которомъ находятся очи, ноздри, слухъ и прочія чувства: какъ же можешь твоего друга разумѣти и вѣдать, если самъ себе не разумѣешь и не имѣешь? Слушай, что говоритъ истинный человѣкъ тому, кто хочетъ его свискать и увѣдать? Аще не увѣси саму себе, о добрая въ женахъ! изыди въ пятахъ паствъ, и паси козлища твоя, у кущей пастырскихъ.

Л. Какъ же? вѣдь вижу руки, ноги, и все мое тѣло.

Др. Ничего не видишь и вовсе не знаешь о себѣ.

Л. Жестокъ твой замыселъ и очень шиповать. Не можно мнѣ его никакъ проглотить.

Др. Понимая это, я и говорилъ, что ты не можешь слышать вкуса.

Л. Такъ что же вижу въ себѣ? Скажи пожалуйста.

Др. Видишь въ себѣ то, что ничто, и ничего не видишь.

Л. Замучилъ ты мене. Какъ же не вижу въ себѣ ничего?

Др. Видишь въ себѣ одну зѣмлю, но симъ самымъ, ничего не видишь, потому что земля и ничто — одно и то же. Иное — видѣть тѣнь дуба, а иное — самое дерево точное. Видишь

тѣнь свою, просто сказать: пустошь свою и ничто; а самага себѣ отъ роду ты не види-
валъ.

Л. Боже мой! Откуда такія странныя мы-
сли...? Ты наговоришь, что у-меня ни ушей,
ни очей нѣтъ.

Др. Да, я уже давно сказалъ, что у тебя
всего этого нѣтъ.

Л. Какъ же, развѣ очи мои, не очи, и уши—
не уши?

Др. Но я спрошу тебя: скажи — пята твоя,
и тѣло твое — все ли одно?

Л. Пята моя есть послѣдняя часть въ тѣлѣ,
а голова — начало.

Др. Такъ я тебѣ, твоимъ же отвѣтомъ, отвѣ-
щаю: что сіе твое око есть пята, или хвостъ
въ твоемъ окѣ.

Л. А самое точное око, главное и начальное
око гдѣ?

Др. Я вѣдь говорилъ, что ты видишь только
свой хвостъ, а головы не знаешь. Такъ мож-
но ли узнать человѣка, изъ одной его пяты?
А если ока твоего ты не видишь, кромѣ пос-
лѣдней его части, то не видалъ никогда ни
уха, ни твоего языка, ни рта, ни ногъ тво-
ихъ, ни всѣхъ прочихъ твоихъ частей цѣ-
лаго твоего тѣла, кромѣ послѣдней его части,
называемыхъ: пятою, хвостомъ, или тѣломъ....
Такъ можешь ли сказать, что ты себя узналъ?

Ты самъ себя потерялъ. Нѣтъ у тебя ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебя, кромѣ одной твоей тѣни.

Л. Для чего жъ меня тѣнью называешь?

Др. Для того, что ты существа твоего потерялъ истъ и во всемъ себѣ наблюдаешь пятю, или хвостъ, минуя твою точность, и потерявъ главность.

Л. Да почему же мои члены хвостомъ зовешь?

Др. Потому, что хвостъ есть послѣдняя часть. Она послѣдуетъ головѣ, а сама собою ничего не начинаеть.

Л. Мучишь ты меня, другъ любезный. Можетъ быть, оно и такъ, какъ сказуешь, но уничтоживъ мои мнѣнія, ты своихъ мыслей не даешь.

Др. Послушай, душа моя! Я и самъ, признаюсь, что точно незнаю. А если тебѣ поправятся мои мысли, такъ поговоримъ откровеннѣе. Ты вѣдь безъ сомнѣнія знаешь, что называемое нами око, ухо, языкъ, руки, ноги, и все наше внѣшнее тѣло, само собою, ничего не дѣйствуетъ, и ни въ чемъ. Но все оно порабощено мыслямъ нашимъ. Мысль, владычица его, находится въ непрерывномъ волнованіи день и ночь. Она-то рассуждаеть, совѣтуетъ, опредѣленіе дѣлаеть, понуждаеть. А крайняя наша плоть, какъ обузданный скоть,

или хвостъ , по неволѣ ей послѣдуетъ. Такъ вотъ видишь, что мысль есть главною нашею точкою и среднею (*). А посему-то она, часто и сердцемъ называется. И такъ, не внѣшняя наша плоть, но наша мысль есть главный нашъ человекъ; въ ней-то мы состоимъ, а она въ насъ.

Л. Вотъ этому я вѣрю. Я примѣчалъ, что когда (отселѣ стану себя мыслию называть) на сторону устремляюся, тогда безъ меня мое око ничего, даже въ близости видѣть не можетъ. Что-жъ оно за такое око, если видѣть не можетъ? Ты его хорошо назвалъ не окомъ, а тѣнью точнаго ока, или хвостомъ (**). Благодарствую, что ты мнѣ меня нашелъ. Слава Богу! Теперь, я все имѣю — очи, уши, языкъ, руки, ноги. Потерялъ я старое, но нашелъ новое.

Прощай, моя тѣнь! Здравствуй, вождельная истина! Ты будь мнѣ Обѣтованная земля. Полно мнѣ быть работникомъ. Да я-жъ о семъ никогда и не думалъ. Куда! Я люблю это мнѣніе. Пожалуй, подтверди мнѣ его. Хочу, чтобъ оно было непоколебимо.

(*) Mens cujusque est quisque. Cicero. Умъ коегождо-той есть кійждо. Цицеронъ. Отсюда умъ у Тевтоновъ, Человѣкъ нарицается Mensch, сирѣчь, Mens: то есть, мысль, умъ. У Еллиновъ же нарицается Мужъ, Φῶς: сирѣчь, свѣтъ: то есть, умъ.

(**) Coeci sunt Oculi: ubi Mens aliud agit. Proverbiu. Слѣпы суть очи, буде умъ иное дѣлетъ: сирѣчь, аще индѣ устранился. Древняя Притча.

Др. Пожалуй, не спиши! Кто скоро придѣляется къ новому мнѣнію, тотъ скоро и отпадаетъ. Не будь вѣтренъ. Испытай опасно всякое слово, и тогда уже давай ему мѣсто въ сердцѣ твоемъ. Я и самъ сіе мнѣніе несказанно люблю и желаю, чтобъ оно твоимъ на вѣки было, дабы въ насъ сердце и мысль одна была. И сего сладчае быть ничто не можетъ. Но пожалуй же, разсуждай первѣе хорошенько. Потомъ въ радости и въ простотѣ сердца принимай. Будь простъ, но будь притомъ и бережливъ. Если мое мнѣніе тебѣ нравно, то знай, что оно — не мой вымысль есть. Взгляни на Іеремію въ глав. 17-й въ стихѣ 9-мъ.

А. Боже мой! Самаго точнаго увижу я Іеремію, если увижу его мысль. Но покажи его слова...

Др. Вотъ тебѣ!

Глубоко сердце человѣку, паче всѣхъ; и человѣкъ есть, — и кто познаетъ его?

Если теперь имѣешь очи и уши, примѣчай! Чувствуешь ли?

А. Чувствую, другъ мой. Пророкъ называетъ человѣкомъ сердце.

Др. А что-жъ кромѣ сего, примѣчаешь?

А. То, что утаенная мыслей нашихъ бездна и глубокое сердце — все одно. Но удивительно! какъ то возможно, что человѣкомъ есть не

внѣшняя, или крайняя его плоть, какъ народъ разсуждаетъ, а глубокое сердце, или мысль его; она-то самымъ точнымъ есть человѣкомъ, и главою; а ты сказалъ, что внѣшняя его наружность есть не иное что, какъ тѣнь, пята и хвостъ.

Др. Вотъ видишь, уже начинаешь опадать: легко сначала повѣрилъ. Для того стала скоро оскудѣвать вѣра твоя. Что вдругъ зажигается, то вдругъ и угасаетъ. Но твердое дѣло укрѣпляется съ костью, потому что совѣтъ не бываетъ безъ медленности. Ахъ! земля прилипчива есть. Не вдругъ можно вырвать ногу изъ клейкихъ плотскихъ мнѣній. Они-то, въ насъ вкоренившись, называются повѣрьемъ. Плотскаго нашего житія плотская мысль началомъ и источникомъ есть: по землѣ ползетъ, плоти желаетъ, грязную нашу пятаю наблюдаетъ... Но кто намъ сотретъ главу змѣину? Кто выколетъ вранови око, вперившееся въ ночь? Кто намъ уничтожитъ плоть? Гдѣ Фснеесъ, пронзающій блудницу? Гдѣ ты — мечу Іереміинъ, опустошающій землю?.. Но сыскалъ Богъ мудраго противу мудраго, — змѣя на змѣя, сѣмя противу сѣмени, землю вмѣсто земли, рай вмѣсто ада, вмѣсто мертваго — живое, вмѣсто лжи, правду свою... Се! Спаситель твой грядетъ, имѣяй съ собою воздаяніе.

Л. Говори пожалуй поясниѣ; ничего не понимаю.

Др. Но кто вкусъ можетъ слышать, не имѣя вѣры? Вѣра — свѣтъ во тьмѣ видящая; страхъ Божій — плоть пригвождающій. Крѣпка, яко смерть, любовь Божія. Вотъ единственная дверь къ райскому вкусу. Можешь ли вѣрить, что чистѣйшій Духъ весь пепелъ плоти твоя содержитъ?

Л. Вѣрую, но самъ чувствую слабость вѣры моя... Пособи, если можешь, выдраться изъ грязи невѣрія. Признаюсь, что сіе слово: вѣра, въ грязныхъ моихъ устахъ мечтается за одинъ только обычай; а вкуса въ ней ничего не слышу.

Др. По крайней мѣрѣ, знаешь, куда смотреть вѣра?

Л. Знаю, что должно вѣровать въ Бога, а въ прочемъ—ничего тебѣ не скажу.

Др. О бѣдный и бесплодный человекъ! Знай же, что вѣра смотреть на то, чего пустое твое око видѣть не можетъ.

Л. Что за пустое такое око?

Др. Уже говорено, что вся плоть пустошь.

Л. Да, я въ цѣлой поднебесной ничего другаго не вижу, кромѣ видимости, или, по твоему сказать, плотяности, или плоти.

Др. Такъ посему ты — невѣрный язычникъ и идолопоклонникъ?

Л. Какъ же идемо поклонити, если вѣрую во единого Бога?

Др. Какъ же вѣруешь, если кроме видимости, ничего не видишь? Вѣдь вѣра пустую видимость презираетъ, а опирается на томъ, что въ пустошѣ головою, силою есть, и основаніемъ, и никогда не погибаетъ.

Л. Такъ посему другаго ока надобно, чтобъ еще повидѣть и невидимость?

Др. Скажи лучше такъ, что надобнѣе для тебя истинное око, дабы ты могъ истину въ пустошѣ усмотрѣть, а старое твое око никуда не годится: пустое твое око смотритъ во всемъ на пустошь. Но если бы ты имѣлъ истиннаго въ себѣ человѣка, могъ бы ты его окоя въ всемъ усмотрѣть истину?

Л. Какъ же сего человѣка нажить?

Др. Если его узнаешь, то и достанешь его.

Л. А гдѣ онъ..? Но прежде отвѣщай: для чего ты говорилъ о вѣрѣ, а теперь объ окѣ?

Др. Истинное око, и вѣра — все одно.

Л. Какъ такъ?

Др. Такъ, что истинный человѣкъ имѣетъ истинное око, которое, понеже, минуя видимость, усматриваетъ подъ нею новостъ и на ней опочиваетъ, для того называется вѣрою. А вѣровать и положиться на что, какъ на твердое основаніе — все то одно.

Л. Если находишь во мнѣ два ока, то и два человѣка.

Др. Конечно такъ.

Л. Но довольно и одного: на что два?

Др. Глянь на сіе дерево: если сего дуба не будетъ, можетъ ли стоять тѣнь?

Л. Я вѣдь не тѣнь, я твердый корпусъ имѣю.

Др. Ты-то тѣнь, тьма и тлѣнь; ты еси истиннаго твоего человѣка, ты риза, а онъ тѣло. Ты привидѣніе, а онъ твоя красота, образъ и планъ: не твой образъ, и не твоя красота, а онъ въ тебѣ истина. Ты-то ничто, а онъ въ тебѣ существо; ты грязь, а еси твоя красота, образъ и планъ. Не твой образъ, и не твоя красота; понеже не отъ тебе, да только въ тебе, и тебе содержать, о правъ! и ничто! А ты его по тѣхъ мѣсть не узнаешь, понеже не признаешься со Авраамомъ въ томъ, что ты земля и пепель; а теперь кушай землю, люби пату свою, ползай по землѣ. О сѣмя злѣбно! Придетъ Богообъщанный тотъ день, въ который благословенное сѣмя, ипостасное Слово Отца уничтожить лукавый совѣтъ твой сей, той сотреть твою главу.

РАЗГОВОРЪ 2-й.

О томъ же: Знай Себе.

Лица: Клеопа, Лука и Другъ.

Клеопа. Правду говоришь... Однакъ, панъ Сомнасъ сколько ни велерѣчивъ, я въ немъ вкуса не слышу. Пойдемъ опять къ нашему другу. Слова его ѣдки, но, не знаю, какъ-то пріятны.

Лука. А вотъ онъ и самъ къ намъ...

Другъ. Тѣнь мертвая! Здравствуйте!

Л. Здравствуй, мысль, духъ, сердце! Вѣдь, сей твой человѣкъ? Пересказали мы твои мысли нашимъ книгамъ. Они говорили, что долженъ ты свое мнѣніе въ натурѣ показать.

Др. Что се значитъ: въ натурѣ показать?

Л. Я сего не знаю.

Кл. Какъ сего не знать? Должно показать, что не только въ одномъ человѣкѣ, но и въ прочіихъ тваряхъ невидимо первенствуетъ.

Л. Такъ точно. Затѣмъ хотѣли къ тебѣ итти.

Др. А вы доселѣ сего не знаете?

Л. Конечно, долженъ ты доказать.

Др. Вѣрите ли, что есть Богъ?

Л. Его невидима сила вся исполняетъ и всѣмъ владѣеть.

Др. Такъ чего-жъ ты еще требуешь? Ты уже самъ доказалъ.

Л. Какъ доказать?

Др. Когда говоришь, что невидима сила все исполняетъ и всѣмъ владѣтъ, такъ не все ли одно сказать, что невидимость въ тваряхъ первенствуетъ? Ты уже самъ назвалъ невидимость головою, а видимость хвостомъ во всей вселенной.

Л. Такъ возьми—что изъ вся вселенныя въ примѣръ, для изъясненія.

Др. Я тебѣ всю подсолнечную и вси Коперниковы міры представляю. Возьми изъ нихъ, что хочь. А что говорите: показать въ натурѣ—то должно было сказать: изъясни намъ притчами или примѣрами и подобіями, что человекъ состоитъ не во внѣшней только своей плоти и крови, но мысль и сердце его—то истинный человекъ есть. Взглянь на стѣну сію—что на ней видишь?

Л. Вижу написаннаго человека. Онъ стоитъ на змѣѣ, раздавивъ ногою голову змѣину.

Др. Вѣдь живопись видишь?

Л. Вижу.

Др. Скажи-жъ, что такое живописью считаешь? Краску ли, или закрытый въ краскѣ рисунокъ?

Л. Краска—не иное что, какъ порохъ и пүстошь. Рисунокъ, или пропорція, и расположеніе красокъ—то сила. А если ея нѣтъ, въ то время краска—грязь и пүстошь одна.

Др. Что-жь еще при сей живописи видишь?

Л. Вижу приписанныя изъ Библии слова. Слушайте, стану ихъ читать.

Мудраго очи во главѣ его.

Очи же безумныхъ на концахъ земли.

Др. Ну, если кто краску на словахъ видитъ, и письменъ прочесть не можетъ: какъ тебѣ кажется? Видитъ ли такіи писмена?

Л. Онъ видитъ плотнымъ окомъ одну последнюю пустошь, или краску въ словахъ, а самыхъ въ письмѣ фигуръ не разумѣетъ — одну пятю видитъ, не главу.

Др. Право ты судилъ еси. Такъ посему, если видишь на старой въ Ахтыркѣ церкви кирпичъ и вапу (известъ), а плана ея не понимаешь — какъ думаешь: усмотрѣлъ ли и узналъ ее?

Л. Никакъ! Такимъ образомъ одну только крайнюю и последнюю наружность вижу въ ней, которую и скоть видитъ; а симметріи ея, или пропорціи и размѣра, которые всему связъ и голова матеріалу, понеже въ ней неразумью, для того и ея не вижу, не видя ея головы.

Др. Добрый твой судъ. Теперь на щеты всю сумму.

Л. Какъ?

Др. А вотъ такъ: что въ краскахъ рисунокъ, то же самое есть фигурою въ писменахъ; авъ стросніи планомъ. Но чувствуешь ли, что всѣ *си головы*, какъ рисунокъ, фигура и планъ и

симметрия и разитель, не иное что есть, какъ мысли?

Д. Кажется, что такъ.

Др. Такъ для чего-жъ ты не постигаешь, что и въ прочіихъ тваряхъ невидимость первенствуетъ, не только въ человѣкѣ? То-жъ разумѣть должно о травахъ, деревьяхъ, и о всемъ прочемъ. Духъ все на все выдѣливаетъ, духъ и содержитъ. Но наше око пята блюдетъ, и на послѣдней наружности находится, минуя слухъ, начало и голову. И такъ, хотя бы мы одно безъ души тѣло были, то и въ самое то время еще не довольно самихъ себе понимаемъ.

Д. Для чего?

Др. Для того, что, почитая въ тѣлѣ нашемъ наружный прахъ, не поднимаемъ мыслию въ планъ, содержащій слабую сію персть. И никогда вкуса не чувствуемъ съ словахъ сихъ Божіихъ, по землѣ ползущее наше понятіе къ познанію истиннаго нашего тѣла возвышающихъ, а именно: «Не бойся, Іакове! Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя...» Но поступимъ повышше.

Кл. Мы вышше поступать еще не хотимъ, а сумнѣніе имѣемъ, и желаемъ хорошенько узнать то, что называешь истиннымъ тѣломъ. Намъ дивно, что...

Др. Что такое дивно? Не Богъ ли все со-

держитъ? Не самъ ли глава и все во всемъ? Не Онъ ли, истиннымъ и главнымъ основаниемъ въ ничтожномъ прахѣ нашемъ? И какъ сумнишься о точномъ и новомъ тѣлѣ? Не думаешь ли сыскать что ни-есть такое, въ чемъ бы Богъ не правительствовалъ за главу и вмѣсто начала? Но можетъ ли что бытіе свое кромѣ Его имѣть? Не онъ ли бытіемъ всему? Онъ вся во всемъ; потому что истина есть Господня, Господь же духъ и Богъ — все одно. Онъ единъ дивно во всемъ и новос во всемъ дѣлаетъ самъ собою, и истина Его во всемъ во вѣки пребываетъ; прочая же вся — крайняя наружность — не иное что, токмо тѣнь Его, и пята Его, и подножіе Его, и обветшающая риза... Но

Мудраго очи во главѣ его.

Очи же безумныхъ на концахъ земли.

РАЗГОВОРЪ 3-й.

О томъ же: Знай себе.

Лица: Клеопа, Филонъ и Другъ.

Клеопа. Ахъ, перестань пожалуй, не сумнѣвайся. Онъ — человекъ добрый и ничьей не гнушается дружбою. Мнѣ твое доброе сердце известно, а онъ ничего кромѣ сего не ищетъ.

Филонъ. Я знаю многихъ ученыхъ : они горды, не хотятъ и говорить съ поселяниномъ.

Кл. Пожалуй же повѣрь.

Др. О чемъ у васъ споръ?

Кл. Ба! А мы нарочно къ тебѣ.... Вотъ мой товарищъ ; пожалуй не погнѣвайся.

Др. За что? Человѣкъ зрить на лице, а Богъ зрить на сердце. А Лука гдѣ?

Кл. Не можетъ понять твоихъ рѣчей. Онъ прильзился къ Сомнасу, при вчерашнемъ разговорѣ. А намъ твои новинки милы.

Др. О чьей была рѣчь?

Кл. Помнишь ли, Филонъ?

Фил. Помню; была рѣчь о безднѣ.

Кл. А! а! вотъ слова..! И тьма верху бездны.

Фил. Потомъ споръ былъ о какихъ-то старыхъ и новыхъ мѣхахъ, и о винѣ.

Кл. Одинъ спорялъ, что бездною называется небо, на которомъ плаваютъ планеты. А господинъ Наваль кричалъ, что точная бездна есть океанъ великій. Иной клядся, что чрезъ то значитя жена. Иной толковалъ ученіе, и прочая, и прочая.

Др. Если хотимъ измѣрить небо, землю и море, должны впервыхъ измѣрить самихъ себе съ Павломъ — собственною нашею мѣрою. А если наша внутри насъ мѣры не същемъ, то чѣмъ измѣрить можемъ? А не измѣривъ себя прежде, что пользы знать мѣру въ прочихъ

тваряхъ? Да и можно ль? Можетъ ли слѣпъ въ домѣ своемъ быть прозорливымъ на рынку? Можетъ ли сыскать мѣру, не разумѣвъ, что есть мѣра? Можетъ ли мѣрять, не видя земли? Можетъ ли видѣть, не видя головы ея? Можетъ ли усмотрѣть голову и силу ея; не сыскавъ и не разумѣвъ своея въ самомъ себѣ? Голова головою, и сила понимается силою.

Кл. Не можно ль поговорить простѣе?

Др. Измѣрять и узнать мѣру есть одно. Если бы ты долготу и широту церкви измѣрилъ сажнемъ или веревкою, какъ тебѣ кажется: узналъ ли бы ты мѣру ея?

Кл. Не думаю. Я бы узналъ одно только пространство матеріаловъ ея; а точную ея мѣру, содержащую матеріалы, въ то время узнаю, когда понимаю планъ ея.

Др. Такъ посему, хотя бы ты всѣ Коперниканскіе міры переизмѣрилъ, не узнавъ плана ихъ, который всю внѣшность содержитъ, то бы ничего изъ того не было.

Кл. Думаю, что какъ внѣшность пуста, такъ и мѣра ея.

Др. Но кто можетъ узнать планъ въ земныхъ и небесныхъ пространныхъ матеріалахъ, прилѣпившихся къ постоянной своей симметріи, если его прежде не могъ усмотрѣть въ ничтожной плоти своей? Симъ планомъ все-на-все создано

или, сдѣлено, и ничто держатся не можетъ безъ него. Онъ всему матеріалу цѣпь и веревка: онъ-то есть рука десная—персть, содержащій всю персть, и пядь Божія, всю тѣнь измѣрившая и самый ничтожный нашъ составъ. Слово Божіе—совѣты и мысли Его—сей есть планъ, во всей вселенной простирающійся, все содержащій и исполняющій. Сія есть глубина богатства и премудрости Его. И что можетъ обширнѣе разлиться, какъ мысли? О сердце, бездно всѣхъ водъ и небесъ ширшая!.... Коль ты глубоко!

Кл. Правду сказать. Помню слово Іереміино сіе: глубоко сердце челоуѣку паче всѣхъ челоуѣкъ есть...

Др. Вотъ сей же-то челоуѣкъ въ тебѣ содержитъ все! Онъ-то утверждаетъ плотскія твои ноги и руки. Онъ голова и сила очей твоихъ и ушей. А если ему вѣрить можешь, не отекнутъ очи твои и не истлѣютъ уста твоя во вѣки вѣковъ.

Кл. Вѣрую, и понуждаю сердце мое въ послушаніе вѣры. Но не можно ли хотя маленько мене подкрѣпить? Прошу не гнѣваться. Чемъ выше въ понятіе невидимости взыйду, тѣмъ крѣпша будетъ вѣра моя.

Др. Праведно требуешь, для того, что Богъ отъ насъ ни молитвъ, ни жертвъ принять не хочетъ, если мы его не узнали. Люби Его и приближайся къ Нему всегда; сердце твое и поз-

нанісмъ приближайся, не внѣшними ногами и устнами. Сердце твое есть голова внѣшностей твоихъ; а когда голова, то самъ ты еси твое сердце. Но если не приблизишься и не соприжешься съ тѣмъ, кой есть твоей головѣ головою, то останешься мертвою тѣнью п трупомъ. Если есть тѣло * надъ тѣломъ, тогда есть и голова надъ головою, и выше стараго новое сердце. Ахъ, не стыдно ли и не жалко ли, что Богъ суда себѣ отъ насъ просить! Да и не получаетъ.

Кл. Возможно ли? Какъ такъ?

Др. Соперники Его идолы и кумиры. Сихъ-то, сядя на судѣ, оправдаемъ.

-Кл. Ужасная обида! И ся не понимаю.

Др. Не понимаешь? Вотъ самъ будешь судією противъ Его.

Кл. Боюсь. Но, пожалуй, подкрѣпи мнѣ мое невѣріе о безсмертномъ тѣлѣ. Любы мнѣ твои слова сіи: не отемнѣютъ очи твои...

Др. Ну, скажи мнѣ. Если бы твое внѣшнее тѣло чрезъ 1000 лѣтъ невредимо было: любилъ ли бы ты плотъ свою?

Кл. Сему статься нельзя; а если бы можно— нельзя не любить.

Др. Знай же, что ты себя самага ни мало еще не узналъ.

---

* Разумѣется тѣло *духовное*, копмъ облечемъ по воскресеніи изъ мертвыхъ.

Кл. По крайней мѣрѣ знаю, что тѣло мое на вѣчномъ планѣ основано. И вѣрую симъ общаніямъ Божиимъ: се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя....

Др. Если бы ты въ строеніи коего-то дома планъ узналъ и силу стѣнъ его, довольно ли то къ познанію совершенному онаго дома?

Кл. Не думаю. Надобно, кажется, еще знать и то: для котораго совѣтовъ или дѣлъ тотъ домъ построень? Бѣсамъ ли въ немъ жертву приносятъ, или невидимому Богу? Разбойническое онъ жилище, или ангельское селеніе?

Др. И мнѣ кажется, что недовольно принимаешь, напримѣръ, сосудъ глиняный, если разумѣешь одну его фигуру, на грязи изображенную, а не знаешь, чистымъ ли, или нечистымъ наполненъ онъ ликеромъ, или питіемъ?

Кл. Теперь понимаю, что тѣло мое есть точно то, что стѣны храма, или то, что въ сосудѣ черепъ. А сердце и мысли мои то, что во храмѣ жертвоприношеніе, или то, что въ сосудѣ вода. И какъ стѣны суть дешевле жертвъ, потому что они для жертвъ, а не жертвы для стѣнъ, и черепъ для воды, а не вода для сосуда: такъ и душа моя, мысли и сердце есть лучшее моего тѣла.

Др. Но скажи мнѣ: если бы тѣ стѣны прекрасныя развалилися: погибли ли бы они? Про-

паль-ли бы тотъ сосудъ, еслибъ его черепъ фигурный разшибся?

Кл. Тфу! Сіе и младенець разумѣть. Конечно, онъ не цѣлый, если...

Др. Не радуйся-жь, мой Израилю, и не веселися. Заблудилъ ты еси отъ Господа Бога твоего. Не слыхалъ ли ты отъ пророковъ никогда, что Богъ судъ имѣеть съ соперникомъ своимъ-землею?

Кл. Да кто можетъ Его судить?

Др. Уже ты далъ судъ твой на него, уничтожилъ сторону Его.

Кл. Коимъ образомъ?

Др. Кто неправеднаго оправдалъ, тотъ безъ сумнѣнія обидилъ невиннаго. А оправдать обоихъ никакъ нельзя. Таковъ-то судья былъ, каковъ ты, Ефремъ, котораго нѣкто изъ пророковъ называетъ голубомъ безумнымъ, лишеннымъ сердца. Да и не дивно; потому что, по притчѣ того же пророка, на подобіе печи, огнемъ разжженныхъ, толь вси судьи страстью къ видимости разгорѣлись, что всѣ почти наставники съ землею сляглись, и не было изъ нихъ ни одного, который бы былъ пріятенъ Богу.

Кл. Умилосердись, скажи: кой я судъ произнесъ противу Бога?

Др. Такъ; ты, влюбляясь въ землю, отдалъ ей *судомъ твоимъ* то, что единственно Богу *принадлежитъ*.

Кл. Не понимаю.

Др. Слушай! Голубь темноокій! Не Божія ли есть, и не Господня ли крѣпость?

Кл. Да ктожь объ этомъ спорить?

Др. Какъ же ты дерзнулъ сказать, что при разбитіи черепа, сосудъ пропалъ? Смѣешь ли сосудъ утвердить на прахѣ, а не въ Богѣ? Кая твердость быть можетъ въ томъ, что все-минутно подвержено развалинамъ и премѣнамъ? Не Божій ли, невидимый перстъ содержитъ въ стѣнахъ прахъ? Не онъ ли голова въ стѣнахъ? Не стѣна ли вѣчна, если главное начало ея вѣчно? Какъ же ты посмѣлъ, уничтоживъ голову, возвеличить хвостъ, присудить тлѣнію безвредность, праху твердость, кумиру Божество, тмѣ свѣтъ, смерти животь? Вотъ нечестивый на Бога судъ и совѣтъ! Вотъ лукавое лукаваго змія око, любящее пяту, а не главу Христа Іисуса, иже есть всяческая во всемъ!.. Не ты ли сказалъ, что нельзя не любить тлѣннаго тѣла, еслибъ оно чрезъ 1000 лѣтъ не-вредимо было? И какъ можешь сказать, что ты, по крайней мѣрѣ, узналъ твое тѣло? Да и кчему хвалишься Божіими сими милостивыми словами: И се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя, и предомною еси присно. Можетъ ли тлѣнь стоять всегда, то есть вѣчно? Можетъ ли недостойное, честнымъ быть, и тьма свѣтомъ, и зло добромъ? Не все ли одно: вернуться вра-

ху ногъ твоихъ, и положиться на сребреннаго кумира? Все то безчестное, что тлѣнное. Все то тьма и смерть, что преходящее... Смотри на земленность плоти твоея... Вѣришь ли, что въ семь твоемъ прахѣ зарыто сокровище, то есть таится въ немъ невидимость и персть Божій, держащій прахъ твой сей, и всю твою персть сію?

Кл. Вѣрую.

Др. Вѣруешь ли, что онъ есть голова, и первоначальное основаніе, и вѣчный планъ твоей плоти?

Кл. Вѣрую.

Др. Ахъ! Когда бы ты вѣрилъ, никогда бы ты не говорилъ, что тѣло твое пропадаетъ, при разсыпаніи праха твоего. Видишь одно брѣнное въ тебѣ тѣло; не видишь тѣла духовнаго. Не имѣешь жезла и духа къ двойному раздѣленію. Не чувствуешь вкуса въ тѣхъ Божіихъ словахъ: Аще изведеша честное отъ нестойнаго, яко уста моя будеша.

Кл. Непонятно мнѣ то, какимъ образомъ присудилъ я кумиру Божество, а животь тому, кто мертвое. Слыхалъ я, что погибшій есть тотъ, кто называетъ свѣтъ тьмою, а горькое сладкимъ.

Др. Не удивляйся, душа моя! Всѣ мы — любопрахи. Кто только влюбился въ видимость *плоти своея*, не можетъ не гоняться за *видимостью во всемъ небесномъ и земномъ простран-*

ствѣ. Но для чего онъ ее любить? Не для того ли, что усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность: жизнь, красу и силу?

Кл. Конечно, для того.

Др. Такъ не всежъ ли одно: почитать идола за живое, и присудить ему жизнь, когда ему умереть должно? Мнѣ, кажется, то же почитать горькое сладкимъ, и дать судъ въ томъ, что медовая сладость принадлежитъ къ желчи. Но можно ли желчи сладость присудить, безъ обиды меду? Вотъ какимъ образомъ все мы собираемся на Господа и на Христа Его! Онъ зываетъ: *моя крѣпость и сила!* во мнѣ путь, истина и животъ! А мы судимъ, что все сіе принадлежитъ внѣшней плоти и плотской внѣшности, и сей судъ нашъ несомнѣнно подтверждаетъ таковымъ же житіемъ нашимъ предъ людьми.

Кл. Вижу теперь вину свою и ужасно удивляюсь, что за тьма наши очи покрыва? Столько пророки вопіють: Духъ, Духъ! Богъ, Богъ! всяка внѣшность есть трава, тѣнь — ничто: а мы ропщемъ, тужимъ, когда плоть наша увядаетъ, слабѣетъ, и прахъ переходитъ къ праху. Можно ли сыскать упрямѣйшую и жестоковѣйшую несчастливость?

Др. Сему и я часто дивлюся. Теперь, думаю понимаешь, что то за судъ, котораго отъ насъ толь ревностно и единственно требуетъ Богъ

чрезъ пророковъ? И какъ можемъ дать добрый судъ меньшимъ нашимъ братіямъ, обидивъ Христа Иисуса. Онъ первый, что всѣ его оставили; всѣ за тьмою, оставивъ свѣтъ, пошли, побѣждали.

Кл. Но откуда въ насъ проклятое сіе сѣмя рождается? Когда земля проклята, тогда и любовь къ ней.

Др. Хорошо мысль называешь сѣменемъ: оно есть началомъ плодовъ, а совѣсть въ сердцѣ—голова нашихъ дѣлъ. Но понеже сердце наше есть точнымъ человѣкомъ, то и видно, когда премудрость Божія называетъ сѣменемъ и чадами змійными. Люди любятъ землю: а она есть пята и тѣнь. По сей-то причинѣ, ничѣмъ они не сыты. Блаженъ, если въ чьемъ сердцѣ злое сѣмя страстей подавлено! Оно-то насъ вводитъ въ горестъ; а намъ мнится, будто мы въ сладости. Но откуда сей змій въ сердцѣ зараживается, ты спрашуешь?

Кл. Хочу знать.

Др. Откуда злое сѣмя на грядкахъ огородныхъ? Не убережешься, чтобы оно не родилось. Но что дѣлать? Сыне! Храни сердце твое, стань на стражѣ со Аввакумомъ, знай себе, смотри себе, будь въ домѣ твоемъ, береги себе, слышь? Береги сердце.

Кл. Да какъ себе беречь?

Др. Такъ, какъ ниву. Выпльняй, искореняй

и вырываи всякій совѣтъ лукавыи, все злое сѣмя змінно.

Кл. Что естъ совѣтъ лукавыи и сѣмя змінно?

Др. Любить и оправдывать во всякомъ дѣлѣ пустую внѣшность или пяду.

Кл. Скажи простѣе.

Др. Не вѣрь, что рука твоя согнѣеть, а вѣрь, что она вѣчна въ Бозѣ: одна тѣнь ея гибнеть, не истинная рука; истинная же рука и истина вѣчна, потому что невидима,—а невидима потому, что вѣчна.

Кл. Сіи мысли чудныя.

Др. Конечно, новыя. Если же сбереженіе твоея руки присудишь плотской тлѣни, а не Божіей невидимости, то будешь старымъ мѣхомъ, надутымъ бездною мыслію, непросвѣщенныхъ потолокъ, поколь возможешь сказать: Богъ, рекій изъ тьмы свѣту возсіати, иже возсіаетъ въ сердцахъ нашихъ. А сіе сдѣлается при сотвореніи новаго неба и земли. *Се Азъ новая творю!* глаголетъ Господь (Въ кн. пр. Исаіи.)

РАЗГОВОРЪ 4-й.

О томъ-же: знай себе.

Лица.

Лука, Клеопа, Филонъ, Другъ.

Лука. Посему весьма немалое дѣло — узнать себе.

Другъ. Одинъ трудъ въ обоихъ сихъ: познать себе, и уразумѣть Бога. — Познать и уразумѣть точнаго человѣка: весь трудъ и обманъ отъ его тѣни, на которой всѣ останавливаемся. Никогда еще не бывала видимость истинною, а истина видимостью. Но всегда во всемъ тайная есть и невидимая истина; потому что она есть Господня. А Господь и духъ, плоть и костей неимущій, и Богъ — все то одно. Вѣдь ты слышалъ рѣчи истиннаго человѣка. Если-де не узнаешь себе, о добрая жено, то паси козлы твои возлѣ шалашей пастушескихъ. Я-де тебе не мужъ, не пастырь и не господинъ. Не видишь мене потому, что себе не знаешь: пойди изъ моихъ очей, и не являйся! Да и не можешь быть предо мною, поколь хорошо себе не уразумѣешь. Кто себе знаетъ, тотъ знаетъ одинъ завѣтъ: Господь пасеть мя....

Клеопа. А мы изъ послѣдняго разговора имѣемъ нѣкоторыя сумнѣнія.

Др. Когда рѣчь идетъ о важномъ дѣлѣ, то и не дивно. Но что за сумнѣнія?

Кл. Первос: ты говорилъ, что человекъ, влюбившійся въ видимую плоть, для того вездѣ гонится за видимостію, понеже усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность, жизнь, красу и силу.

Др. А вы какъ думаете?

Кл. Намъ кажется, для того, что не можетъ вѣрить въ пребываніе невидимости, и думаетъ, что одно только то бытіе свое имѣетъ, что плотными руками оцупать можетъ, и что въ тѣлннхъ его очахъ мечтается. Впрочемъ, онъ и самъ понять можетъ, и совершенно знаетъ, что все то преходитъ, что онъ любитъ. Посему-то онъ и плачетъ, когда око его оставляетъ, разсуждая, что уже оно совсѣмъ пропало. Подобно какъ младенецъ рыдаетъ о разбитомъ орѣхѣ, не понимая, что орѣшная суцая иста состоитъ не въ коркѣ его, но въ зернѣ, подъ коркою сокровенномъ, отъ котораго и самая корка зависить.

Др. Сія есть самая правда, что былъ бы весьма глупъ земледѣль, если бы тужилъ о томъ, что на его нивѣ начало ипеничное стебло въ мѣсяцѣ августѣ сохнуть и дряхлѣть, не разсуждая, что въ маленькомъ закрытомъ зернѣ закрылась и новая солома, весною наружу выходящая, и вѣчное, истинное свое пребываніе въ зернѣ

невидимо закрывшая. Но не все же ли то одно: причитать соломѣ силу ея и существо, а не главлѣ ея или зерну, и не вѣрять, ниже понимать о пребываніи зерна? Для того-то (на-примѣръ) судія присудилъ—двоюродному брату власть и силу въ наслѣдіи, понеже увѣренъ, что роднаго наслѣдника въ живыхъ нѣтъ. И сей-то есть той нечестивый судъ, о которомъ въ послѣдней разговорѣ шла между нами рѣчь.

Кл. Другое сумнѣніе. Я сказалъ такъ: можно слово Іереміино сіе: глубоко сердце человѣку паче всѣхъ, и оно-то истинный человѣкъ есть... А ты къ симъ словамъ присовокупилъ слѣдующее: вотъ сей же-то человѣкъ и содержитъ все! и прочая.

Др. Такъ въ чемъ же сумнишься?

Кл. Я безъ сумнѣнія понимаю, что всѣ внѣшніе наши члены закрытое существо свое въ сердцѣ имѣютъ, такъ какъ пшеничная солома содержится въ своемъ зернѣ. Она изсохши и издряхлѣвши, то закрывается при согнатиі въ зернѣ, то опять наружу, въ зелености выходитъ и не умираетъ, но обновляется и будто перемѣняетъ одѣяніе. Но понеже на всѣхъ людяхъ видимъ внѣшніе члены, которые свѣдѣтельствуютъ и о зернѣ своемъ, то есть, что всякъ въ нихъ имѣетъ и сердце, которое (какъ пророкъ Божій учить) точнымъ есть человекомъ, и истиннымъ, а сіе есть великое дѣло: то что се будетъ? Всея ли быть истиннымъ?

человѣкомъ? и каѣ разнѣ межѣ добрымъ мужемъ и злымъ?

Др. Не такъ. Отведи мысли твои на время отъ человѣка, и посмотри на прочую природу: не всякій орѣхъ и не всякая солома со зерномъ.

Кл. Ужасное позорище!

Др. Не бойся! Знаю, ты, осмотрѣясь на людей, ужаснулся. Но вѣдь видишь, что сіе въ природѣ не новое; довольно сего видится въ земляныхъ плодахъ, въ древесныхъ; но нигдѣ больше не бываетъ, какъ въ людяхъ. Весьма тотъ рѣдокъ, кто сохранилъ сердце свое, или, какъ обще говорятъ, спасъ душу свою. Такъ научилъ насъ св. Іеремія, и ему вѣруемъ, что истиннымъ человѣкомъ есть сердце въ человѣкѣ. Глубоко же сердце и одному только Богу познаваемое, не иное что есть, какъ мыслей нашихъ неограниченная бездна — просто сказать: душа, то есть, истое существо и сущая иста, и самая эссенція (какъ говорятъ), и зерно наше и сила, въ которой единственно состоитъ родная жизнь и животъ нашъ, а безъ нея, мертвая тѣнь, если то и видно. Коль несравненная тщета — потерять себя самого, хотя бы кто завладѣлъ всѣми Коперниковыми мірами! Но никогда бы сего не было, если бы старались люди уразумѣть, что значитъ человѣкъ, и быть человѣкомъ, то есть, если бы самихъ себе узнали.

Кл. Ахъ! не могу сего понять; потому что у каждаго свои мысли и неограниченныя стремленія, какъ молнія, въ безмѣрныя разстоянія раскидаются, ни однимъ пространствомъ не вмѣщаемыя, и никакимъ временемъ не усѣпаемыя, одному Богу только извѣстныя...

Др. Перестань! не такъ оно есть. Правда, что трудно изъяснить, что злые люди сердце свое, то есть, самыхъ себе потеряли, и хотя межъ нами въ первомъ разговорѣ сказано, что кто себе не узналъ, тотъ тѣмъ самымъ потерялся, однакожъ для лучшей увѣренности, вотъ тебѣ голосъ Божій! Послушайте мене, погубившіи сердце, сущіи далече отъ правды.

Кл. Ахъ! мы сему вѣруемъ. Но какъ они потеряли? вѣдь и у нихъ мысли также плодятся и разливаются. Чего они себѣ не воображаютъ? чего не обнимаютъ? цѣлый міръ ихъ видѣть не можетъ. Ни что имъ не довлѣетъ. Одно за другимъ пожираютъ, глотаютъ, и не насыщаются. Такъ не бездонная ли бездна—сердце ихъ? Ты сказалъ, что сердце, мысли, душа — все то одно: какъ же они потерялись?

Др. Чего достигнуть не можемъ — не испытуемо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ нашемъ тому Божію слову. Если Его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ

простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ; а человекъ есть маленькій мірокъ. И такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело, во всемірной машинѣ, начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобильный вкусъ причиною есть нашей бѣдности. Раскладывый предъ слѣпцемъ все, для его пустое, что хочешь и сколько хочешь; все то онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ. Сколько разъ слышимъ о водѣ и духѣ? Не на воздухъ ли опираются птицы? Онъ твердѣе желѣза: однако деревянную стѣну всякъ скорѣе примѣтитъ можетъ; а воздухъ почитаютъ за пустошь. Для чего? Для того, что не столько онъ примѣтенъ: стѣну скорѣе ощупаешь, скорѣе различныя краски усмотришь; а воздухъ не столько казистъ, однако крѣпшій камня и желѣза, и нуженъ столь, что дунуть безъ его нельзя. Вотъ въ самыхъ мелочахъ ошибаемся, и слабѣйшее вещество за дѣйствительнѣйшее почитаемъ. Почему? Потому, что стѣна грубѣе, и нашимъ очамъ погуще болванѣетъ, какъ уже сказано; а воздухъ сокровеннѣе, и, кажется, будто въ немъ ничего силы нѣтъ, хотя корабли гонитъ, и моря движетъ, деревья ломаетъ, горы крушитъ, вездѣ проникаетъ и все снѣдаетъ, самъ цѣль пребывая. Видишь, что не такова природа есть, какъ ты рассуждаешь. Въ ней то сильнѣе,

что не показнѣе. А когда что-то уже стоишь закрылся, что никакими чувствами оцупать не можно, въ томъ же то самая сила. Но если о воздухѣ почти увѣриться не можемъ, и за ничто почитаемъ, будто бы его въ природѣ не бывало, хотя онъ шумитъ, гремитъ, трещитъ, и симъ самымъ даетъ знать о пребываніи своемъ, то какъ можемъ почестъ то, что очищено отъ всякія вещественныя грязи; удадено отъ всѣхъ нашихъ чувствъ, свободенно отъ всѣхъ шумовъ, тресковъ и перемѣнъ; что въ вѣчномъ покоѣ и въ покойной вѣчности, блаженно пребываетъ? Спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойное есть нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ. Пробудися-жъ теперь мыслію твоею, и если подунуль на твое сердце Духъ Божій, тогда долженъ ты усмотрѣть то, чего ты отъ рожденія не видалъ. Ты видѣлъ по сіе время одну только стѣну болваньющей внѣшности: теперь подними очи твои, если они озарены духомъ истины, и взглянь на се. Ты видѣлъ одну только тьму; теперь уже видишь свѣтъ. Всего ты теперь по-двое видишь: двѣ воды, двѣ земли. И вся тварь теперь у тебе на двѣ части раздѣлена. Но кто раздѣлилъ? Богъ. Раздѣлилъ Онъ тебѣ все надвое, чтобы ты не смѣшивалъ тьмы со свѣтомъ, лжи съ правдою. Но по-

неже ты не видѣлъ кроми́ одной лжи, будто стѣны, закрывающей истину, для того. Онъ теперь тебѣ сдѣлалъ новое небо, новую землю. Одинъ Онъ творить дивную истину. Когда усмотрѣлъ ты новымъ окомъ и истиннымъ Бога, тогда уже ты въ Немъ, какъ во источникѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ все, что всегда въ немъ было, и чего ты никогда не видѣлъ. И что самое есть древнѣйшее, то для тебе— новаго зрителя, новое есть; ибо что тебѣ прежде на сердце не всходило, теперь будто все вновь сдѣлано; потому что оно прежде тобою никогда не видѣно, а только слышано. И такъ, ты теперь видишь двое: старое и новое, явное и тайное. Но осмотрись на самого себе. Какъ ты прежде видалъ себе?

Кл. Я видалъ (признаюсь) одну явную часть въ себѣ, а о тайной никогда и не думалъ. А хотя-бы и напоминаюль кто, какъ то часто и бывало, о тайной, однако мнѣ казалось чудно — почитать то, чего нѣтъ, за бытiе и за истину. Я, напримѣръ, видѣлъ у меня руки, но мнѣ и на умъ не всходило, что въ сихъ рукахъ закрылись другія руки.

Др. Такъ ты видѣлъ въ себѣ одну землю и прахъ; и ты доселѣ былъ земля и пепелъ. Кратко сказать: тебе не было на свѣтѣ, потому что земля, прахъ, тѣнь и ничтожная пустошь — все то одно.

Л. Вѣдь же ты изъ Іереміи доказалъ, что человѣкомъ находится не наружный прахъ, но сердце его. Какъ же Клеопы не было на свѣтѣ? Вѣдь его сердце всегда при немъ было, и теперь есть...

Др. Пстой, пстой! Какъ ты такъ скоро позабылъ двос, двос? Есть тѣло земляное, и есть тѣло духовное; такъ для чего же не быть двоимъ сердцамъ? Видѣлъ ты и любилъ болвана и идола въ твоемъ тѣлѣ, а не истинное тѣло, во Христѣ сокровенное. Ты любилъ самъ себе, то есть, прахъ твой, а не сокровенную Божію истину въ тебе, которыя ты никогда не видѣлъ,—не почиталъ ее забыть; и понеже не могъ оцупать, то и не вѣрилъ въ ее. И, когда тѣлу твоему болѣть опасно довелось— тотчасъ впадалъ въ отчаяніе. Такъ что это такое? Не старшій ли ты Адамъ, то есть, старшій мѣхъ съ ветхимъ сердцемъ? Одна ты тѣнь, пустошь, и ничто, съ твоимъ таковымъ же сердцемъ, каковое тѣло твое. Земля въ землю устремилася, смерть къ смерти; а пустошь—люба пустошѣ. Душа тошная и гладная—пепель, не хлѣбъ истинный ядущая, и питье свое, внѣ рая, съ плачемъ растворяющая. Слушай, что о таковыхъ ко Исаіи говорить Богъ! О, Исаіе! Знай, что пепеломъ есть сердце ихъ, и прельщаются. И ни единъ можетъ души своея избавити... Помяни сія Іакове, и Израилю!

Яко рабъ мой еси ты... Себо отъяхъ, яко облакъ, беззаконія твоя, и, яко примракъ, грѣхи твоя. Обратися ко мнѣ, и избавлю тя...

Нѣкій старинныхъ вѣковъ живописецъ изобразилъ на стѣнѣ какія-то ягоды столь живо, что голодныя птички, отъ природы быстрый имѣющія взоръ, однакъ бились во стѣну, почитая за истинныя ягоды. Вотъ почему таковыя сердца глотаютъ и насытиться не могутъ! Покажи мнѣ хоть одного изъ таковыхъ любопраховъ, кой имѣетъ удовольствіе въ душѣ своей. Любовь къ тѣни есть мати глада; а сего отца дщерь есть смерть. Каковоежь таковыхъ сердецъ движеніе? На то одно движатся, чтобъ безпокоиться. Видалъ ли ты во великихъ садахъ большія, круглыя, на подобіе бесѣдокъ, птичьи клѣтки?

Лу. Довелось видѣть въ царскихъ садахъ.

Др. Они желѣзными сѣтymi обволочены. Множество птичекъ—чижовъ, щегловъ, непрестанно внутрь ихъ колотятся. Отъ одной стороны въ другую бьются, но нигдѣ пролета не получаютъ. Вотъ точное изображеніе сердецъ, о коихъ ты выше сказывалъ, что они въ разныя стороны, какъ молнія, мечутся. — мечутся и мучатся, въ стѣнахъ заключенныя. Что есть столь узко и тѣсно, какъ видимость? По сей причинѣ называется ровъ. Что фигуры,—(кажется) пролетѣтъ сквозь сѣть, на свободу

духа? Но какъ же намъ опять вылетѣтъ туда, чего за бытіе не почитаемъ? Мы вѣдь давно, изъ самого дѣтства, напосны симъ лукавымъ духомъ, засѣяны симъ змійнымъ сѣменемъ, заняты внѣдрившеюся въ сердце ехидною, дабы одну только грубую видимость, послѣднюю пяду, внѣшнюю тьму любить, гоняться за нею, наслаждаться ею—всегда и во всемъ. Такъ ли? Такъ! всегда и во всемъ.. Ахъ! Гдѣ ты, мечу Іереминъ, опустошающій землю, мечу Павловъ, мечу Фине-Эсовъ..? Заблудили мы въ землѣ, обнялися съ нею. Но кто насъ избавить отъ нея? Вылетитъ ли, какъ птица, сердце наше? А когда уже сердце наше—глава наша, и мы въ се претворилися, тогда кая надежда въ пепелѣ? Можетъ ли прахъ, въ гробѣ лежащій, востать, и стать, и признать, что еще и невидимость есть, есть еще и Духъ? Не можетъ... Для чего? Не можетъ востать и стать предъ Господемъ. Для чего же? Для того, что сей прахъ не можетъ принять въ себе сего сѣмени. Коего? Чтобъ вѣрить, что есть сверхъ еще и то, чего не можемъ оцупать и аршиномъ мѣрить... О сѣмя благословенное! Начало спасенія нашего! Можемъ мы тебе и принять: но будешь у насъ безплодно. Для чего? Для того, что любимъ внѣшность; мы къ ней заобыкли, и не допустимъ до того, чтобъ могла согнуть на зернѣ вся внѣшняя видимость, и чтобы оста-

лася сила въ немъ одна невидима, въ которой увѣриться не можемъ... Такъ насъ заправили наши учителя. Се азъ напитаю ихъ польненьемъ и напою ихъ желчію. Отъ пророковъ бо Іерусалимскихъ изыде оскверненіе на всю землю.

РАЗГОВОРЪ 5.

О томъ же:

Знай себе.

Лица тѣ же.

Филонъ. Отсюда-то, думаю, старинная половица: столько глупъ, что двоихъ насчитать не знаетъ. Но и мы по сіе время одно только во всемъ свѣтѣ насчитали, затѣмъ, что другаго въ немъ ничего не видали.

Кл. Не лучше ли тебѣ сказать, что намъ одна тѣнь была видна, ничего намъ не было видно? Мы хватали на водѣ одну тѣнь пустую; а теперь похожи на жителя глубокаго Норвегіи, который по шестимѣсячно въ зимень мракѣ видитъ чуть-чуть отверзающесся утро и всю тварь, начинающую нѣсколько болванѣть.

Другъ. Если не будете сожимать и отвращать очей, то увидите всю тварь просвѣщен-

ну. Не будьте подобно кроту, въ землю влюбившемуся. А какъ только невзначай, пробился на воздухъ, — ахъ! сколько онъ ему противенъ; приподнимайте очи и принаравливайте оныя—смотри́ть на того, который сказуетъ:

Азъ есмь свѣтъ міру.

Все, что мы доселѣ видѣли, что такое есть? Земля, плоть, песокъ, полынь, желчь, смерть, тьма, злость, адъ... Теперь начинается свѣтать утро Воскресенія. Перестаемъ видѣть то, что видѣли, почитая всю видимость за ничто; а устремляемъ очи на то, что въ насъ было закрыто, а посему и пренебреженно. Мы доселѣ безплотныя невидимости не удостоивали поставить въ число существа, и думали, что она—мечта и пустоша. Но теперь у насъ, напротиву—того, видимость есть травою, лѣстью, мечтою и исчезающимъ цвѣтомъ; а вѣчная невидимость находится ей головою, силою, каменемъ основанія и счастьемъ нашимъ. Послушаймо, что говорить къ намъ новый и истинный человекъ, и что обѣщаетъ?

Дамъ тебѣ (говоритъ) сокровища темная.

Сокровенная, невидимая отверзу тебѣ. Да увѣси: яко Азъ Господь Богъ твой: прозывая мя Мое: Богъ израилевъ.

Теперь рассуждайте: нравится ли вамъ переходъ, или вы будете, по прежнему, во

видимой землѣ вашей, или очистите сердце ваше для принятія новаго Духа. Кто старое сердце отбросилъ, тотъ сдѣлался новымъ человекомъ. Горе сердцамъ затвердымъ!...

Лука. Для того-то самого смягчить сердце и сокрушить трудно. Закоренѣлое сердце похоже на младенца, возросшаго во исполина. Трудно наконецъ бороться.

Др. Но что намъ воспящать въ жизни: о семъ разсуждать и разговаривать, и употребить къ сему хотя за комплетное время? Новый Духъ вдругъ, какъ молнія, облистать сердце можетъ. 600 тысячъ вызваны были во Обѣтованную землю: но для чего два только въ ее вошли?

Лу. Два: Исусъ Навинъ и Халевъ.

Др. А вотъ для чего! Тфу! Какъ можетъ то быть, чего видѣть нельзя? Ужели всѣхъ (за-роптали) вводитъ насъ Господь въ землю сію, чтобъ пасть на брани? Но если руки и ноги потеряемъ, что въ насъ будетъ? Не хотимъ мы сего. Дай намъ вернуться въ нашу старую землю. Не нравится намъ тотъ, кто въ пустошу вводитъ... Слышите ли вы мысли сихъ старовѣрцовъ? вотъ ихъ 600,000! Представьте себѣ ветхія кади, сквернымъ занятія квасомъ. Можно ли такимъ скотамъ что либо внушить? По ихъ неразумному мнѣнію, нельзя бытія своего Богу имѣть, если Онъ захочетъ чистъ

быть всякія видимости. Если того нѣтъ, чего не видятъ, такъ Бога давно не стало. Вода прерѣканія! Сѣмя змінно! Сердце невѣрное! Совѣтъ лукавъ! Не сіе ли есть:—не исповѣдаться Го подеви, и не призывати имене Его? Не таково было сердце двоихъ тѣхъ благополучныхъ наслѣдниковъ.

И даде Господь Халеу крѣпость, и даже до старости пребысть у него. И сѣмя его, обдержавъ въ наслѣдіе, яко да видятъ вси сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа. Всі же разгнѣвавшіеся, не узрятъ ю. Глаголетъ Господь: Рабъ же мой Халевъ, яко бысть духъ мой въ немъ, и возслѣдова мнѣ, введу его въ землю, въ ню же ходилъ тамо, и сѣмя его, наслѣдитъ ю.

Кл. Посему, вся сила въ Богѣ, а не во внѣшней видимости?

Др. А что есть идолопоклонство, если не то, чтобъ приписывать силу истуканнымъ? Не хочешь рукъ невидимыхъ: видно, что видимости воздаешь силу и почтеніе твое. Но долго ли, сія твоя видимость пребудетъ? На что ты положился? Что естъ видимая плоть, если не смерть? И на ней-то ты основалъ сердце твое и любовь? Всяка внѣшность есть мимо протекающее рѣкою. Не на льду ли ты воткнулъ ногу твою и поставилъ шалашъ твой? Пожалуй, перенеси его на твердость. Перенеси его

во дворы Господни. Водрузи на новой землѣ. А иначе, что твоя за радость? Кой покой? Не всегда ли опасаясь, что когда-либо ледь однакъ распустится, когда-либо смертное тѣло оставлять надобно? О бѣднѣйшіе, почитающіе тѣло свое тлѣнное, и не вѣрующіе новому! Таковыя-то возволнуются и почти не возмогутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь Богъ.

Фил. Что есть нечестивый?

Др. Тлѣніе почитающій.

Фил. Какъ?

Др. Такъ почитающій, что если отнять у его тлѣніе, онъ думаетъ, что ему безъ ногъ никакъ бытія своего имѣть не возможно. Не великое-ли се почтеніе для праха?

Фил. Кажется, что весьма не малое; ибо такимъ образомъ обоготворитъ онъ свой пепель, приписуя ему живота своего дѣйствительность.

Др. Такъ теперь, думаю, постигаешь сіи слова:

Азъ Господь Богъ! сіе мое (не чуждое) есть имя. Славы моя иному не дамъ, ниже добродѣтелей моихъ уступаннымъ.

То, что мы назвали дѣйствительностью, называется тутъ добродѣтелью, то есть, силою и крѣпостію, которую Богъ, за свое преимущество, отъ всей тлѣнности такъ отнялъ и

себѣ присвоилъ, что ужасно гнѣвается, если кто дерзнетъ ся, хотя мало удѣлить твари, или кумирамъ, съ которыми Онъ отъ начала вѣка всегда ревностную тяжбу имѣетъ. Мы всѣ Его въ семь ужасно оскорбляемъ — всегда и вездѣ.

Фил. Какъ?

Др. А вотъ такъ! весь міръ состоитъ изъ двоихъ натуръ. Одна видимая, другая невидимая. Богъ, какъ творецъ всеильный, всю тварь пронизаетъ и содержитъ, вездѣ и всегда былъ, есть и будетъ. Какъ же ему не оскорбительно, если мы, смотря на шеремѣну тлѣнныя природы, пугаемся, а симъ самымъ приписуемъ ей важность въ жертву, чего сдѣлать нельзя, не отнявъ ся отъ Бога, который всю важность, и силу, и бытіе, и имя, и все-на-все исполненіе себѣ точію одному полно, и безъ причастниковъ присвоилъ? Разсуди! Если онъ бытіе и всему исполненіе, то какъ можешь твое потерять, что у тебя есть, Онъ тебѣ всѣмъ тѣмъ есть. Ни что твое не пропадетъ, потому что Богъ порчи не знаетъ. Одна для тебя остается школа вѣры, или, какъ Давидъ говорить: поученіе вѣчности. Потерпи въ немъ немножко, поколь старовѣрное твое, пепельное сердце нѣсколько отъ сего свѣтныя очистится душковъ.

РАЗГОВОРЪ 6.

О томъ же: знай себе.

Лица тѣ же.

Другъ. Земле! земле! земле! слыши слово Господне.

Филонъ. Не слышу.

Др. Для чего?

Л. Кто можетъ взойти на небо? Развѣ сошедшій съ небесе. Кто можетъ слышать слово Божіе, аще не будетъ Богъ въ немъ? Свѣтъ видится тогда, когда свѣтъ во очахъ есть. Черезъ стѣну пролазитъ онъ тогда, когда Богъ вождемъ есть. Но когда сила во окѣ опороченна, лучше сказать, когда сила отъ ока отступила и селенія своего въ веществѣ его не имѣетъ; въ то время никакого око различія межъ тьмою и свѣтомъ не находитъ.

Кл. Но не можетъ ли Богъ мертваго живымъ, а видимаго невидимымъ сдѣлать? Ей! есть время и теперь воскреснуть. Можетъ искра Божія пасти на темную бездну сердца нашего,—и вдругъ озарить. Вѣруймо только, что Богъ есть въ плоти человѣческой. Есть подлинно Онъ во плоти видимой нашей, невещественъ въ вещественномъ, вѣчный въ тлѣнномъ, единъ въ каждомъ изъ насъ, и вѣкъ во всякомъ: Богъ во плоти и плоть въ Бозѣ.

но не плоть Богомъ. Ахъ, зерно горчичное! вѣро! страше и любовь Божія! зерно правды и царствія Его! чувствую, что ты тайно падаешь на земное мое сердце, какъ дождь на руно! о дабы не позобыли тебе воздушныя птицы!

Фил. Вспомнимъ теперъ съ Давидомъ — вѣчныи ему лѣта—и поучимся въ нихъ.

Клеона. Кому, или чему поучиться?

Фил. Вѣчности поучимся... Кому подобенъ истинный человекъ Господь нашъ во плоти?

Др. Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди теперъ: стебло ли съ вѣтвями? Пстой! не то колосъ: колосъ все заключаетъ въ себѣ. Ость ли на колосѣ? Она ли есть колосъ? На колосѣ ость, правда; и въ колосѣ ость: но не колосомъ ость, не она есть колосъ. Что есть колосъ? Колосъ есть самая сила, въ которой стебло съ своими вѣтвями, и ость съ плевою заключается. Не въ зернѣ ли все сіе закрылось? и не весною ли выходитъ все сіе, перемѣнивъ зеленую вмѣсто желтыя и ветхія одежды? Не не видима ли сила зерна? Такъ. Оно въ то время дѣйствуетъ, когда вся виѣшность уже на немъ согнила, дабы не причелъ кто новаго плододѣйствія мертвой и нечувственной землѣ, то есть, гнющей виѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своєю десницею вся дѣйствующему; дабы онъ одинъ

во всемъ былъ глава, а вся внѣшность — пятою и хвостомъ.

Фил. Теперь мнѣ въ колосѣ покажется то; что по сіе время не было видно.

Кл. Лучше скажи, что ты въ немъ одинъ хвостъ видѣлъ.

Др. Пускай же сія въ колосѣ новость называется ростъ. Господь Богъ прирастилъ его намъ.

Л. Но какъ мы съ поля перешли въ садъ,— взгляньте, чѣмъ насъ привѣтствуетъ въ бесѣдкѣ сей человекъ?

Фил. Сію икону написалъ мой другъ живописецъ.

Кл. Куда мнѣ нравится! изъ чернаго облака лучъ касается головы его. Но что за слова въ лучѣ? Они вмѣстѣ съ лучемъ съ высоты нисходятъ во облитую свѣтомъ голову его. Прочитай, Лука! ты отчисла книгочихъ.

Л. Образъ пророка Исаи. Въ лучѣ написаны сія слова: Возопій...

Кл. Но что за слова изъ устъ его исходятъ?

Л. Знаю тѣ слова: всякая плоть — сѣно, и всяка слава человека, яко цвѣтъ травный...

Фил. А чтожъ написано на бумажкѣ, которая въ его рукахъ?

Л. Знаю: глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки.

Др. Видите ли списанну бумажку?

Кл. Мы два съ Филономъ , столько уже лѣтъ, около одного земледѣльства упражняемся, а колось недавно усмотрѣли. Что же касается до бумажокъ , да еще пророчіихъ , спрашуй Луку; его то дѣло.

Др. Лука ! ты видишь въ рукахъ пророчіихъ бумажку. Но знай, что видишь дѣло весьма малое и весьма великое. Сей блаженный старикъ легко держитъ въ правой рукѣ тое дѣло , въ коемъ всегда вездѣ все держится. Разсуди, что самъ, откровенія свѣтомъ озаренный старецъ въ его состоитъ рукѣ, носимымъ носитсѣ и держится у себе держимымъ. Смотрѣлъ ты на колосы? Посмотри теперь на челоуѣка,—и узнай его. Видалъ ты въ колосѣ зерно: а теперь взглянь на сѣмя Авраамова, да тутъ же и на твое. Видѣлъ ты въ колосѣ соломѣ съ половиною : посмотрижь и на траву тлѣнныя твоя плоти, съ пустымъ доселѣ цвѣтомъ пепельныхъ твоихъ разсужденій. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ то , чего прежде не видывалъ : теперь узнавай въ челоуѣкѣ то , что для тебе видно не было. Видя колось, ты не видѣлъ его, и не зналъ челоуѣка, зная его. Но что показалось тебѣ въ колосѣ на послѣдокъ, тое не было отъ плоти, но отъ Бога. Поднимижь отъ земли мысли твои, и уразу-
жи премудрость прежде вѣкъ отъ Бога рож-

денную, а не сотворенную. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ новыи ростъ, толь сильный, что для вся соломы съ половиною сдѣлался онъ головою и убѣжищемъ: познай же здѣсь новаго Иосифа (значитъ приращеніе), новаго пастыря, Отца и кормителя нашего. Въ пшеничномъ зернѣ примѣтилъ ты легонькую внѣшность, въ которой закрылась тайная дѣйствительность невидимаго Бога: взглянь же теперь на глаголь Божій, пророчю бумажкою, какъ легонькимъ облакомъ прикрытый. Силу зерна умнымъ ты окомъ увидѣлъ: открой же око вѣры, — и увидишь въ себѣ тожъ силу Божию, десницу Божию, законъ Божій, глаголь Божій, слово Божіе, царство и власть Божию: тайную, невидимую; а узнавъ Сына, узнаешь и Отца Его. Дряхлая на колосѣ солома не боится погибели. Она какъ изъ зерна вышла, такъ опять въ зернѣ закроется, которое хотя по внѣшней кожицѣ согниетъ, но сила его вѣчна. Чего-жъ ты трепещешь, трава и плоть? Дерзай! не бойся! ты уже видишь въ себѣ десницу Божию, которая тебе также бережетъ, какъ пшеничну солому. Или не вѣришь? Если такъ, то бойся. Нѣтъ надежды. Вся плоть гибнетъ. Гдѣ дѣваться? Бѣжи-жъ съ Давидомъ въ домъ Господень или со Іеремію въ его жъ дворы. Раскрой же сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который

Отцу своему вмѣсто десницы и вмѣсто силы
Его есть, во вѣки вѣковъ. Слушай, что Отецъ
Его, чрезъ Его жъ самаго и въ немъ самомъ
намъ говоритъ. Слушай же! Положу словеса
моя въ уста твоя: и подъ сѣнію руки моея
покрыю тя. А коєю рукою? ею же поставихъ
небо, и основахъ землю. Слышишь ли? коль
сильное зерно въ тебѣ! Небо сіе невидимое и
земля въ немъ закрывается, — и тебѣ ли сіе
сѣмя сберечь не сильно будетъ? Ахъ! пожа-
луй, будь увѣренъ, что и самый нечувствен-
ный головы твоя волосъ, не личность одну
свою потерявши, въ немъ безъ всякаго вреда
закроется, сохранится, ублажится. Сѣмя бла-
гословенное! спасеніе всея наличности моея!
Свѣтъ откровенія слѣпому языку! доселѣ былъ
я во тьмѣ и во грязи. Я былъ, то есть, серд-
це мое, ѣлъ и насыщался землею: а теперь
отъ узъ ся мене отпускаешь, убивъ сѣмя ся
въ мнѣ, пустую пята наблюдающее. А вмѣсто
его во вѣки ты во мнѣ воцарился, открывъ мнѣ
небо новое и тебе сидящаго одесную Отца не-
беснаго. Будь же мнѣ теперь миръ въ силѣ
твоей, и спокойство! Будь мнѣ теперь суббота
благословенная! вынесли мене крыла голубины
изъ земли безднѣ,—и почию. Чего жъ больше
скорбѣтъ тебѣ, душа моя? Зачѣмъ тебѣ те-
перь беззаконить мене? познала ты уже въ се-
бѣ челоуѣка. И сила Его безконечна. Уповай.

же на Него, если узнала Его, и точно знаешь Его.

Онъ глава твоя въ тебѣ: подъ видомъ твоея плоти и крови.

Спасеніе лица твоего и Богъ твой.

РАЗГОВОРЪ 7.

О И СТИННОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ, ИЛИ О ВОСКРЕСЕНІИ.

Бесѣдующія персоны: Старецъ Памва, Антонъ, Квадратъ, Другъ и проч.

Другъ. Слушай, Памво! Куда долго учишься!.. Уже ли ты научился Давидому псалму?

ПАМВА. Да я только одинъ псаломъ умѣю.

Др. Одинъ?

ПАМ. Однимъ одинъ...

Др. Кій псаломъ?

ПАМ. А вотъ онъ: Рѣхъ: сохранию пути моя...

И больше для мене ненадобно. Я уже полюбилъ храненіе устамъ моимъ.

Антонъ. Самая правда. Языкъ все тѣло обращаетъ и бываетъ виною многихъ золь.

Квадратъ. Ахъ, Памво! Блаженъ еси, если не согрѣшаешь языкомъ твоимъ. Коль горячо сего отъ Бога себѣ просятъ Давидъ и Сидановъ сынъ.

Лука. А прежде о чемъ ты говорилъ, Памво? Вѣдь ты и прежде имѣлъ языкъ?

Пам. Я уже древнему моему языку наложилъ печать.

Ант. А кто тебѣ его запечаталъ?

Пам. Кто можетъ запретъ бездну, кромѣ Бога?

Л. Не худо называешь языкъ бездною; потому что и Давидъ языку льстиву даетъ имя потопныхъ словъ. Потопъ и бездна—все одно.

Квадр. Я слыхалъ, что и разумъ премудраго потому у Сирахова сына называется.

Др. Рѣчь, какова либо есть, не иное что есть, какъ рѣка: а языкъ есть источникомъ ея. Но если уже тебе, Памво, Господь отъ языка не преподобна избавилъ, то видно, что вмѣсто льстиваго, подарилъ тебѣ языкъ Давидовъ—весь день правдѣ Божіей поучающійся, силу Его всему роду грядущему возвѣщающій.

Квадр. Самая правда. Кто можетъ говорить о бѣлости, чтобы ему не была знакома черность? Одинъ вжусь чувствуетъ горькое и сладкое. Если кому открылъ Господь узнать языкъ льстивый, таковъ вдругъ узнать можетъ праведныя уста, поучающіяся премудрости.

Ант. Что такое вы насаказали чудное? Развѣ не разумѣеть и стараго языка тотъ, кто не *ясть новаго*?

Пам. Безъ сумнѣнія. Въ то время покажется старое, когда уразумѣешь новое. Гдѣ ты видалъ, чтобы кто разумѣлъ тьму, не выдавъ никогда свѣта? Можетъ ли кротъ, скажи пожалуйста, сказать тебѣ: гдѣ день? гдѣ ночь?

Ант. Если кротъ не можетъ, то можетъ сказать человѣкъ.

Пам. Можетъ ли слѣпый усмотрѣть и тебѣ показать на портретѣ крашу бѣлу?

Ант. Не можетъ.

Пам. Зачѣмъ?

Ант. Зачѣмъ, что онъ не видалъ и не знаетъ черныя. А еслибы онъ хоть одну изъ противныхъ межъ собою красокъ могъ разумѣть, въ то же мгновеніе могъ бы понять и другую.

Пам. Вотъ также и тутъ. Тотъ понимаетъ юность, кто разумѣетъ старость.

Ант. Довольно надивиться не могу, если всякъ человѣкъ такъ родится, что не можетъ и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будетъ другой свыше рожденъ.

Пам. Свѣтъ открываетъ все то, что намъ во тьмѣ нѣсколько болванѣло. Такъ и Богъ Единъ всю намъ истину освѣщаетъ. Въ то время усматриваемъ мы пустую мечту: усмотрѣвъ истину, и уразумѣвъ юность, понимаемъ старость. Земляной человѣкъ думаетъ про себе, что понимаетъ будто. Но мало ли младенецъ.

видитъ въ потемкахъ, а того не бывало. Но возсіявшій свѣтъ все привидѣніе уничтожаетъ. Не всякому ли знакомы сіи слова: время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совѣсть, благодать, вѣчность? Намъ кажется, что разумѣемъ; но если кого о изъясненіи спросить, то всякъ задумается. Кто можетъ объяснить, что значитъ время, если не прикинетъ въ Божественную высоту? Время, жизнь и все прочее въ Богъ содержится. Кто жъ можетъ разумѣть что либо со всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, не разумѣя того, кой всему голова и основаніе? Начало премудрости — разумѣти Господа. Если кто не знаетъ Господа, подобенъ узникамъ, вверженнымъ въ темницу. Таковъ что можетъ понять во тьмѣ? Главнѣйшій и началнѣйшій премудрости пунктъ есть знаніе о Бозѣ. Не вижу Его, не знаю, а вѣрую, что Онъ есть. А если вѣрую, то и боюсь, — боюсь, чтобъ не разгнѣвать Его. Ищу что такое благоугодно Ему. Вотъ любовь, знаніе Божіе, вѣра, страхъ и любленіе Господа; одна то есть цѣль: знаніе въ вѣрѣ, вѣра въ страхъ, страхъ въ любви, любовь во исполненіи заповѣдей, а соблюденіе заповѣдей въ любви къ ближнему; любовь же не завидитъ, и прочая. И такъ, если хочешь что либо познать и уразумѣть, — должно прежде взійти на гору вѣденія Божія. Тамъ-то ты просвѣщенъ тайными Божества

лучами, уразумѣешь, что захочешь, — не только юность орлюю, но и обветшающую старости ризу, и ветхая ветхихъ, и небеса небесъ. Но кто насъ выведетъ изъ преисподняго рова? Кто возведетъ на гору Господню? Гдѣ ты, свѣте нашъ, Христе Исусе? Ты одинъ говоришь истину въ сердцѣ твоємъ. Слово твое истина есть. Евангеліе твое есть зажженный фонарь, а Ты въ немъ самъ свѣтомъ. Вотъ единственное средство ко избѣжанію обмана и тьмы незнанія! Вотъ домъ Давидовъ, въ которомъ судейскій престолъ всяку ложь рѣшитъ, изрѣжетъ. О чемъ ты, Антонъ, знать хочешь, — ищи въ сихъ возлюбленныхъ селеніяхъ. Если не сыщешь входа въ одинъ чертогъ, постучи въ другой, въ десятый, въ сотой, въ тысячной, въ десятитысячной... Сей Божій домъ снаружи кажется пещерою, но внутри Дѣва родитъ Того, котораго Ангелы поютъ непрестанно. Въ сравненіи сея премудрости, всѣ свѣтовья мудрости не иное что суть, какъ рабскія ухищренія. Въ сей домъ, веровскимъ образомъ не входи: ищи дверей и стучи, поколь не отверзутъ. Не достоинъ будешь входа, если что въ свѣтѣ предпочтешь надъ Божію сію гору. Не впускаютъ здѣсь никого съ одною половиною сердца. А если насильно продерешься, — въ горшную тьму выброшенъ будешь. Сколь горѣлъ Давидъ любо-

вію къ сему дому! Желалъ и истаевалъ желаніемъ дворовъ Господнихъ. Зналъ онъ, что никоимъ образомъ нельзя выбратъся изъ началородныхъ безумія чловѣческаго тьмы, развѣ чрезъ сіи ворота. Зналъ онъ, что вси заблудили отъ самага матерняго чрева. И хотя говорили: се дверь! вотъ путь! однакъ все лгали. Зналъ онъ, что никакая птица и никакая мудрость чловѣческая, скольколи она быстра, не въ силѣ вынести его изъ пропасти, кромѣ сея чистыя голубицы. Для того изъ нетерпѣливости кричить: кто дастъ мнѣ криль? да чтобъ они таковы были, каковыя имѣеть сія голубица, то есть, посребренны, а между связью криль блещало бы золото. А если не такъ, то не надобно для мене никакихъ летаній, — сколько-хочъ они быстропарны. Сею-то нескверною голубкою онъ столько усладился, что, какъ Магдалина при гробѣ, всегда просилъ и докучалъ, чтобъ отворила для него дверь, чтобъ окончила его страданія, чтобъ разбила мглу и мятежъ внутренній; называлъ ее всею своею утѣхою. Встань, говоритъ съ плачемъ, славо моя! Встань ты, сладчайшая моя, десятострунная псалтырь и гусли сладкозвонныя! Если ты только встанешь, то я и самъ тотчасъ встану. А встану рано, поднимуся на свѣтъ. Долго ли мнѣ во тьмѣ жить? Когда прииду и явлюся лицу Божію? Кто кро-

мѣ тебе, о, краснѣйшая всѣхъ дочерей въ мірѣ дѣво! кто введетъ мя во градъ утверждень? Твоими только дверьми и однимъ только твоимъ слѣдомъ привестися могутъ къ Царю Небесному дѣвы, если съ тобою имѣютъ дружество. Не безъ пользы жѣ трудился Давидъ. Съ колѣнимъ восторгомъ взываетъ: Отверзите мнѣ врата правды. Вшедъ въ ня, исповемя тебѣ, яко услышалъ мя еси. Сей день, егѣже сотвори Господь, возрадуемъ и возвеселимся въ оны. Богъ Господь, и явился намъ. Призвахъ Господа, и услыша мя въ пространство. Что теперь сотворить мнѣ чловѣкъ? ничего не боюся. Широко весьма сталъ Давидъ, вылетѣлъ изъ сѣтей и тѣсноты въ свободу духа. Исчезла въ разъ вся тьма. Куда бы ни пошелъ, — вездѣ свѣтъ. Камо пойду отъ Духа твоего? поетъ Давидъ. Онъ боится, любитъ, удивляется, отъ мѣста на мѣсто перелетываетъ, все видитъ, все разумѣетъ, видя того, въ котораго рукѣ свѣтъ и тьма.

Квадр. Правда, что вѣрно и ревностно возлюбленный Давидъ свою любезнѣйшую любить. Ее-то онъ, думаю, называетъ матерію, Сіономъ, дочерію, царицею, въ золото одѣтою и преукрашенною, колесницею Божіею, царствомъ живыхъ людей, жилищемъ всѣхъ веселящихся, и прочая. Едино просить отъ Господа, чтобы жить въ домѣ семъ Божіемъ, на

мѣстѣ покрыва сего предивнаго, гдѣ гласъ радующихся и шумъ празднующихъ. А въ прочемъ ничего, ни на небеси, ни на землѣ не желаетъ, кромѣ сей чаши, наполненныя благосчастіемъ, кромѣ сея дщери царскія, которыя вся красота внутрь ся закрывается и сокрылася. И столько сіи врата сіонскія, и путь сей, ведущій его къ вѣдѣнію Господа, любѣ ему былъ, что на немъ такъ наслаждался, какъ во всякомъ родѣ богатства. Что либо въ немъ говорится, все то называетъ чуднымъ и преславнымъ, отъ общенароднаго мнѣнія во все отличнымъ. Тутъ-то его жертва, пѣніе и покой душевный, пристанище хотѣнія. Ахъ, покой душевный! Коль ты рѣдокъ! Коль дорогъ! Здѣсь-то онъ закрывается, — въ тайнѣ лица Божія, отъ мятежа человѣческаго и отъ пререканія языковъ, и есть, отъ всѣхъ свѣтовыхъ мнѣній, противныхъ Божіей премудрости, называемой отъ него благолѣпіемъ дома Господня, камнемъ прибѣжища для преураженнаго грѣшниковъ, о коихъ пишется: бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу.

Ант. Безъ сумнѣніяжъ въ сія каменные возводитъ онъ очи свои горы, надѣясь отъ нихъ помощи.

Квадр. Извѣстно, что грѣшникъ, какъ только почувствовалъ опасность своего пути, бѣжитъ, какъ гонимый заецъ, къ симъ горамъ,

находясь въ замѣшательствѣ бѣдныхъ своихъ разсужденій, которыя ему прежде весьма казались правильными. Но когда изъ Божіихъ горъ блеснувшій свѣтъ на лицо ему покажетъ его прельщеніе, въ то время весь свой путь самъ уничтожаетъ такъ, какъ случилось Павлу, идущему въ Дамаскъ. И въ сей-то силѣ говоритъ Давидъ: Просвѣщаеши дивно отъ горъ вѣчныхъ: — смятошася вси неразумніа сердцемъ. Кому жъ сей свѣтъ не былъ бы любезенъ, если бы мы хоть мало его вкусили? О, кивоте свѣта святыхъ славы Отца Небеснаго! Конечно, твое блистаніе, несносное очамъ нашимъ, ко тмѣ заобыкшимъ. А то бы мы не премѣнно сна очамъ нашимъ не дали, дондеже бы дверь открылась, дабы можно увидѣть, гдѣ селеніе свое имѣетъ Богъ Іаковль, гдѣ царствіе и правда его, гдѣ начало, глава и счастье наше, дабы можно было и о насъ сказать: о нема же отверзостеса очи, и познаста его, — и той не видимъ бысть има. Или сіе: приидоста же и видѣста, гдѣ живяше, и у него пребыста день той.

Ант. Какъ же ты говорилъ прежде, что священное писаніе возводитъ на гору познанія Божія? А нынѣ оное называешь горою.

Квадр. Оно у Давида называется гора Божія. Такъ развѣ тебѣ удивительно то, что горою восходимъ на гору? Если путь ведетъ

изъ рова на гору, то, конечно, первая его часть есть низка, а послѣдняя высока столько, сколько гора, на которую конецъ дороги поднимается. То же видѣть можно и на дѣйствицѣ, къ высокому мѣсту приставленной. Она дольною своею частію дольных, или долинныхъ жителей принимаетъ, а горнею возноситъ на высоту. По сей же причинѣ и крылами называется, и дверьми, и предѣломъ, или границею, и пристанью, и пескомъ, или берегомъ, море ограничившимъ, и стѣною.

Ант. Для чего стѣною и предѣломъ называется?

Квадр. Развѣ мало сего водится, что стѣна грань дѣлаетъ, раздѣляя наше собственное отъ чуждаго? А сія Богозданная стѣна какъ не можетъ назваться предѣломъ. когда она граничитъ между свѣтомъ и между чужестранною тьмою? сія стѣна имѣетъ темную сторону ту, которая смотритъ ко тьмѣ. Но страна ея, къ востоку обращенная, есть внутренняя, и вся свѣтомъ вышняго Бога позлащенная; такъ что, если темный житель приходитъ къ ея дверямъ, изъ наружи темнымъ, — не видитъ ни кося красы и отходить назадъ, бродя во мракѣ. Когда же увѣрится, и паче чаянія отверзутся двери, въ то время, свѣтомъ воскресенія облиставшия, воззоветъ съ Давидомъ: испо-

вѣмъ тебѣ, яко страшно удиви мя еси. Нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.

Ант. Посему она подобна лунѣ, когда луна межъ солнцемъ и землею. Въ то время одинъ полукругъ ея темный; а тотъ, что къ солнцу, свѣтлый.

Квадр. Сія посредственница похожа и на мость, дѣлающій сообщеніе между Богомъ и смертными.

Ант. Если сей чудный мость переводитъ смертныхъ въ животь, то достойно и праведно назватись можетъ воскресеніемъ.

Квадр. Ахъ! сія-то голубица точное есть воскресеніе мертвыхъ человѣковъ. Она насъ, спадшихъ отъ горы долу, поставляетъ пакн на той же горѣ.

Л. И я сему согласенъ! Сіе слово воскресеніе въ греческихъ и римскихъ языкахъ значить, кажется, то: если падшаго пакн поставить на ноги. Кромѣ того я слыхалъ, что голубица по еврейскому — *Иона*. Да и Богъ явно говорить Іереміи, что поставитъ его опять на ноги, если будетъ Ему послушенъ. И какъ въ священномъ писаніи весьма бѣдственное состояніе значить сіе слово *сидѣть*, такъ напротивъ того *стоять* значить быгъ въ точномъ благополучіи. А какъ несчастное дѣію есть сидѣть и быгъ каюдинкомъ въ темницѣ, такъ еще хуже — быгъ въ компаніи тѣхъ, конхъ св.

Павелъ пробуживаетъ: востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ... Разбій сонъ глазамъ твоимъ, о несчастный мертвецъ! поднимись на ноги! авось-либо уразумѣешь, что такое есть: Христось, свѣтъ міра?

Др. Не могу больше молчать, услышавъ блаженнѣйшее и сладчайшее имя свѣтлаго воскресенія. Я, правда, между прочими, и самъ сижу въ холодномъ смертномъ прахѣ; но чувствую во мнѣ тайную лучу, тайно согрѣвающую сердце мое... Ахъ, Павло! сохранимъ сію Божественную искру въ сердцѣ нашемъ! побережемъ ея, дабы прахъ и пепелъ гробовъ нашихъ не затушилъ ее. Въ то время что-ли мы останемся такое, развѣ единъ прахъ и смерть...? Огня истребить не можемъ—не спорю: но что самимъ намъ дѣлать безъ огня? кака польза намъ въ томъ, что имѣемъ въ себѣ плоть и кровь? Вѣдай, что ей должно опуститься во истлѣніе. Въ то время, погибать ли намъ безъ конца? и мы не иное что есмь, развѣ мечта, сонъ, смерть, и суета? О, премного бѣдственное жъ наше состояніе, если все-на-все одно только есть тлѣнное, безъ вѣчности, — если, кромѣ явнаго, ничего не имѣется въ немъ тайнаго, въ чемъ бы существо наше, какъ на твердомъ основаніи, задержалось,—если всяческая суета и всякъ человѣкъ живущій! Подлинно жъ теперь (если

такъ), сильно твое царство, о, горькая смерть! непобѣдима твоя побѣда. О, аде! Кто, или что можетъ противиться тѣмъ твоимъ законамъ, все въ прахъ, безъ остатка, обращающимся? Ахъ бѣда, погибель, болѣзнь, горестъ, мятежь!.. Слышите ли? Понимаете ли, кій сей есть языкъ?..

Пам. Господи! избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ.... отъ языка неправолюбна, отъ челоука неправедна... Языкъ ихъ сей есть мечъ остръ... гробъ отверстъ..

Др. Вотъ точный ядъ аспидовъ, жало грѣховное, языкъ змиинъ, низводящій Адама въ трудъ и болѣзнь! Что ли ты намъ нашенгалъ, древняя злоба и прелесть? Для чего ты весьма высоко возносишь умирающую мертвость, и старѣющуюся старость, и тлѣющую тлѣнь? Одна ли смерть царствуетъ? и нѣсть живота? лость одна безъ правды, и злоба безъ благи, и старость безъ юности, и тьма безъ свѣта, и потопъ безъ суши? Да запретить же тебѣ Господь, о, потопный языче, рѣку водъ живыхъ излевающей, потопляющей матери Сіона младенцевъ, покрывающей мракомъ и облакомъ чернымъ, низводящей во адъ отъ Господа, котораго клеветишь съ гордостію, уничтожая Его царство и правду, юность и вѣчность, новую землю и живой родъ!.. Слушай же, бѣсе глухій, языче нѣмый и пустой,

понеже не признаешь пребыванія Господня, исповѣдая, что одна только смерть вездѣ владѣть, низведя все-на-все во адъ истлѣнія! Того ради знай, что новыи и цѣлѣбный чело-вѣкъ не точію попереть тлѣнные твои за-коны, но совсѣмъ вооруженъ местию, до кон-ца тебе разрушить, низвергнуть отъ престола твоего, сдѣлавъ тебе изъ головы ничтожнымъ ошибомъ. Памво! Слушай, Памво! Зачѣмъ ты молчишь? Вѣдай, что ты уже позналъ путь твой. Не шепчетъ въ твоемъ сердцѣ онѣмѣвъ злый языкъ. Развѣ опять ожилъ? Развѣ опять болѣзнь грѣшнаго языка во утробѣ твоей об-новилаась? Паки бодетъ мечъ душу твою? Вид-но, что для того молчишь, онѣмѣвъ и смирив-ся, не говоришь добраго, не вопрошаешь о мирѣ Иерусалима.

Пам. Я давно уже тайно сей языкъ прокли-наю въ сердцѣ моемъ.

Др. Но для чего явно не поешь? Если дѣй-ствительно научился псалму Давидову, — для чего со Псаіею возлюбленному твоему пѣсни чрезъ весь день не простираешь? Если да-же тебѣ Господь новыя уста, — зачѣмъ съ Іере-міею не говоришь: и отверзтая уста моя кто-му не затворятся. Если согрѣлося сердце твое въ тебѣ, — долженъ ты въ поученіи твоемъ раздувать вѣчнующую воскресенія искру, дон-деже возгорится огонь блаженнаго сего пламе-

ни и поаясть всю себѣ сопротивную тлѣнь, дондеже наполнѣтся огненная рѣка Божія; потопляющая нечестивыя. Согрѣтое сердце есть огненный духа святаго языкъ, новое на небесахъ и на землѣ поющій чудо воскресенія. Не видишь ли, что во всѣхъ ветхое сердце, земляныи языкъ, всѣ боязливы, печальны, несыты, отчаянны, лишены небеснаго параклитова утѣшенія? Коль же напротивъ того мало тѣхъ, о коихъ сказано: на стѣнахъ твоихъ, Иерусалиме, приставихъ стражи день и ночь, иже не престануть поминающе Господа! Мало сыновъ Амосовыхъ для утѣшенія людей Божіихъ; не много Аввакумовъ, стоящихъ на Божественной стражѣ. О всѣхъ можно сказать: мертвъ еси, съ мертвымъ твоимъ сердцемъ; желѣзо пройде душу твою; сидишь во тьмѣ; лежишь во гробѣ... О божественная искро! зерно горчицно и пшенично! Сѣмя Авраамле! Сыне Давидовъ! Христе Иисусе! Небесный и новыйи человекъ! Главо и сердце и свѣте вся твари! десница Божія! воскресеніе наше! Когда тебе уразумѣем?.. Ты истинныйи человекъ еси во истиннойи плоти. Но мы не знаемъ такогои человека; а которыхъ знаемъ, тѣ всѣ умирають. Ахъ! истинныйи человекъ никогда же умираеть. Такъ видно, что мы никогда истиннаго не видывалии человека; а которыхъ знаемъ, у тѣхъ руки и ноги,

и все тѣло въ прахъ обращается. Но что свидѣтельствуешь камень священнаго писанія? Не отемнѣста (говорить) очи его, и не истлѣста устнѣ его. Но гдѣ такой человѣкъ? мы его никогда не видали и не знаемъ. Не разумѣемъ ни очей, ни ушей, ни языка. Все то, что только знаемъ, на сіе не похоже. Тутъ говорится о безсмертномъ человѣкѣ и нетлѣнномъ тѣлѣ; а мы одну грязь носили, и ничего такого не видимъ, чтобы не было порченное. И такъ сидя въ грязи и на нея надѣясь, подобными ей и сами сдѣлались. Очи имѣемъ тѣ, которыми ничего не видимъ, и ноги, ходить немогущія, и таковыя жъ руки, лишены осязанія; языкъ и уши такого жъ сложения. Вотъ какъ хорошо разумѣемъ, что мы тѣнь мертвая, что мы прахъ, вѣтромъ колеблемый! Можетъ ли нечувственная земля признать невидимаго?..

Пам. Скажи лучше по Давидовому: еда исповѣтся тебѣ персть? Бреніе и вода мимо текущая есть естествомъ своимъ всяка плоть, изъ стихій составленная, — ровъ страданій и глубина тьмы. Спаси мя, вопіетъ Давидъ, отъ бренія, да не углѣбну, и отъ водъ многихъ и глубокихъ. Не мертвыя восхвалятъ тя...

Др. Отъ сегожь-то бренія изводитъ насъ помянутая царская дочь, Давидова чистѣйшая голубица, и прекраснѣйшая дѣва, одѣвъ

насть не бранными, но позлащенными въ междораміи и посребренными духомъ Божиимъ крылами. Сими окрылятѣвъ, возлетимъ съ Давидомъ и почиємъ. Бросивъ земнаго чловѣка Адама съ его хлѣбомъ болѣзни, перелетимъ сердцемъ къ чловѣку Павлову, къ невидимому, небесному нашему міру—не за моря и лѣса, не выше облаковъ, не въ другія мѣста и вѣка: Единъ Онъ есть во вѣки. Но проникнемъ въ самый центръ сердца нашего и души нашея, — и миновъ всѣ бранныя и потопныя мысли, со всею крайнею внѣшностію плоти нашея, оставивъ всю бурю и мракъ подъ ногами его, взойдемъ чрезъ помянутыя лѣтвицы: высокій восходъ и исходъ къ животу и главѣ нашея, — къ истинному чловѣку, въ нерукотворенную Скинію, и къ его нетлѣнной и пречистой плоти, которая земная наша хранина слабою тѣнью и видомъ есть. Сей-то есть истинный чловѣкъ, предвѣчному своему Отцу существомъ и силою равенъ, единъ во всѣхъ насъ и во всякомъ цѣльнѣй, его же царствію нѣсть конца... Сего-то чловѣка если кто уразумѣлъ, тотъ и возлюбилъ, и самъ взаимно любезнымъ сдѣлался, и одно съ нимъ есть. Кто прилѣпился брешію, тотъ и самъ есть землею, и въ землю возвращается; а познавшій нетлѣннаго и истиннаго чловѣка не умираеть, и смерть надъ нимъ не обладаетъ, но съ сво-

имъ господиномъ , вѣрный слуга, вѣчно цар-
ствуешь, раздѣвшись, какъ изъ обветшалыя
ризы, изъ земной плоти, и надѣвъ новую, со-
образную его плоти плоть. И не уснетъ, но
измѣнится, принявъ, вмѣсто земныхъ рукъ,
нетлѣнныя, вмѣсто земныхъ ушей, очей, язы-
ка и прочихъ всѣхъ членовъ—духовныя, ис-
тинныя, сокровенныя въ Богѣ, какъ Псаія
говорить: се Спаситель твой грядетъ, имѣяй
съ собою мзду, или награжденіе; воздай,
вмѣсто желѣза, серебро, вмѣсто мѣди, золото;
полагая въ основаніе твое камень сапфиръ,
то есть, небесну, нерукотворенну храмину.
Да будетъ Богъ всяческая во всемъ твоёмъ,
а не мертвая земля и брение. Кто-ли охот-
никъ къ сему истинному животу, къ симъ
блаженнымъ днямъ? Сейчасъ вдругъ, какъ
молнія, дается тебѣ. удержи только языкъ
твой отъ зла и устнѣ твой... О, злый языче!
О, главо зміина! начало горестныхъ дней! Ты
всѣхъ изъ рая выводилъ , всѣхъ въ бездну
потопляешь. Кто дастъ на сердце наше раны,
и на помышленія наша—наказаніе премудрости?
А иначе нельзя намъ долой не пасть. Къ тебѣ
прибѣгаемъ, о горо Божія , купино неопали-
мая, свѣщнице златый, святая святыхъ, ков-
чеже завѣта, Дѣво чистая и по рождествѣ тво-
емъ! Ты едина и раждаеши и дѣвствуеши.
Твое единыя святѣйшее Сѣмя; единъ Сынъ

твоей, умершей плотию, воскресшей и воцарившейся, единъ Онъ можетъ стерти главу змѣву, — языкъ, доношающій Господевн.

Ант. Если священное писаніе есть сладкая гусли Божія, то не худо, еслибъ, кто нашу компанію повеселилъ, и воспѣлъ на семь инструментовъ хоть немножко.

А. Я въ семь согласенъ съ Антономъ, и сего-жъ прошу.

Квадр. Не поврежу и я вашего добраго согласія, и о томъ же прошу.

Др. Слышишь ли, Памво? принимайся за гусли. Ты долго учился Давидовой пѣсни. За 10-ть лѣтъ можно приучиться хоть мало.

Пам. Ахъ! что ли мнѣ въ жизни пріятнѣе, какъ пѣть возлюбленному моему человѣку? Но боюсь, чтобъ не поразнить голосовъ. Страшитъ мене сынъ Сираховъ теми словами: глаголи, старѣйшино, и не возбрани мусикии.

Др. Пой и воспой, не бойся! Будь увѣренъ, что сладка ему будетъ бесѣда наша.

Пам. Но что ли ее присладить, если я не-искусенъ?

Др. Что присладить? Тое, что дѣлаетъ пріятнымъ отцу младолѣтнаго сыночка, неправильное лепетаніе въ рѣчи, или худое играніе на арфѣ. Развѣ ты позабылъ, что искусство во всѣхъ священныхъ инструментовъ тайнахъ не *стоитъ* полушки безъ любви? Не слышишь ли

Давида? возлюбите Господа; а потомъ что? и исповѣдайтесь: хвалите и превозносите. Любленіе Господа есть преславная глава премудрости. Кая-жъ нужда въ прочемъ? Пой дерзновенно! Но какъ въ свѣтской музыкѣ, — одинъ тонъ безъ другаго согласнаго не можетъ показать фундамента; а приобщеніе третьяго голоса совершенную дѣлаетъ музыку, которая состоитъ вся въ троицхъ голосахъ, между собою согласныхъ: такъ точно и въ Давидовыхъ гусляхъ, — одна струна сумнительна, если ея съ другимъ стихомъ не согласить; а при троицхъ уже свидѣтеляхъ совершенно всякій глаголь утверждается. Воскликнемъ Господеву въ гусляхъ! вооружимся согласіемъ противу проклятаго языка, врага Божественному нашему человѣку. Авось либо по крайней мѣрѣ изъ нашей компаніи выжнемъ сего нечистаго духа.

Симфонія.

Сирѣчь, согласіе, священныхъ словъ со слѣдующимъ стихомъ:

Рѣчь, сохраню пути моя: еже не согрѣшати языкомъ моимъ.

РАЗГОВОРЪ.

ПАМВА, АНТОНЪ, ЛУКА и ПРОЧІЕ.

Лука. Продолжай же притчу твою, Памво.

Памва. Наконецъ тѣ два путника пришли въ великимъ горамъ. Они о своемъ освобожденіи благодарили Бога. Но голодь и скука по отечеству мучила ихъ. Какъ утишился вѣтеръ, услышали они шумъ водъ и подошли къ источнику. Старѣйшій изъ нихъ, отдохнувъ нѣсколько, осмотрѣлъ мѣста около богатаго сего источника, истекающаго изъ ужасныхъ азіатскихъ горъ. Конечно, говоритъ, не далече тутъ люди гдѣ-то живутъ. Не знаю, кто бы могъ поселиться въ сихъ страшныхъ пустыняхъ, сказалъ молодой. По крайней мѣрѣ видѣнь бы былъ слѣдъ какій либо ко источнику. Да, въ близости его по камнямъ не видать, сказалъ старикъ, но въ дальней околичности примѣтилъ я слѣдъ, весьма похожій на чело-вѣческій. Мало помедливъ, поднялися они узенькою тропюю по кручамъ. Она ихъ привела до каменныя пещеры съ надписью сею: сокровище свѣта, источникъ жизни, дверь блаженства. Не знаю, кій духъ влечетъ мене въ темный сей вертепъ, говоритъ старикъ. Или умру, или живъ буду. Ступай за мною! *Кослѣдуя предводительству духа, пошли оба*

внутри. Молодой не теря больше глубокія тьмы, вскричалъ: ахъ! куда мы идемъ..? Потерпи; кажется, слышу человѣческой голось. И дѣйствительно, сталъ слышенъ шумъ веселящихся людей. Приблизившись къ дверямъ, начали они стучать. За шумомъ не скоро имъ отперли. Вошли въ пространную залу, лампадами освѣщенную. Тутъ приняли ихъ, какъ родственникововъ, сдѣлавъ участниками пира. А живутъ здѣ нѣсколько земледѣловъ съ фамиліями. Отдохнувъ нѣсколько дней, у сихъ челоувѣколюбивыхъ простолюдиновъ, праздновавшихъ шесть дней рожденіе своего господина, спросили путники у Конона, кой былъ межъ ними головою: какъ далече живетъ ихъ господинъ? Онъ насъ всемъ тѣмъ, что къ веселости принадлежитъ, снабдѣвасть, сказалъ Кононъ: однакъ мы къ нему въ домъ никогда не ходимъ, и не видимъ никого, кромѣ нашихъ пастуховъ, которые ему вѣрнѣе прочихъ. Они отъ насъ носятъ ему поклонны. Если желаете, можете къ нему идти. Онъ не смотритъ на лице, но на сердце. Вамъ назадъ воротиться нельзя. Вотъ двери: вамъ не страшнъ темнаго вертепа путь при факелѣ. Господь съ вами! ступайте! Седьмаго дня, по входѣ своемъ въ пещеру, 1771 года съ полночи вступили чужестранцы въ путь господскій. На развѣтъ *услышали* хоръ поющій: Смертію смерть по-

правъ.... Послѣ пѣнія, вдругъ отворилися двери. Вошли въ чертогъ, утреннимъ свѣтомъ озаренный...

Л. Полно! зачинай: Воскликните Богу Иаковлю, и ведѣ хоръ, Памво! а мы за тобою, сколько можно.

Пам. Рѣхъ: сохраню пути моя... Хоръ повторяетъ.

Л. Кажется, со стихомъ симъ согласенъ тотъ: Рѣхъ: сохранити законъ твой. Отсюда видно, что Давидовы пути, которые онъ намѣренъ сохранять, и законъ Божій — все то одно. И такъ, второй стихъ есть истолкователемъ прваго.

Ан. Немножко есть сумнѣнія въ томъ, что Давидъ назвалъ своимъ то, что Божіе есть, а не его.

Квад. Для чего-жъ Давиду закона Божія не назвать своимъ путемъ? Онъ путь нечестивыхъ оставилъ и усвоилъ себѣ путь Божій.

Ант. Не спору. Однако лучше, когда бы третій стихъ развязалъ сумнѣніе, дабы твердое было въ троихъ тронахъ согласіе.

Л. Что-жъ сумнѣваться? вѣдь Давидъ и Бога своимъ называетъ: Ты мой и законъ Твой есть мой же. Часть моя еси Господи. Рѣхъ: сохраню пути моя — то-же, что Рѣхъ: *сохранити законъ Твой. Но для твоего удо-*

вольствія, вотъ тебѣ третій: *Пути моя исповѣдахъ, и услышалъ мя еси.*

Ан. Я и симъ не доволенъ. Сей стихъ изъясняется слѣдующимъ: *Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви.* И такъ нѣсколько разнятъ два стихи сіи: *пути моя исповѣдахъ*, то есть, беззаконіе мое, а не законъ Божій. *Сохраню пути моя, и услышалъ мя еси*, то есть *сохранити законъ твой*. Если бы сказалъ: *сохраню пути твоя*, въ то время совершенная была бы симфонія съ симъ: и ты отпустилъ еси нечестіе сердца моего. Сіи два во всемъ съ собою сходны. И какъ начало началомъ, такъ и конецъ концемъ втораго открывается: *сохранити законъ твой*.

Квадр. Какъ же теперь быть? слушай, Памво! завелъ ты насъ въ непроходимую; ты-жь самъ и выведи.

Пам. Знаю. Вамъ сумнительно то, что Давидъ, какъ законъ Божій называетъ путемъ своимъ, такъ и беззаконіе называетъ своимъ. Не удивляйтесь. Единъ нашъ, для всѣхъ насъ, есть путь, ведущій во вѣчность; но двѣ въ себѣ части и двѣ стороны, будто два пути, десный и шуій, имѣеть. Часть Господня ведетъ насъ къ себѣ, а лѣвая сторона, во тлѣніе. Сею стороною Давидъ прежде шествовалъ и, усмотрѣвъ обманъ, говоритъ: *Пути моя исповѣдахъ*, — я ты и проч. Потому, набравъ

благую часть, сказуетъ: сохранию пути моя, сирѣчь, стану беречь сію благую часть, дабы мене мой языкъ не отвелъ отъ нея во истлѣніе. Искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое, и аще есть путь беззаконія во мнѣ, тогда настави мя на путь вѣченъ.

Др. Любезные други! вы не худо на Давиду арфу забренчали, и по моему мнѣнію не нарушили мусикіи, но опустили самое нужное, а именно: рѣхъ.

Ант. Сіе, кажется, всякъ разумѣтъ.

Др. А мнѣ мнится, будто нѣтъ труднѣе.

Ан. Конечно, ты шутишь.

Др. Никакъ! Священное писаніе подобно рѣкѣ, или морю. Часто въ томъ мѣстѣ глубина, и самымъ ангельскимъ очамъ неудобозримая закрывается, гдѣ по наружности показывается просто. Примѣчайте, что Давидъ на многихъ мѣстахъ говоритъ: рѣхъ, и послѣ сего весьма важное слѣдуетъ; напр. рѣхъ: нынѣ начахъ, и прочая. Рѣхъ: потомъ раждается сохраненіе закона. Рече безуменъ — и въ то время слѣдуетъ растлѣніе всѣхъ начинаній. Рѣхъ: ты еси Богъ мой. Видите, что рѣчь, сѣменемъ и источникомъ есть всему добру и злу, а вы сію голову опустили. Сея-то добрыя рѣчи просятъ у Бога онъ-же. Рцы души моей: спасеніе твое есмь азъ. Господи! уста твои отверзеша... А какъ послалъ слово свое

исцѣлилъ, въ то время Давидъ всему строе-
нію своему положилъ основаніе... Какъ же
ты, Антонъ, говоришь, что всякъ разумѣтъ?
Разумѣешь ли, что такое есть рѣчь?

Ан. По крайней мѣрѣ вижу человѣческія
уста.

Др. Богъ знаетъ!.. Приступитъ человѣкъ —
и сердце глубоко. Какъ же можешь видѣть?

Ан. Сердца видѣть не могу.

Др. Такъ не видишь же ни устъ его. По-
забылъ ты уже оное? Глубоко сердце чело-
вѣку и, человѣкъ есть. Слушайте, любезные
други, запойте на Давидовыхъ гуслихъ, обли-
чите его невѣжество, иждените бѣса. Памво,
зачинай. Симфонія.

Памво. Согрѣяся сердце мое.. Глаголахъ
языкомъ моимъ.

Л. Далъ еси веселіе въ сердце мое.

Квадр. Отрыгну сердце мое слово благо.
Языкъ мой трость.

Пам. Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей.

Квадр. Слово Господне разже его.

Л. Возвеселится въ веселіи языка твоего.

Пам. Разжеса сердце мое и утробы моя.

Л. Возрадуются устнѣ мои, и душа моя.

Авадр. Тебѣ рече сердце мое: Господа възы-
щу.

Др. Полно! слышишь ли, Антонъ, симфонію?
Понялъ ли ты, что языкъ съ устами радуется,

а сердце говорить? Признайся жъ съ Сираховымъ сыномъ: уста мудрыхъ въ сердца ихъ. Но какъ сердца ихъ не видишь, то ни устъ ихъ, ни языка, ни слова устъ ихъ, ни рѣчи. Видишь, коль трудное слово: Рѣхъ.

Ант. А внѣшнія уста и языкъ, что такое есть?

Др. О нѣмѣй, и молчи! Не слыхалъ ли ты, что на сихъ гусляхъ не должно пѣть для твоей земли, плоти и крови, но единому Господу и Его языку, о коемъ пишется: земля. убояся и умолча, ввсегда востати на судъ Богу.

Ант. Новый подлинно языкъ.

Др. Новый человекъ имѣетъ и языкъ новый. Слушай, Памво. Запойте сему, возлюбленному нашему человеку, сладости и желанію нашему. Но такъ пойте, чтобъ сладка была Ему ваша хвала. Воспойте умомъ, не однимъ воздухъ поражающимъ гласомъ. Новому нова пѣснь.

Пам. Пою тебѣ въ гусляхъ, святыи Израилевъ.

Л. Красенъ добротою паче сыновъ человеческихъ.

Квадр. Возлюбленный, яко сынъ единорожъ.

Пам. Сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой.

Л. Честно имя Его предъ нами, и живъ будетъ.

Квадр. Обновится, яко Орля, кнѣсть твоа.

Пам. Жезлъ силы послеть ти Господь отъ Сіона.

Л. Что есть человекъ, яко помниши его?

Квадр. Мати Сіонъ речеть: человекъ, и человекъ родися въ немъ.

Пам. Престоль Его, яко солнце.

Л. Востани! вскую спиши, Господи?

Квадр. Десница твоа воспріять мя.

Пам. Не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія.

Л. Еще же и плоть моя вселится на обнованіи.

Квадр. И лѣта твоа не оскудѣють.

Др. Знаешь ли, Антонъ, сего блаженнаго мужа? Онъ не умираеть, и плоть его не истлѣваетъ.

Ант. Признаюсь, не знаю; а кого знаю, тѣ всѣ умирають и тлѣють.

Др. Такъ слушай же. Тѣ всѣ у Бога не початныя... Не соберу соборовъ ихъ отъ крови. Кая польза въ крови ихъ, когда они тлѣють? Ищи, что то за человекъ, который воспоминавенъ у Бога. Если същещь, въ то время и самъ записанъ будешь на небесахъ. Вѣдь ты читалъ, что единою глагола Богъ: а тамъ разумѣется двое: человекъ и человекъ, языкъ и языкъ, рѣхъ и рѣхъ, старое и новое, истинное и пустое, Слово Божіе и смерт-

ное, глава и пята, путь и грѣхъ, то есть заблужденіе... Рѣхъ; а потомъ что? сохранию пути моя. Рѣхъ беззаконнующимъ. А что такое: не беззаконуйте? Рѣхъ: что же то за рѣчь? услышу, что речеть о мнѣ Господь? Мирь! яко рече миръ на люди своя. Рѣхъ: вотъ же и рѣчь. Господи, устнѣ мои отверзеши. Рѣхъ: Господь дастъ глаголь Благовѣствующимъ. Рѣхъ: посла слово свое, и исцѣли ихъ. Рѣхъ: Въ началѣ бѣ Слово. Рѣхъ: Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти. Рѣхъ: Тѣмъ сотреть твою главу. Рѣхъ: рече Богъ, да будетъ свѣтъ! Рѣхъ: просвѣщаеши тьму мою. Рѣхъ: сердце чисто созижди. Рѣхъ: всяка плоть трава. Рѣхъ: кляхся и поставихъ судьбы... Рѣхъ: живо бо есть слово Божіе. Рѣхъ: доколѣ сѣчеші, о мечу Божій? глаголай истину въ сердцѣ моемъ? Боже сердца моего! доколѣ сѣчеші? Я уже скрыхъ словеса твоя въ сердцѣ моемъ.

Ант. А я думаль, что Давидъ обыкновенно сказалъ нашимъ языкомъ: Рѣхъ.

Др. Ни, но тайнымъ, новымъ, нетлѣннымъ. Онъ не любитъ инако говорить. Слышь, что сказуетъ? О Господѣ похвалю слово.

Ант. О, дабы Богъ далъ и мнѣ новый сей языкъ!

Др. Если узнаешь старый, познаешь и новый.

Ант. Тфу! что за бѣда? будто я уже и стараго не знаю? ты мене чучеломъ сдѣлалъ.

Др. Еслибъ тебѣ трактирщикъ поставилъ одинъ стаканъ вина стараго, другій новаго, а ты не знатокъ; то какъ можно сказать, будто знаешь? ошибкою можешь почестъ старое вмѣсто новаго.

Ант. Что же пользы видѣть, не имѣя вкуса?

Др. Самая правда. Я тебѣ говорю, что ты и о самомъ старомъ языкѣ не знаешь, гдѣ онъ, хотя бы вкуса и не былъ лишень.

Ант. Что ты поешь? Вѣдь старыи нащъ языкъ во рту.

Др. А ротъ гдѣ?

Ант. Развѣ не видишь моего рта?

Др. Полно же! Послушай лучше Давидовыхъ гуслей, и прожени духа лжи. Воспой старикъ!

Пам. Нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно.

Л. Устнѣ льстивыя въ сердцѣ.

Квадр. Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ.

Пам. Трудъ и болѣзнь подъ языкомъ ихъ.

Л. Доколѣ положу совѣты въ душѣ моей?

Квадр. Болѣзни въ сердцѣ моемъ...

Др. Вотъ видишь, что и самый старыи твой языкъ, въ ветхомъ твоёмъ сердцѣ, а не въ наружности.

Ант. Какъ же наружный мой языкъ не го-

ворить; когда онъ говорить? Вѣдъ голосъ его слышенъ.

Др. Мысль движеть грязь твоего языка, и она-то (мысль) говорить, какъ часы на башнѣ идутъ. Выходить изъ нутра часовья машины побудительная сила, коею нечувственный движется молотокъ. И по сему то Давидъ поетъ: помыслиша (такъ вотъ уже) и глаголаша. Старый, новый ли языкъ: оба закрылися въ безднѣ сердецъ своихъ. Помыслихъ, говорить; пути твоя, то есть, рѣхъ: сохранию пути моя. А опять о зломъ языкѣ вотъ что! Неправду умысли языкъ твой, то есть сердце его собра беззаконіе себѣ. А какъ въ мертвость твоего наружнаго языка, такъ во всѣ твоея тлѣнности члены выходить побудительная сила изъ сердечныя же машины. Посему видно, что всѣ они въ той же безднѣ, какъ яблоня въ своемъ сѣмени, утасваются. А наружная грязь о нихъ только свидѣтельствуеть. Пѣвчіи! Воспойте и сію пѣсенку!

Пам. Нога моя ста на правотѣ.

Л. Ти же присно заблуждаютъ сердцемъ.

Квадр. Неправду руки ваша соплетаютъ.

Пам. Въ сердцѣ беззаконіе дѣлаете.

Квадр. Языкъ его соплеташе льщеніе.

Пам. Возведохъ очи мои.

Л. Къ тебѣ взяхъ душу мою.

. Квадр. Вижь и приклони ухо твое. Приклони сердце мое во свѣдѣнія твоя.

Др. Уразумѣй силу сихъ словъ, и усмотришь, что нога гордыни, и рука, и роги грѣшныхъ, и зубы и уши, и око простое и лукавое, и все до послѣдняго волоса, спряталось въ сердечной глубинѣ. Отсюда-то исходятъ помышленія, всю нашу крайнюю плоть и грязь движущія. Помышленія, владѣющія наружнымъ твоимъ окомъ, есть главное твое око; а плотское такъ, какъ бы одежда, послѣдующая своей внутренности. То же разумѣй и о прочихъ частяхъ.

Ант. Да ты-жъ говорилъ, что уста только однихъ мудрыхъ въ сердцахъ ихъ; а теперь говоришь то о всякихъ устахъ.

Др. Весьма ты примѣтливъ на мои ошибки. Въ Сираховомъ стихѣ сердце безумныхъ во устахъ ихъ; уста же мудрыхъ въ сердцахъ ихъ. Пускай же и безумнаго уста будутъ въ сердцахъ. Но если ты сего не уразумѣешь, то мысль твоя будетъ въ грязи наружныхъ твоихъ устъ. А о чемъ размышляешь, тамъ твое пустое и сердце. Оно думаетъ, что плотское брѣние сильно и важно. Въ семъ ложномъ мнѣніи оно пребывая, дѣлается и само пустошью, такъ какъ и языкъ его есть суетный. Таковой помысль есть устами твоими брѣнными; а въ нихъ твое сердце потоль будетъ, поколь

не скажешь: рѣхъ: сохранию пути моя. Спаси мя отъ брѣнія, да не углѣбну. Затѣмъ-то языкъ и головою называется, что за симъ вождемъ все человѣческое сердце идетъ. Желалъ бы я, дабы тебѣ Господь и всѣмъ намъ далъ новое и чистое сердце. Стеръ главу языка змѣнна и заговорилъ въ сердцѣ нашемъ тѣмъ языкомъ, о коемъ сказано: языка, его же не вѣдаше, услыша. Посла слово свое, избави ихъ отъ растлѣнія ихъ.

Ант. Теперь, кажется, я разумѣю и сіи слова: возрадуются кости смиренныя.

Др. Когда все-на-все, то и самая кость въ душѣ и сердцѣ заключается. Какъ только (говорить) умолчахъ, обетшаша кости моя.

Пам. Онѣмѣхъ и умолча отъ благъ въ то время, внигда востати грѣшному (языку) предо мною.

Др. Подлинно. А какъ сей злый вождь и глава змѣнна приводитъ все сердечное сокровище въ смущеніе, такъ напротивъ того веселый Божій миръ благовѣствующій языкъ приносить всему сердцу, всей безднѣ нашей, радость и свѣтъ. Слуху (говорить) моему даи радость и веселіе. Для того, что какъ все мое, такъ и кости мои, прежде сего смѣрившіяся во истлѣніе, теперь возрадуются. Сему мирному языку вѣровахъ тѣмже и глаголахъ. А что глаголахъ? вотъ что: всякъ человѣкъ ложь.

Всяка плать сѣно, ничтоже. Рѣхъ: имя Господне призову. Рѣхъ: сохраню пути моя, пойду въ слѣдъ за новымъ моимъ языкомъ, за нетлѣннымъ человекомъ; не пойду во истлѣніе за грѣшнымъ языкомъ. Воскликну со Исаією: Божій есмь.

Пам. Вошли мы нѣсколько во внутренность плоти нашея, будто въ нѣдро земное. Нашли чего не видали. У людей мы нашли новыя руки, ноги, и все новое имѣющихъ. Но еще не конецъ. Продолжай путь къ совершенному миру нашему. О, душа моя! приближайся ко Господу. Вѣрою входи, а не видѣніемъ. Вѣра ростъ и движетъ горы.

Вотъ свѣтильникъ стязамъ твоимъ.

Языкъ новый!

Аминь.

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ!

ПРИТЧА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ, ФЕОДОРУ ИВАНОВИЧУ ДИСКОМУ, ЖЕЛАЕТЪ ИСТИННАГО МИРА.

Жизнь наша, есть вѣдь Путь непрерывный. Миръ сей, есть великое Море: всѣмъ намъ плывущимъ. Онъ то есть Окѣанъ. О! весьма не многими Щастливцами, безбѣдно преплавляемый. На Пути семъ, встрѣчаютъ Каменные Скалы и Скалки. На Островахъ Сирены. В глубинахъ Киты. По Воздуху Вѣтры. Волненія повсюду. Отъ Каменей Претыканіе. Отъ Сиренъ Прельщеніе. Отъ Китовъ Поглощеніе. Отъ вѣтровъ Противленіе. Отъ Волнъ Погруженіе. Каменные вѣдь Соблазны, суть то Неудачи. Сирены, суть то Лъстивые Други. Киты, суть то Запазушніи Страстей нашихъ Змии. Вѣтры, разумѣй Напасти. Волненіе, Мода и Суета Житейска.... Непремѣнно поглотила бы Рыба младаго Товію: если бы въ Пути его не былъ Наставникомъ Рафаиль. — Рафа (Еврей-

ски) значить Медицину. *Ил*, или *Эл*, значить Бога. — Сего Путеводника промыслилъ ему Отецъ его. А Сынъ нашель въ немъ, Божію Медицину: врачующую, не Тѣло: но Сердце. По Сердцу же, и Тѣло: яко отъ Сердца зависящее. Іоаннъ, Отецъ твой: въ седьмомъ Десяткѣ Вѣка сего (въ 62-мъ году) въ Городѣ Купянкѣ: первый разъ взглянувъ на мене: возлюбилъ мене. Онъ никогда не видѣлъ мене. Услышавъ же Имя: выскочилъ: и достигши на Улицѣ: молча, въ лице смотрѣлъ на мене: и приникалъ, будто познавая мене: толь милымъ Взоромъ: яко до днесь: въ зеркалѣ моея памяти: живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ Духъ его: прежде Рождества твоего: что я тебѣ, Друже, буду полезнымъ. Видишь: коль Далече прозираеть Симпатія! Се нынѣ Пророчество Его исполняется! Приими, Друже, отъ мене, маленькое сіе Наставленіе. Дарю тебѣ, *Убогаго* моего *Жайворонка*. Онъ тебѣ Заспѣваетъ и Зимую: не въ Клѣткѣ: но въ Сердцѣ твоємъ; и нѣсколько поможетъ спасатися: отъ Ловца и Хитреца: отъ Лукаваго Міра сего. О Боже! Коликое Число сей Волкъ, День и Ночь, незлобныхъ жретъ Агнцовъ! Ахъ! Блюди, Друже: да Опасно ходиши. Не спитъ Ловець. Бодрствуй и ты. Оплошность, есть Мати Нещастія. Впрочемъ: да не соблазнитъ тебѣ, Друже То: что Тетервакъ названъ Фридрикомъ.

Если же досадно: вспомни, что мы всё тако-
вы. Всю вѣдь Малороссію Велероссія нари-
цаеть Тетерваками. Чего же стыдиться! Те-
тервакъ вѣдь, есть Птица Глупа: но не за-
быва. Не тотъ есть Глупъ: кто не знаетъ
(еще Все Перезнавшій не родился): но тотъ:
Кто знать не хочетъ. Возненавидь Глупость:
тогда, хотя Глушъ: Обаче будеши въ Числѣ,
Блаженныхъ оныхъ Тетерваковъ: *Обличай пре-
мудраго: и возлюбитъ тя.* Обличай, де, свое:
яко глушъ есть. Какъ же онъ есть Премудръ?
яко не любитъ Глупости. Почему? Потому что
пріемлетъ и любитъ Обличеніе отъ Друговъ
своихъ. О! да сохранить юность твою Хрис-
тосъ: отъ умащающихъ Елсеиъ Главу твою..
Отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ.

Аминь.

1787-го лѣта: въ полнолуніе послѣднія луны осенія.

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА:

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ.

Съ нимъ разглагольствуетъ ТЕТЕРВАКЪ о СПО-
КОЙСТВИИ.

ОСНОВАНИЕ ПРИТЧИ.

*Той избавитъ тя отъ сѣти ловчія... Псаломъ
90 ст. 3.*

*Бдите и молитесь: да не ввидите въ-напасть.
Горе вамъ богатолюбцы!, яко отстоите отъ
утѣщенія вашего.*

Блаженни нищии духомъ...

Обращаете покой душамъ вашимъ...

Тетервакъ (1), налетѣвъ на ловчую сѣть: началъ во весь опоръ, жрать тучную ядь. На-жрався по уши: похаживалъ надуваясь: вельми доволенъ самъ собою: аки буйный юноша: по модѣ одѣтый. Имя ему Фридрикъ. Родовое же, или фамильное прозваніе: или какъ обычно въ народѣ говорятъ, фамилія: Салаконъ (2). Во время оно пролѣталъ Сабашъ: (имя жайворонку) прозваніемъ: Сколарь. «Куда ты несешься Сабашъ?» воскликнулъ надувшися Тетервакъ.

САБАШЪ. О возлюбленный Фридрикъ! миръ да будетъ тебѣ! радуйся во Господѣ!

САЛАКОНЪ. Фе! запаха школа.

САБАШЪ. Сей духъ для мене милъ.

---

(1) Тетеревъ, птица. Правописаніе сохранено самага Автора.

(2) Салаконъ есть Еллинское слово. Значитъ нищаго видомъ; но лицемѣрствующаго богатствомъ Фастуна. Сихъ лицемѣровъ преисполненъ міръ. Всякъ до единого изъ насъ больше на лице кажетъ: нежели имѣетъ: даже до сего, сатанинское богатство, нищету Христову преодолѣло: осквернивъ сямъ лицемѣриемъ, и самыя Храмы Божіи: и отсюду выгнавъ нищету Христову, и отсюду. И нѣсть человѣка: хвалящагося съ Павломъ нищетою Христовою.

САЛАКОНЪ. По губамъ салата: какъ поють притчу.

САБАШЪ. Радуюся, яко обошняніе ваше испѣ-
• лилося. Прежде вы жаловалися на насморкъ.

САЛАКОНЪ. Протершись, братъ, межъ людьми:
нынѣ всячину разумѣю. Не уйдетъ отъ насъ
ничто.

САБАШЪ. Тетервачій вѣдь умъ остръ: а обо-
шняніе и того вострѣе.

САЛАКОНЪ. Потише, другъ ты мой. Вѣдь я
нынѣ не безъ чинишка:

САБАШЪ. Извините, ваше благородіе, ей! не
зналъ. Посему то вѣдь и хвостъ и хохоль вашъ
нынѣ, новомодными пуклями, и кудрявыми
раздуты завертасами.

САЛАКОНЪ. Конечно. Благородный духъ отъ
моды не отстаеъ. Прошу, голубчикъ, у мене
откушать. Богъ мнѣ далъ изобиліе. Видишь,
что я брожу по хлѣбъ? Не милость ли Божія?

САБАШЪ. (3). Хлѣбъ да соль! Изволите на
здравіе кушать. А мнѣ неколи.

САЛАКОНЪ. Какъ неколи? что ты? взбѣсился?

САБАШЪ. Я посланъ за дѣломъ отъ Отца.

---

(3) Сабашъ, значитъ праздный, спокойный: отъ Сирскаго слова: Саба, или Сава: сирѣчь, миръ, покой, тишина. Отсюда и у Евреевъ суббота, Сабашъ. Отсюда и сіе имя, Варсава. То есть сынъ міра. Баръ, Еврейскій сынъ.

САЛАКОНЪ. Илюнь! наѣдился справился.

САБАШЪ. Не отвѣчетъ мя чрево отъ Отца
и сына. А сверхъ того: боюся чуждаго добра.
Отецъ мой отъ младыхъ ногтей спѣваетъ мнѣ
сія:

Чего не положили: не рушь.

САЛАКОНЪ. О труслива тварь!

САБАШЪ. Есть пословица: боязливаго сына
Мати не плачетъ.

САЛАКОНЪ. Вѣдь оно теперь мое. У насъ по-
ють такъ: ну! что Богъ далъ, таскай ты все
тое въ кошель.

САБАШЪ. И у насъ поють: но наша разниця
пѣсенка съ вами. Вотъ она!

Все лишне отсылай, то не будетъ кашель.
Сверхъ же всего: влюбленъ есмь въ нищету
святую.

САЛАКОНЪ. Ха! ха! ха! хе! въ нищету свя-
тую... Ну се! со святынею ея. Ступай же,
братъ! вѣчи за собою на веревкѣ и возлюблен-
ную твою невѣсту. Дуракови желаю добра:
а онъ все прочь. Гордыя нищеты ненавидитъ
душа моя, пуще вратъ адскихъ.

САБАШЪ. Прощайте, Ваше Благородіе! Се от-
лѣтаю! А вамъ желаю: да будетъ конецъ благу!

САЛАКОНЪ. Вотъ полетѣлъ! Не могу довольна
на дивиться разумамъ симъ школярскимъ. Бла-

женны (де) нищія... Изрядное блаженство: когда нечево кусать! Правда, что и много жрать: можетъ быть дурно. Однакоже спокойнѣе: нежели терпѣть гладъ. Въ селѣ Ровенкахъ (4), прекрасную слыхалъ я пословицу сію:

Не ѣвши, легче: поѣвши, лучше.

Но что же то есть лучше: если не то, что спокойнѣе? Не тронь (де) чуждаго... Какъ не тронуть: когда само въ глаза плыветь? По пословицѣ: «На ловца звѣрь бѣжитъ.» Я вѣдь не въ дуракахъ. Черепокъ нашолъ? Миную. Хлѣбъ попался? Никакъ не пропущу. Вотъ это лучше для спокойствія. Такъ думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожденъ: да и протерся межъ людьми, слава Богу. Мода и свѣтъ, есть наилучшій учитель: и лучшая школа всякія школы. Правда, что было время: когда и нищихъ, но добродѣтельныхъ почитали. Но нынѣ свѣтъ, совсѣмъ не тотъ. Нынѣ, когда нищъ: тогда и бѣднякъ и дуракъ, хотя бы то былъ воистину Израильтянинъ: въ немъ же лести нѣсть. Потерять же въ свѣтѣ доброе о себѣ мнѣніе: дурно. Куда ты тогда годишься? Будь ты, каковъ хочешь въ нутрѣ. Хотя десятка нибеницъ достоинъ. Что въ томъ нужды? тайная Богъ вѣсть. Только бы ты имѣлъ

---

(4) Ровенки, есть тоже, что Ровенички: сирѣчь во Рованъ живущіе вои. Да не сведеть во мнѣ ровеничкѣ усть своихъ. Псаломъ.

добрую славу въ свѣтѣ: и былъ почетнымъ въ числѣ знаменитыхъ людей: не бойся! дерзай! не подвижися во вѣкъ. Не тотъ правъ: кто въ существѣ правъ: но тотъ, кто вѣдь не правъ по истѣ: но казаться правымъ умѣетъ: и одинъ токмо видъ правоты имѣетъ: хитро лицемѣрствуя: и шествуя стезею, спасительныя оныя притчи: «*концы въ воду*» (5). Вотъ нынѣшняго свѣта, самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тотъ единъ есть счастливъ: кто не правъ вѣдь по совѣсти: но правъ есть по бумажкѣ: какъ мудро глаголютъ наши Юристы (6). Сколько я видалъ дураковъ, всѣ глупы. За богатствомъ (де) слѣдуетъ безпокойство. Ха! ха! ха! А что же есть безпокойство: если не трудъ? Трудъ же, не всякому ли благу Отецъ? Премудро вѣдь воспѣваютъ Русскіе люди, премудрую пословицу сію:

Покой воду пьеть:

А не покой медъ.

Что же ли дастъ тебѣ пить, виновница всѣхъ золь, праздность?

---

(5) Коль прельщаются нечестивыи, притчею сею незаконною своею: Концы въ воду. *Нѣсть бо тайна: яже не открывается.*

(6) Христосъ же вопреки говоритъ: Славы отъ человекъ не хочу. Есть прославляяй Мя Отецъ Мой. На пути свидѣній твоихъ насладися. Ахъ! убойтеса, нечестивыи, свидѣній Божиихъ! Не убойтеса, отъ убивающихъ тѣло. Скажите съ Давидомъ: «Прокленутъ гнѣ, и ты благословиши.» Бумажка, о лицемѣри, человѣческая оправдитъ тебе у человекъ: но не у Бога. Се тебѣ колесница безъ колесъ! таково *безъ Бога, всякое дѣло.*

Развѣ поднесетъ тебѣ на здравіе воду: не
мутящую ума?

Кому меньше въ жизни треба?

Тотъ ближае всѣхъ до неба.

А кто же сіе спѣваетъ? Архидуракъ нѣкій
древній: нарщасмый Сократъ. А подпѣваетъ
ему весь хоръ дурацкій. О! о! весьма они
разнятъ въ нашемъ хорѣ. (*) Мы вотъ какъ
поемъ!

Жри все то, что предъ очима.

А счастье за плечима.

Кто не смѣлый: тотъ страдаетъ:

Хоть добылъ: хоть пропадетъ.

Такъ премудрый Фридрикъ судить.

А умъ его не заблудитъ.

Между тѣмъ, какъ Фридрикъ мудрствуетъ:
прилетѣла седмица Тетерваковъ: и три брата-
нича его. Сіе капральство, составило богатый
и шумный пиръ. Онъ совершался не далече
отъ байрака: въ коемъ дятелъ, выстукивалъ
себѣ носикомъ пищу: по древней Малороссій-
ской притчѣ:

Всякая птичка, своимъ носкомъ жива.

Подвижный Сабашикъ, пролѣталъ не малое
время. Пробавилъ путь свой чрезъ три часа.
Онъ посыланъ былъ къ родному дядѣ: при-
гласить его на дружескую бесѣду: и на удо-
бой обѣдъ къ Отцу. Возвращаясь въ домъ: за-

(*) Говорится въ тонѣ ироніи.

Савлѣлся пѣсенкою: на ученѣ отъ отца своего
шмлада: ,сею:

Не то орелъ: что лѣтаеть.

Но то: что легко сѣдаеть.

Не то скудень: что убогой.

Но то: что желаеть много.

Сласть ловить рыбы и звѣри:

И птицѣ, вышедшихъ изъ мѣры.

Лучше мнѣ сухарь съ водою:

Нежели сахаръ съ бѣдою.

Летѣлъ Сабашъ мимо байрака. «Помогай Богъ,
Дубе!» сіе онъ сказалъ на вѣтеръ. Но неча-
янно изъ за дуба, отдался гласъ таковъ:

Гдѣ не чаешь и не мыслишь: тамъ тебѣ
Другъ буде...

Ба! ба! ба! О любезный Немесь! восклик-
нулъ отъ радости Сабашъ: узрѣвъ дятла: име-
нуемаго, Немесь. Радуйся! и паки реку, ра-
дуйся!

Немесь. Миръ тебѣ, друже мой! миръ намъ
всѣмъ! Благословенъ Господь Богъ Израилевъ!
сохраняяй ты до селѣ отъ сѣтованія.

Сабашъ. Я сѣтъ разумѣю. А что значить сѣ-
тованіе? не знаю.

Немесь. Нашъ братъ птахъ: когда впадетъ
въ сѣтъ: тогда сѣтуеть: сирѣчь, печется, ме-
чется и бьется о избавленія. Вотъ сѣтованіе!

Сабашъ. Избави, Боже, Израиля отъ сикъ
скорбей его.

~~нельзя~~ А и дашча: изъ того крайняго дуба: взирѣть на жалостное сіе позорище. Взглядн! видишь ли сѣть намлещну? Не проползъ часъ: когда въ ней и вокругъ ея, страшная совершался. Будто Бендерска осада (7). Гулѣла въ ней дюжина Тетерваковъ. Но въ самомъ шумѣ, и влясаніи, и козлогласованіи, и прожорствѣ: какъ молнія, пала на ихъ сѣть. Боже мой! коликая молва, лоноть, хлопоть, стукъ, шумъ, страхъ и мятежъ! нечаянно выскочилъ ловець: и всѣмъ имъ переломалъ шеи.

САБАШЪ. Спасется ли кто отъ нихъ?

НЕМЕСЪ. Два. А прочіе всѣ погибли. Знаешь ли Фридрика?

САБАШЪ. Знаю. Онъ добрая птица.

НЕМЕСЪ. Воистину Тетервакъ добрый. Онъ-то пролетѣлъ мимо мене изъ вѣра: теряя по воздуху перья. На силу я могъ узнать его. Трепетень, разтрепанъ, распушень, замятъ... Какъ мышь: играема котомъ. А за нимъ издавеча братаничъ.

САБАШЪ. Куда же онъ полетѣлъ?

НЕМЕСЪ. Во внутренній байракъ: оплакивать грѣхи.

---

(7) Одинъ изъ достопамятныхъ воинскихъ подвиговъ въ царствованіе Екатерины Великой.

САБАШЪ. Миръ же тебѣ, возлюбленнѣйшій мой Немесь! Пора мнѣ домой.

НЕМЕСЬ. А гдѣ ты былъ?

САБАШЪ. Звалъ Дядю въ гости.

НЕМЕСЬ. Я вчера съ нимъ видѣлся: и долго бесѣдовалъ. Летижь, друже мой (8), да будетъ Господь на всѣхъ путехъ твоихъ! сохраняяй вхожденія твоя, и исхожденія твоя. Возвѣсти Отцу и Дядѣ миръ мой.

Сія вѣсть неизрѣченно Сабаша устрашила. Сего ради онъ не признался Немесу: что бесѣдовалъ съ Фридрикомъ: предъ самымъ его несчастіемъ. Ну! говорилъ самъ себѣ: научайся, Сабашъ, чуждою бѣдою. Для того то бьютъ песика передъ львомъ (какъ притча есть): чтобъ левъ былъ кротокъ. О Боже! Въ очахъ моихъ бьешь и ранишь другихъ: достойнѣйшихъ отъ мене: да утрашуся и трепещу беззаконныя жизни, и сластей міра сего. О сласть! О удица, и сѣть ты діавольска! Коль ты сладка! яко всё тобою плѣненны! Коль же погибельна! яко мало спасаемыхъ. Первое, всё видятъ, второе, избранныи.

Таковымъ образомъ жестоко себѣ наказывала: и сама себѣ налагала раны сія благочестивая Врода: и взирая на чужую бѣдность: больше пользовалася: нежели собственными

---

(8) И спасайся да будетъ и проч.

своими язвами, біемьи отъ Бога, жестокосердыи беззаконники: и живѣе научалася изъ черныя сея: мірскія бѣды содержащія (черныя бо книга бѣды содержащая: есть то самъ міръ) книги: нежели нечестивая природа: тысячу книгъ перечесть, разноязычныхъ. О таковыхъ вѣдь написано: «Вѣсть Господь не повинныя избавляти отъ напасти... Праведникъ отъ лова убѣгнетъ: вмѣсто же сего предается нечестивый.»

Въ сихъ благочестивыхъ мысляхъ, прилетѣлъ Сабашъ домой. А за нимъ вскорѣ, съ двома своими сынами приспѣлъ Дядя. Созваны были и сосѣды. на сей убогій: но цѣломудренный пиръ и безпечный. Въ сей маленькой сторонкѣ, водворялася простота: и царствовала дружба: творящая малое великимъ: дешевое дорогимъ: а простое пріятнымъ. Сія земля, была часточка той земельки: гдѣ, странствовавшая между чловѣки Пстина: и убѣгающая, во злѣ лежащаго міра сего: послѣдніе дни: пребыванія своего на землѣ: провождала: и остатній роздохъ имѣла: дондеже возлетѣла изъ долинъ въ горнія страны.

Сабашъ, отдавъ Отцу и дядѣ радость и миръ отъ Немеса: тутъ же при гостяхъ, возвратилъ все приключившееся. — Гостей былъ сонмъ не малъ: со чады своими: отроками и

юношами, и женами. Алауда (9), ~~жестъ~~ нари-
чался Отець Сабашовъ: былъ неучебъ и ну-
камъ мірскимъ: но сердце его, была стѣнна
здраваго разума. Всякое дѣло и слово, могъ
совершенно раскусить, обрѣсти въ немъ корку
и зерно: ядь и ядь сладкую: и обратить во
спасеніе.

Алауда, во слухъ многихъ мужей, юношъ,
и отроковъ: научалъ сына такъ: сыне мой еди-
нородный! Приклони ухо твое. Услыши гласъ
Отца Твоего: и спасешия отъ сѣти: якоже
серна отъ ловцовъ. Сыне! аще премудръ бѣ-
деши: чуждая бѣда научить тебе: дерзкій же
и безсердый сынъ, уцѣломудряется собствен-
нымъ искушеніемъ. И сіе есть бѣдственное.
Сыне! да болитъ тебѣ ближняго бѣда! Люб-
ляй же свою бѣду: и не боляй о чуждой: сей
есть достоинъ ея. Не забуди притчи: кую
часто слышалъ еси отъ мене: сея:

Песика бьютъ: а левикъ боится.

Кая польза: читать многія книги: и быть
беззаконникомъ? Едину читай книгу: и дов-
лѣть. Воззри на міръ сей. Взглянь на родъ
человѣческій. Онъ вѣдь есть книга: книга же
черная: содержащая бѣды всякаго рода: аки
волны: востающія непрестанно на морѣ. Чи-
тай ее всегда: и поучайся: купно же, будто
изъ высогія гавани на бѣснующійся Окіанъ

---

(9) Алауда, Римски значитъ, жайворонокъ. (A Lauda)
Хвалю, Римски laudo. Лаудо, лаудонъ, хвалящій.

вырай и ~~у~~авляйся. Не всё ли читаютъ ою книгу? всё. Всё читаютъ: но несмысленно. Пяту его блюдутъ: какъ написано. На ноги выраютъ. Не на самый міръ: сирѣчь, не на главу, и не на сердце его смотреть. Сего ради никогда его узнать не могутъ. Изъ по-дошвы чловѣка: изъ хвоста птицы: такъ и міра сего, изъ ногъ его, не узнаешь его: развѣ изъ главы его: разумѣй, изъ сердца его. Кую тайну затворяетъ въ себѣ гаданіе сіе? Сыне! всё силы моя напрягу: чтобъ развяза-ть тебѣ узелъ сей. Ты же вонми крѣпко. Тетервакъ видитъ сѣть: и въ сѣти ядь, или сѣдь. Онъ видитъ что ли? Онъ видитъ хвостъ, ноги и пяту сего дѣла; главы же и сердца сея, твари: будто самыя птицы: не ви-дять. Гдѣ же сего дѣла глава? И есть она что-то такое? Ловцово сердце въ тѣлѣ его: ута-енномъ за купиною. Итакъ Тетервакъ: ви-дя едину пяту въ дѣлѣ семъ: но не видя въ немъ главы его: видя не видитъ: очитъ по тѣлу; а слѣпъ по сердцу. Тѣло тѣломъ; а сердце зрится сердцемъ. Се видя оная Еван-гельская слѣпота: мати всякія злости! Симъ образомъ, всё безумные, читаютъ книгу міра сего. И не пользуются; но увязаютъ въ сѣти его. Источникъ, рѣкамъ и морямъ, есть гла-вою. Бездна же сердечная, есть глава и ис-точникъ всѣмъ дѣламъ, и всему міру. Ничто-

же бо есть міръ: точію связь, или составъ дѣлъ или тварей. И ничто же есть чѣтка сего Богъ: развѣ мірское сердце, источникъ и глава міра. Ты же, сыне мой, читая книгу, видимаго и злаго сего міра: возводи сердечное твое око: во всякомъ дѣлѣ: на самую главу дѣла: на самое сердце его: на самый источникъ его: тогда, узнавъ начало и сѣмя его: будеши правъ судія всякому дѣлу: видя главу дѣла: и самую исту: истина же избавитъ ты отъ всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣлъ суть: тогда и два сердца. Аще же два сердца: тогда и два духи: благій и злый, истинный, и лестчій. По сихъ двоихъ источникахъ; суди всякое дѣло. Аще сѣмя и корень благъ: тогда и вѣтви и плоды. Нынѣ, сыне мой, буди судія: и суди учинокъ Тетерваковъ. Аще право осудиши: тогда по сему образу, правый судія будеши всему міру. Суди же тако. Напалъ Тетервакъ на снѣдь. Видиши ли сіе? Какъ не видѣть? Сіе и свинія видитъ. Но сіе есть едина точію тѣнь, пята и хвостъ. Тѣнь себе ни оправдаетъ, ни осуждаетъ. Она зависитъ отъ свося главы и исты. Возри на источникъ ея! На сердце: источившее и родившее се. Отъ избытка бо сердца: сирѣчь, отъ бездны его, глаголютъ уста: ходятъ ноги: смотрятъ очи: творятъ руки. Зри! Аще сердце Тетерваково благо: откуду роди-

лося сіе его дѣло: тогда и дѣло благо, и благословенно. Но не видишь ли: яко зміина глава есть у сего дѣла? Сіе дѣло родилося отъ сердца неблагодарнаго: своєю долею недовольнаго: алчущаго и похищающаго чуждое... Сіа то есть истинная Авраамская Богословія: прозрѣть во всякомъ дѣлѣ гнѣздящагося духа: благъ ли онъ? или золь? не судить по лицу, якоже лицемѣры. Часто подъ злобнымъ лицемъ: и подъ худою маскою: Божественное сіяніе, и блаженное тавтса сердце: въ лицѣ же свѣтломъ Ангельскомъ: Сатана. Сего ради, видя неволю и плѣнъ Тетервакову, жертвующую себе въ пользу чуждую: не лѣнися работати для собственныя твоея пользы: и промышляти нужное: да будеши свободенъ. Аще же не будеши для себе самага работъ: принужденъ будеши работати для другихъ: и убѣгая легкихъ трудовъ: попадешъ въ тяжкія и сторичныя. Видиши ли чью либо сіяющую одѣжду: или славный чинъ: или красный домъ: новнутрь исполненный неусыпаемаго червія? Воспомни самъ себѣ слова Христовы: *«Горе вамъ: лицемѣры! Горе вамъ смѣющимся ныль»* разумѣй, снаружи. Видиши ли нищаго: или престарѣлаго: или больнаго: но Божественныя надежды полнаго? Воспой себѣ пѣсенку сію Соломоновскую: *«блага ярость паче смѣха: яко въ злобомъ лицѣ улажсается сердце.»*

Видиши ли разслабленнаго паралишемъ? Бѣгай печальнаго, ревностнаго и яростнаго сердца. Убѣжиши, аще не будещи завистливъ. Сотрещи главу завистному змієви: аще будещи за малое благодаренъ: и уповающій на Бога живаго. Видиши ли ни драгую, ни сластную: но здравую пищу, воспой: *«блага ярость паче смѣха.»* Видиши ли книжку: не имущую опрятныхъ словъ: но духа Святаго исполненну: воспой: *«блага ярость паче смѣха.»* Слышиши совѣтъ, словеснымъ медомъ умащенннй, но со утаеннымъ внутрь ядомъ? Воспой: *«блага ярость паче смѣха. Елей грѣшнаго, да не намаститъ главы моея.»* Видиши ли убогій домикъ: но невинный и спокойный и безпечный? Воспой: *«блага ярость паче смѣха...»* Симъ образомъ читай, сыне, мірскую книгу: и имѣти будещи купно утѣшеніе и спасеніе. Блаженъ, разумѣваяй вину всякаго дѣла! Сердце человѣческое, измѣняетъ лице его на добро, или на зло. О милыи мои гости! Наскучилъ я вамъ моимъ многорѣчіемъ. Простите мнѣ. Се столъ уже готовъ: прошу садиться безразборно. Прошу паки простить мнѣ: что и трапеза моя нища: и созвалъ васъ на убогій пиръ мой въ день безпраздничный.» — Гости всѣ, воспѣли притчу оную: «что у друга вода, есть слаже вражескаго меда.»—«Какъ же въ денъ безпраздничный?» сказалъ Алаудинъ братъ

Адоній (10). Ахъ! доброму человѣкови всякій день праздникъ: незаконнику же, нивеликъ день... Аще всему міру главою и источникомъ, есть сердце: не корень ли и празднику? Празднику матеръ есть не время: но чистое сердце. Оно господиъ есть и субботъ. О чистое сердце! Ты воистину не боишься ни молніи, ни грому. Ты еси Божіе: а Богъ, есть тебѣ твой. Ты ему: а онъ тебѣ есть другъ. Оно Тебѣ, Боже мой: жертвю, Ты же ему. Вы двое есте: и есте Едино. О сердце чисто! Ты новъй вѣкъ, вѣчная весна, благовидное небо, обѣтованная земля, рай умный, веселіе, тишина, покой Божій, суббота и великій день Пасхи. Ты насъ посѣтило, съ высокихъ обителей, свѣтлаго востока: изшедъ отъ солнца: яко женихъ отъ чертога своего. Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ твой! Сей день Господень, возрадуемся и возвеселимся, братіе!» «О возлюбленный брате мой! воскликнулъ Алауда. Медомъ каплютъ уста твоя. Воистину ничто же благо, токмо сердце чисто. Зерно, прорастившее небеса и землю. Зерцало! вмѣщающее въ себѣ и живописующее всю тварь вѣчными красками. Твердь! утвердившая мудростію своею чудная небеса. Рука! содержащая горстію кругъ земный, и прахъ нашей плоти. Что бо есть див-

---

(10) Адоній Елнн. значить пѣвца. Ода, пѣсня.

нѣе памяти, вѣчно весь міръ образующія? Сѣмена всѣхъ тварей, въ нѣдрахъ своихъ, хранящія вѣчно? Зрящія единымъ окомъ, прошедшая и будущая дѣла: аки настоящая. Скажите мнѣ, гости мои: что ли есть память? Молчите? Яжъ вамъ скажу. Не я же: но благодать Божія во мнѣ. Память есть не дремлющее сердечное око: призирающее всю тварь. Незаходимое солнце: просвѣщающее вселенную. О память! Утренняя, яко нетлѣнная крила! Тобою сердце возлѣтаетъ, во высоту, во глубину, въ широту, безконечно: быстрѣе молніи сторицно. *«Возьму криль мои рано, съ Давидомъ...»* Что ли есть память? Есть, беззабвеніе. Забвеніе, Елинами глаголется, лнѣа. Беззабвеніе же, алиѳіа. Алиѳіа же есть истина. Кая истина? Се сіа истина Господня? Азъ есмь путь, истина и животь. Христось Господь Богъ нашъ: Ему же слава во вѣки. Аминь!»

По сеиъ Алауда, благодарственною молитвою благословилъ трапезу: и всѣ възсѣли. При трапезѣ не была критика: осуждающая чуждую жизнь: и приницающая въ тайныя закаулки людскихъ беззаконій. Бесѣда была о дружбѣ: о чистотѣ и спокойствіи сердечномъ: о истинномъ блаженствѣ: о твердой надеждѣ: услаждающей всѣ житейскія горести. Въ срединѣ трапезы, объяснялъ Адоній сіе слово: *Блажемы ницимъ духомъ, яко тлѣхъ есть царство не-*

бесное. Не на лица: говорилъ онъ, ядущи со сладостию бобы: зрять Богъ. Человѣкъ зрять на лице: а Богъ зрять на сердце... Не тотъ нищъ есть: кто не имѣеть: но тотъ, кто по уши въ богатствѣ ходитъ: но не прилагаетъ къ нему сердца: сирѣчь, на оное не надѣется; готовъ всегда, аще Господеви угодно, лишиться съ равнодушіемъ. И сіе то значитъ: *мищи духомъ*. Сердце чистое, и духъ вѣры есть тожде. Кая польза тебѣ, въ полныхъ твоихъ закромахъ, аще душа твоя алчеть и жаждеть? наполни бездну: насыти прежде душу твою. Аще же она алчеть: нѣси блаженный оный Евангельскій нищій: хотя и богатъ еси у человѣкъ: но не у Бога: хотя и нищій еси у человѣкъ: но не у Бога. Безъ Бога же, и нищета и богатство, есть окаянное. Нѣсть же бѣдственнѣе: какъ нищета, средь богатства: и нѣсть блаженнѣе: какъ средь нищеты богатство. Аще міръ весь пріобрѣлъ еси: и еще алчещи: О! средь богатства страждещи нищету, во пламень твоихъ похотѣній. Аще ничто же имаше въ міръ семь: кромѣ самонужныхъ твоихъ: и благодаренъ еси Господеви твоему: уповая на него: не на сѣкровища твоя: воспѣвая съ Аввакумомъ:

Праведникъ отъ вѣры живъ будеть:

О всестину нищета твоя, есть богатѣйшая Царей. Нищета, обрѣтшая нужное: презрѣвшая

лишнее: есть истинное богатство: и блажен-
ная она среда: аки мостъ, между блатомъ и
блатомъ: между скудостію и лишностію. Что
бо есть система міра сего: аще не храмъ Бо-
жій, и домъ Его? Въ немъ нищета живетъ и
священствуетъ. Приноситъ милость мира, жерт-
ву хваленія. Довольствуется аки чадо, подавае-
мымъ себѣ отъ Отца Небеснаго: завися отъ
промысла его, и вселенскія экономіи. И сіе то
значить: *яко твѣхъ есть царство небесное.*
Сіе есть, они знаютъ промыслъ Божій, и на
оний надѣются. Сего ради нищета нарицается
убожествомъ. Или, яко аки чадо, живетъ въ
домѣ у Бога: или того ради, яко все свое
имѣетъ: не во своихъ рукахъ: но у Бога. Не
такъ нечестивый: не тако, но яко прахъ отъ
вихра: тако зависятъ отъ самихъ себе. Обо-
жаютъ сокровища своя. Уповаютъ на собранія
своя. Дондеже постыдятся о идолѣхъ своихъ.
Сего ради нарицаются богатыи: яко сами себѣ
суть, лживыи боги. «Возлюбленный друже и
брате мой: сказалъ тогда Алауда: вкусно ты
вкушалъ у насъ бобы. Но не безъ вкуса раз-
жевалъ ты намъ и слово Христово. Насыщая
тѣло, еще лучше мы насытили сердце. Аще
же оно гладно: суетна есть, самая сладкая пи-
ща. Прошу же еще покушать рѣпы, послѣ ка-
пусты и послѣ бобовъ. Увѣнчиваетъ же трапезу
нашу, ячменная съ масломъ кутія.» Въ концѣ

трапезы, началъ пироначальникъ прищучивать: а гости смѣются. Адоній, пособляя брату: забавно повѣствовалъ: коимъ образомъ древле, Божія дѣва Истина, первый разъ пришла къ нимъ во Украину. Такъ называется страна ихъ. Первый, де, стрѣтилъ ее, близъ дому своего, старикъ Маной: и жена его Каска. Маной узрѣвъ: спросилъ суровымъ лицемъ: кое имя твое: о жено? Имя мое есть, Астрая (11), отвѣчала дѣва. Кто ты еси? откуда? И почто здѣ пришла еси? Возненавидѣвъ злобу мірскую: пришла въ вамъ водворитися: услышавъ, что во странѣ вашей царствуетъ благочестіе и дружба. Дѣва же была во убогомъ одѣяніи: препоясанна: волосы въ пучкѣ: а въ рукахъ жезлъ. А! а! не имаша здѣ пребывальнаго града: воскликнулъ со гнѣвомъ старецъ. Сія страна, нѣсть прибѣжище блудностямъ. Видъ твой и одѣяніе обличаетъ: тебе быти блудницу. Дѣва сему смѣялася: а старикъ возгорѣлся. Увидѣвъ же, что Каска вынесла на стрѣчу чистый хлѣбъ на деревяномъ блюдѣ: во знаменіе страннопріимства: совѣмъ возбѣсился. Что ты дѣлаешь, безумная въ женахъ? Не вѣдая, кого духа есть странница сія? спѣшишь страннопріятствовать. Воззри на видъ и на одѣяніе ея. И проснися. Каска возсмѣялася, и молчала. Дѣва же сказала: такъ не похвали челоуѣка въ красотѣ

---

(11) Астриа, слово Еллинское. Значить звѣзды ал. Сіе есть горняя, лучезарная.

его: и не буди тебѣ мерзокъ челоуѣкъ видѣ-
ніемъ своимъ (12). Послѣ сихъ Божіихъ словъ:
старикъ нѣсколько усомнился. Нечаянно же
узрѣвъ на главѣ ея вѣнецъ лучезарный: и Бо-
жества свѣтомъ возсіявшіе очи: вельми уди-
вился. Паче же ужаснулся тогда: когда див-
ный духъ: превосходящій оиіями, крины (13)
и розы: изшедшій изъ устъ дѣвичихъ: кос-
нулся обоняніе его, и усладилъ неизрѣченно.
Тогда Маной: отскочилъ воспать: поклонился
до землѣ: и лежащи ницъ сказалъ: «Госпоже!
Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою: не ми-
ни мене раба твоего...» Старица оставивъ лежа-
щаго старца: повела дѣву въ горницу. Омыла
ей по обычаю ноги: и масломъ главу помаза-
ла. Тогда вся горница, Божественнаго испол-
нилася благоуханія. Маной, вскочивъ въ гор-
ницу: лобызалъ ей руки. Хотѣлъ лобызать и
ноги: но дѣва не допустила. «Едину имѣю
гуску: закричалъ старикъ: и тую для тебе на
обѣдъ зарѣжу». Дѣва, смотря въ окно: усмѣ-
халася: видя, что старина: господарь и госпо-
дарка: новою формою ловлять гуску. Они бѣ-
гали, шаталися, падали и сварилися. Дѣвъ

---

(12) Сіе слово есть Сираховское. Оно тотъ же имѣетъ
вкусъ: со Христовымъ онымъ: *не на лица зряще судите.*
И съ онымъ Самуила Пророка: прішедшаго помазать на
Царство: *всѣхъ братіи своихъ меньшаго Давида.* Че-
лоуѣкъ зрѣтъ на лице, а Богъ зрѣтъ на сердце.

(13) Кришь слово Еллішское. Римскі Іліа, Крина. Кри-
ны сельныя, то есть: дикіи, полевыя.

смиреннымъ показалось: что старикъ: преткнулся о старуху и покотился. Что ты? ты выставилъ умъ, что ли? А у тебе его и небывало: сказалъ вставая старикъ. Гостя, выскочивъ изъ горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски съ покоемъ. На семь договоръ вошли все въ горницу. Въмѣсто обѣтованныхъ гуски: въ саду: въ простой бесѣдкѣ: приняли и учествовали Небесную гостью, и Божественную странницу яичницею: и ячменною съ масломъ кутією. Отъ того времени: даже доселѣ, ячменная кутія: нашей сторонѣ, есть во обычаѣ».—Въ семь мѣстѣ встали изъ за стола все гости. Алауда же благодарилъ Богу такъ: *Очи всѣхъ на Тя уповаютъ: и Ты даеши имъ пищу во благо время. Богатая десница Твоя, во сытость и насъ убоишь Твоихъ исполняетъ Твоего благоволенія, Христе Боже. Будь благословенъ со Отцемъ Твоимъ и Святымъ Духомъ во вѣки!* Гости все возшумѣли: *Аминь!* Адоній продолжалъ повѣсть: что Астрая, во странѣ ихъ, жила уединенно. Маноя и Каску, паче прочихъ любила, посѣщала и шутила: дондеже преселилася въ небесныя обители. Алауда пить и пѣть побуждалъ. Онъ наполнилъ стаканище крѣпкаго меда. *Да царствуетъ Астрая! да процвѣтаетъ дружба! да увядаетъ вражда!* Сіе возгласивъ: изпразднилъ стаканъ. Прочіи послѣдовали. Они пили

крѣпкій медъ: хмѣльное пиво: и питіе, или сикеру (14): называемую въ Малороссіи, головичникъ. Дѣти же воду и квась. Изъ гостей большая часть, была сродна къ пѣнію. Адоній раздѣлилъ пѣвцовъ на два крила, или хоры. На хоръ вопросный: и на хоръ отвѣтный: при- давъ къ обоимъ, по нѣскольку свирѣльщиковъ. Они первѣе раздѣльно: потомъ спѣвали ликъ совокупивши. Пѣснь была такова:

ПѢСНЬ

РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ,

0

НИЩЕТЬ ЕГО.

Изъ Соломонова Зерна:

Благо ярость паче смѣха. Яко въ злость лица, ублажится сердце (15).

Изъ Христова: *Горе вамъ смѣю щимся нынѣ То есть снаружи.*

Изъ Іереміина: *Въ тайнѣ восплачется душа ваша.*

---

(14) Сікера есть слово Еллинское. Значитъ всякое питіе упоевающее, пьяное, или хмѣльное: кромѣ единого грозднаго вина. Хлѣбное же (называемое) вино: въ томъ же всеродномъ имени заключается. Сего ради пишется: винахъ сікеры не имать пиити. Еллин. Сікера.

(15) Экклесіастъ.

- В.** Пастыри милы!
Гдѣ вы днесь были?
Гдѣ вы бывали?
Что вы видали?
- От.** • Грядемъ днесь изъ Виолсема.
Изъ Града уничиженна.
Но днесь блаженна.
- В.** Кое жь оттуду несете Чудо?
И намъ прорцыте.
Благовѣстите.
- От.** Видѣли мы вновь рожденно:
Отроча Свято, Блаженно.
Владыку всѣмъ намъ.
- В.** Кія Палаты имѣеть Тое:
Ахъ! Всеблаженно Чадо Царское?
- От.** Вертепъ выбить подъ Скалою.
И то простою рукою.
Се Чертогъ Его!
- В.** Мягка Постель ли?
Въ красномъ ли Ложи,
Сей почиваетъ Чудный Сынъ Божій?
- От.** Въ Ясляхъ Мати кладеть Траву.
Тужъ Перину и подъ Главу.
Се Царска Кровать!
- В.** Кія тамъ Слуги отъ Домочадцовъ,
Имѣеть тое Милое Чадцо?
- От.** Овцы и Мулы съ Ослами.
Волы и кони съ Козлами.
Се Домочадцы!

В. Кую же той Домъ вкушаетъ Пищу?
Развѣ имѣетъ Трапезу нищу?

От. Пища въ Землѣ, (*) въ Млекѣ, въ Зернѣ.
Се Столъ Ранній и Вечерній!
Въ томъ чудномъ Домѣ.

В. Музыка тамъ ли Модна и Лестна:
Увеселяетъ Царя Небесна?

От. Пастырскій Сонмъ на Свирѣлкахъ:
Хвалить Его на Сопѣлкахъ:
Препростымъ Хоромъ.

В. Кія же Ризы? Мню Златотканны:
У сего Сына Маріи Панны.

От. Баволна (16), и Ленъ, и Волна.
Симъ Нищета предовольна:
Въ Наготѣ своей.

Лики поютъ совокупно:

О Нището! Блаженна, Святая!

Дверь (17) намъ отверзи, твоего Рая.

Кій Бѣсъ Сердце укралъ наше?

Кій насъ Мракъ ослѣпилъ?

Даже чуждаться Тебе!

О Нището! О Даре Небесный!

Любитъ тебе всякъ Мужъ Святъ и Честный.

(*) т. е. растен.

(16) Баволна, значить, отъ древа рожденная, волна. Это есть слово нѣмецкое. Баумъ-волле. Баумъ, дерево: Волле, волна.

(17) Отверзи на дверь.

Кто съ тобою раздружился:
Тотъ въ Ночи токмо родился.
Нѣсть Сугубый Мужъ.
Миръ сей являетъ, Видъ Благолѣпный.
Но въ немъ таится, Червь неусыпный.
Се Пещера Убога!
Таитъ Блаженнаго Бога:
Въ Блаженномъ Сердцѣ.
Ахъ! Блага Ярость есть паче Смѣха.
Яко въ Лицѣ зломъ, тайна утѣха.
Се бо Нищета святая!
Извнѣ яра: внутрь Златая:
Во Мирной Душѣ.
Горе ти Мире! Смѣхъ внѣ являешь.
Внутрь же Душею, тайно рыдаешь.
Украсился ты Углами.
Но обидся ты Слезами:
Въ нутрѣ День и Ночь.
Зависть, Печаль, Страхъ, несита Жажда,
Ревность, Мятежъ, Скорбь, Тяжба и Вражда:
День и Ночь ты Опаляютъ.
Какъ Сионскій Градъ плѣняютъ:
Душевный твой Домъ.
Возвеселимся! а не смутимся!
Днесъ непрестанне, всѣ Христiane.
Тамъ, Гдѣ Богъ нашъ намъ родися:
И Пеленами повися.
Хвала День и Ночь.

БОРЬБА и ПРЯ о томъ:

Претрудно быть злымъ,
Легко быть благимъ.

* * *

Возлетѣвъ нетопырскими крылами сатана,
изъ преисподнихъ въ горняя: остановился на
предѣлахъ атмосферы. Узрѣвъ же ночнымъ
окомъ, лучезарный оный домъ:

* Премудрость созда себѣ домъ:

И утверди столповъ седмъ:

Адскимъ рыкомъ, аки громомъ, возревѣлъ
такъ:

Къ чему сей домъ сотворень?

На сей трусь бурень: сребровидными, со
златыми междораміемъ, крылами аки орелъ
на ловъ: ниссущаясь Михаилъ, возопилъ: О
враже Божій! Почто ты здѣ? И что тебѣ
здѣ? Древле отрыгнулъ еси предо мною хулу,
на Моисеево тѣло. Нынѣ той же ядъ избле-
ваешь на домъ Божій. Кто, яко Богъ. И что
добро, и толь красно, яко домъ егъ? Да за-
претить тебѣ Господь мой; ему же предстою
днесь!..

САТНА. Не подобаетъ, небесныхъ воинствъ

Архистратигу, быть сварливу: но тиху, кротку и...

Михаилъ. О змій умягчилъ если словеса твоя, паче едея: и та суть стрѣлы: нѣсть твое разумѣти: что благовременный гнѣвъ есть то любовь Божія: а что безвременная милость: есть то твое сердце.

Сат. Се странную пѣснь воспѣлъ еси.

Мих. Странная убо, новая и преславная воспѣвають небесныя силы, во градъ Божиємъ. Сія есть истина.

Сат. Силы же преисподнія что ли поють?

Мих. Силы твоя поють мірское и мерзкое. Просто сказать: грязь рыночную: и обвившую, Іезекілевскій оный опрѣснокъ, мотылу.

Сат. Странное поють силы небесныя!...

Мих. О ругатель! къ чему сей псиій смѣхъ твой? Не таится же предо мною лукавство твое. Нарипая нашу пѣснь странною: тайно клеветешъ небесную славу, и догматы ея.

Сат. Нынѣ убо не обинуяся провѣщаль есивину: чего ради преисподнее жительство, вътысящу кратъ многолюднѣе паче вашего небесаго.

Мих. И лжешъ и темнорѣчишь. Открый, аще можешъ, откровеннѣе, сердца твоего бездну.

Сат. О апокалипта (а)! страшность въ догма-

(а) Апокалипта есть Елпнское нмя; значитъ славенски: откровитель. Симвъ словомъ тайно ругается Михаилу: яко откровителю таянъ Божіихъ. Сатана же любитъ помрачать, дабы никто не видѣлъ безвѣстныхъ и тайныхъ премудрости Божія.

тахъ: стропотность въ пути: трудность въ дѣлѣ: сей есть троеродный источникъ пустыни вашей небесныя.

Мих. Не можно ли хоть мало откровеннѣе?

Сат. Претрудно быть жителемъ небеснымъ. Вяжеть ли еси? Се, вина, опустошившая небеса ваша!

Мих. Откуда сей камень? и кто его положилъ во основаніе?

Сат. Се азъ глаголю! претрудно, и бысть тако.

Мих. Ты ли еси творецъ догмата сего.

Сат. Сей догматъ есть несокрушимый адамантъ.

Мих. Вонми небо! и внуши земле!.. Услышиже и преисподняя! Кая есть большая на Господа Вседержителя, хула и клевета: паче сея? Се удица, всѣхъ уловляющая! Се ключъ всѣмъ врата ада отверзающій! Се соблазнъ, всѣмъ путь на небеса оскорбляющая! О украшенная гробнице, полна мертвыхъ костей и праха!

Прельщаешь старыхъ: младыя и дѣти.

Вяжешь въ прелести, аки птенцы въ сѣти.

Весь міръ дышетъ его духомъ. Се Богомерзкое скопище: сатана, плоть, міръ. Кто дастъ мнѣ мечъ Божій? Да прободу сего Мадганица. И подъявъ Михаилъ молніевидное копіе: поразилъ адамантовымъ вострѣемъ сатану

въ самое сердце его, и поверже его во облакъ вечерній. Онъ же изъ среди облака возревѣлъ: О! о! Апокалипта!

Мих. О нетопырѣ! Горе тебѣ! творящему свѣтъ тьмою: тьму же свѣтомъ. Нарипающему сладкое горькимъ; легкое же бременемъ.

Сат. Нѣсть ли писано: Нужное есть царствіе Божіе?..

Мих. Онѣмѣи псе лживый!

Сат. И не нужницы ли восхищаютъ оное?..

Мих. Лай! Лай! нынѣ, псе, издавеча на солнце. Господи Боже мой. Правда твоя, яко полудень. Кто, яко же Ты. Ты самъ дракону сему, челюсти его, всѣхъ пожирающія, загради, на единъ токмо день твой,—иже есть яко тысяща лѣтъ. Аминь!

На сей шумъ: аки Еродіевы птенцы слетаютъ со гнѣзда, къ матери своей, поправшей змія: онъ же подъ ногами ея вѣтсея, развивается: такъ низлетѣли къ Михаилу Гавриилъ, Рафаилъ, Уриилъ и Варахиилъ. Михаилъ же, аки Боголюбивый Еродій, терзаетъ и попираетъ врага, воздая благодать дому владыкѣ, дозволившему, на семи башняхъ, — надзирающихъ премудрый домъ Его возгнѣздитися птицамъ, по писанію:

Коль возлюбленна селенія Твоя!..

Птица обрѣте себѣ хранину.

Тамо птицы возни́зятся:—

Еродово жилище предводительст. ~~тщи~~

Блажени живущіи въ дому твоємъ...

БЕСѢДА АПТЕЛЬСКАЯ:

О клеветѣ дьявольской.

Небесніи Архивоины (*) возсѣли на радугѣ: Микаилъ же, такъ повелѣ слово: Сердце челоуѣку, есть неограниченная бездна. Она есть то, что воздухъ, плавающія планеты носящій. Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіати: иже и возсія въ сердцахъ нашихъ... тогда эта мрачная бездна бывасть адомъ, сирѣчь тенищицею, и исполняется, аки ноцныхъ птицъ, мрачныхъ мечтъ, и привидѣній. И сіе то написано.

Брань наша противу духовъ, державу имущихъ надъ непросвѣщеннымъ міромъ, и надъ всюю смѣсью беззаконниковъ. Что же далѣе? Началомъ вертоградныхъ плодовъ, суть сѣмена. Сѣменами же злыхъ дѣлъ суть злыя мысли, порождаемая отъ злыхъ духовъ. Сіе же то и написано:

Къ началомъ и ко властемъ....

Къ духовомъ злобы поднебеснымъ.

(*) Архистратиги.

Поднебесные духи злобы, суть первообразы плотскаго, скотскаго, и звѣрскаго сердца: ко- ему очи бодеть острый сей правды Божія мечъ: Сатано! не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческая. Любезная моя братія! Видите: коль по всей вселеннѣй, разсѣялъ сатана сѣмена своя! отъ его рода сѣмень, суть и сіи зловредныя пѣсенки.

Жестокъ и горокъ трудъ:

Быть жителемъ небесъ.

Весель и гладокъ путь:

Жить, какъ живетъ мѣръ весь.

И паки

Святыня страждетъ безъ утѣхъ.

А злость вездѣ свой зреть успѣхъ.

Кто дастъ мнѣ крилѣ?.. и полечу
и почю. Крѣпка яко смерть любовь.—

Крила ся, крила огня....

Кто ны разлучитъ отъ любви Божія?

Согрѣяся сердце мое: и въ поученіи
моемъ разгорится огонь.

Василисковымъ убо ядомъ надхненъ мѣръ:
глухъ, аки аспидъ: и студень аки ледъ со-
творился, къ матерѣ нашей, ко премудрости
Божіей, согрѣвающей насъ въ нѣдрѣ своемъ,
и утѣшающей.

Сыне! Аще поспиши: сладостно поспиши.
Аще пойдеши: безбоязненъ будеши: и радость
будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ.

Сего ради нѣсть дивно, яко всѣ уклонишася вкусѣ. Не сладокъ Богъ, и нѣсть Богъ: есть тожде. Раствлѣна и омерзипася въ самѣхъ началѣхъ и сѣменахъ своихъ: въ самомъ корени сердца своего. Кто можетъ поднять на пути злато, или бысеръ, мнящій быти нѣчтось бесполезное? Кій тстервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть, почитая рогомъ изобилія. Кій агнецъ не устрашитъ матери, творящейся волкомъ, и не прильпнетъ къ волку, представляя его матерью? Не вините міра. Не виненъ сей мертвецъ. Отнять сему плѣннику куражѣ. Избодено око. Прегражденъ путь. Связала вѣчными узами туга сердце его. Кая туга? Когде что любятъ и желаютъ, и желаютъ мысли: тогда и плотяное сердце, внутрь насъ распространяется, раздувается, радуется: во время же огнушенія стѣсняется, жметъ, тужить: аки недужный отвращается отъ пищи: и уста сжимаетъ. Сатана, погасивъ божественный огонь въ мірскомъ сердцѣ, связалъ его тугою туго, дабы оно гнушалось царствіемъ Божиимъ, и не разрѣшилось ко обрѣтенію его, — дабы не воспѣло побѣдныя оныя пѣсни: Сѣть сокрушилася.... Путь заповѣдей твоихъ текохъ: сгда разширилъ еси сердце мое.

Желаеть и скончавается душа моя:

во двory Господни.

Сердце мое и плоть моя возрадовастася

о Бозѣ живѣ. См. псаломъ 83, 1. 2.

И когда пишется: да возвеселится сердце мое.... сіе значить: да укрѣпляется мужествомъ. Отвержесе утѣшится душа моя, это значить: нѣтъ у ней мужества, крѣпости и желанія. Отнять мужество и навесить ужасъ: есть-то: стѣснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилася, но тужила въ благомъ дѣлѣ. Сія есть престрашная обида, плѣнь и убійство: растлить человѣка въ самыхъ мысляхъ, и въ сердцѣ его: аки въ сѣменахъ и въ коренѣ его, какъ написано: Растлѣша и омерзися въ начинаніяхъ своихъ: сирѣчь въ главностяхъ: подобно колесничному, или корабельному, бѣсноватому управителю. Не виненъ убо мертвецъ: виненъ человѣкоубійца. Міръ есть орѣхъ червомъ растлѣнъ: слѣпецъ, безъ очей и вожда: плѣнникъ діаволу: лъвина ограда. Кая ограда? послушаемъ притчи.

ЛЪВИНА

Ограда.

*

Левъ, дремающую дубраву, со дѣбрами ея, ограждаетъ: давъ ей одни врата: гдѣ и самъ близъ обитаетъ въ тайнѣ. Ограждаетъ же, не стѣною и ревомъ: но своимъ слѣдсмъ. Какъ

только гладомъ: такъ возрѣвъ. Звѣри вострепетавъ: ищутъ спасенія: и приткѣ къ спасительнымъ стезямъ: отскакиваютъ всякъ, отъ лишняго слѣда, дынунцаго въ чувства ихъ потеряннымыъ ужасомъ: и преградившаго путь. Убоявшеся убо тамъ, идѣже не бѣ страхъ, ищутъ безопасныя стези потоль, якожь приближатся ко вратамъ, гдѣ мѣсть подлинно слѣда, и нечувствителенъ правдивый ужасъ. Здѣ уловляются. Вотъ врата адава! Здѣ всему міру исходъ, и кончина. Сатана, ловить, яко левъ во оградѣ своей, и яко лвыиъ щенокъ, обитаяй въ тайныхъ, ловить всѣхъ тѣхъ, о коихъ написано:

Убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ.

Въ семъ страшномъ мѣстѣ, умолчалъ Михаилъ. Горніи же военачальники, сидяще на благокругомъ лукѣ облаковъ, отдалися въ размышленія: призирая на кругъ земный, и скорбя, аки раззоряемый Содомъ, или Вавилоу предъ собою видяще. Въ самое сіе задумчивое время: вмѣсто скорби утѣшеніе, вмѣсто же страха, радость послѣдующимъ словомъ нечаянно такъ возблаговѣстилъ.

ГАВРИИЛЪ

Путь Спасительный.

*

Онъ прежде воспѣлъ пѣснь, а за нимъ всѣ
архангелы сію:

Снйде архангелъ въ Назаретъ ко Дѣвѣ,

Приноситъ радость, праматерѣ Евѣ

Радуйся Ево! Радуйся Дѣво

Обрадованна!

Господь съ тобою! Радость Тобою

Всѣмъ будетъ дана...

Потомъ отверзъ цвѣтушая уста, благовѣ-
ствуя день отъ дне, спасеніе Бога нашего:
посланникомъ есмь, не ко единой Дѣвѣ Маріи:
но ко всей вселенній.

Посѣщаю, ублажаю и цѣлую сию пѣлова-
ніемъ: Радуйся благодатная! Господь съ то-
бою! Благословенна ты въ женахъ.

Сія есть истинная Матерь Божія. Рожде-
ное отъ плоти, плоть есть. Рожденное же отъ
Духа, есть Духъ, освятившій сердца и утро-
бы нани. Господи! Сей Духъ есть законъ Твой
посредѣ чрева нашего. Путь, истина, и животъ.
Миръ многъ любящимъ его и нѣсть имъ со-
блазна. Миръ на Израиля! На всѣхъ, елици
призхомъ сию жительствоють:

Миръ на чикъ и милость! Воими небо и

возмлаголю.... Жизнь безопасна есть то путь сладкій, путь Господень. Любезная моя братія! Отвергните отъ Содомлянъ ангельскія очи ваши, и призрите на грядущаго предъ вами, странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами, и спокойно воспѣваетъ:

Пришлецъ азъ есмь на землѣ:

Не скрый отъ мене заповѣдсей твоихъ.

Воспѣвая обращаетъ очи, то на десно, то на лѣво, то на весь горизонтъ. Почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленой. Вкушаетъ пищу, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно, и тѣми же Божиими видѣніями во снѣ и внѣ сна, наслаждается. Востаетъ за утра свѣжъ, и исполненъ надежды воспѣвая Исаевскую пѣснь: взалчуть юнѣйшіи, и утрудятся юношы и избранныи не крѣпцы будутъ.

Терпящии же Господа, обновляютъ крѣпость.

Окрилатѣютъ, яко орлы. Потекутъ

и не утрудятся. Пойдутъ и не взалчутъ.

День его вѣкъ ему: и есть, яко тысяща лѣтъ: и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій: но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ чловѣку? Досталь онъ сей міръ: не яко же міръ доставлять.

обыче. Онъ возлюбилъ путь, и славу Божию: сей есть истинный миръ и животъ вѣчный: а вѣсть его благовѣстіе.

Да слышите земля глаголь устъ моихъ!

Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ: сердце же его, съ нами обращается на небесахъ, и наслаждается. Праведныхъ души въ руцѣ Божіей. У безумныхъ почитаются онѣ погибшими, и заблуждшими, а живутъ въ мирѣ. Хотя тѣлесныя наличности досаждаютъ, но сей уронъ, со излишкомъ награждаетъ; упованіе ихъ безсмертія исполненно: и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходъ поетъ? Какъ не слышать? воскликнули Архангели: онъ поетъ пѣснь сію: На пути свидѣній твоихъ насладиhsя, яко во всякомъ богатствѣ.

Онъ единъ намъ есть, милѣйшій позоръ: мы же его познали. Сей есть другъ нашъ. Потомъ же Гавріилъ простеръ смарагдинныя крыла: и прелетѣвъ, сѣде при боку Рафаилову, обоня въ рукахъ своихъ сладковонный шипокъ, и кринъ селъный. Рафаилъ, смотря на Варсаву, помянулъ духовнаго своего сына, любезнаго путника Товію, сына Товитына. Онъ долгую повѣсть соткалъ: коимъ образомъ поручилъ ему старикъ сына своего? Кія напасти и припадки встрѣчался на пути? Когда онъ боялся воды или рыбы, повѣствовалъ Рафаилъ,

тогда я его научалъ: Сыне мой! Товія, сыне мой! не бойся, вода не потопитъ тебе, но воды блевотинъ змиинныхъ, но потопныя рѣчи совѣтовъ мірскихъ, но волненія плотскихъ устремленій: се есть всемірный оный потопъ, всѣхъ пожирающій. Ей! глаголю тебѣ: сего убойся. И рыба, сыне, не поглотитъ тебе, но чрево и чресла твоя: се есть адъ и китъ, поглощающій всѣхъ: имже Богъ, чрево: и слава въ студѣ ихъ! Ей! глаголю тебѣ: сего убойся: да не удавитъ души твоя сирадъ бѣсовскій и мірскихъ вожделѣній зловоніе. Сожечь утробы, по Мойсееву повелѣнію, и умертвить грѣховныя уды (страсти) есть то же. Сіе все бываетъ вѣрою. Сирѣчь, помышлять себе мертвымъ убо быти грѣху (по плоти), живымъ же по Богу. Сожечь и убить страсти души твоей: разумѣй, отнять отъ нея власть и силу совершить ихъ на дѣлѣ. Тогда останется въ тебѣ единъ еиміамъ Божій, спасительное благоуханіе, муро мира, и помазавшій Духъ Господень, и собудется: Направить ноги маша на путь мирень.

ПУТЬ МИРА .

НАРЕЧЕНЪ ПУСТЬ.

Симъ благовѣстіемъ ражженъ: продолжалъ Рафаилъ: пошелъ мой Товія на десно, во путь мира, коимъ нынѣ шествуетъ нашъ Вар-сава. Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Иліа, Аввакумъ и Филиппъ восхищенъ не обрѣтошася въ мірѣ. Симъ путемъ восшелъ на гору Авраамъ вознести на жертву Исаака, и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ восшелъ на гору Моисей, и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ восшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ. Симъ путемъ восходить въ Горняя Маріамъ и цѣлуетъ Елисавету: и ублажается. Симъ путемъ шелъ Христосъ во пустыню побѣдить сатану. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую Апостолы, и видятъ свѣтъ воскресенія. Сей есть путь субботный, разумѣй: мирный. Симъ путемъ шествовали Лука и Клеопа, когда сошелся съ ними третій блаженный оный собесѣдникъ. преломившій имъ хлѣбъ небесный, и открывшій имъ очи: видѣти невидимое его благоуханіе.

На послѣдокъ симъ путемъ ѣхалъ въ колесницѣ

евнухъ царицы Кандакіи, и познался съ Филиппомъ. Филиппъ открылъ ему благоуханіе Христо-во, и новымъ благовѣстіемъ, аки чуднымъ омиа-момъ, накадилъ ему сердце, омылъ его нетлѣн-ною отъ стихійныя воды водою, и отпустилъ его въ домъ свой. Онъ же отыде въ путь свой радуясь. Сей путь есть радостенъ: но пусть; пусть, но радостенъ, и въ него, нѣсть спасенія. Пусть же, яко людямъ избраннымъ точію отверсть. Міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь суетнымъ. Сія есть клевета. Мнитъ же паки его быти горнимъ, сирѣчь горскимъ. И сіе клевета. Гора значить превосходство, не трудъ, и горестъ. Горе глаголющимъ сладкое горькое, и вопреки. Путь Господень есть судъ: разсудиши злое: избрати благое. Любезный путь! Не зайдетъ солнце тебѣ, и луна не оскудѣетъ тебѣ. Есть Господь тебѣ свѣтъ твой, и исчезли дни рыданія твоего. Сія возгласивъ Рафаилъ умолкнулъ. Уріилъ же воззвалъ: раскройте вдаль взоръ вашъ, и увидите нѣсколько путниковъ: предварившихъ Вар-саву. Но Рафаилъ началъ понуждать: любезная братія! Призрите хоть мало на путь шуій: и на козлища: на несчастныхъ путниковъ его... Ахъ! отвращасъ насъ, друже, воззвали архангелы, отъ прекраснаго позорища, къ страшному. Обращаяся же воспѣли пѣснь такую:

* О міре! міре! міре украшений!
Весь притворный, весь гробе повапленный!
Прельщашь старыхъ, младыхъ и дѣти.
Въ прелести вяжешъ, аки птенцы въ сѣти.
Свѣтъ кажется украшенный.
Но онъ, какъ гробъ повапленный.
Внутрь же его выну, зрю мерзость едину.

ПУТЬ ШУИЙ.

НАРЕЧЕНЪ ВЕНТЕРЬ.

*

Сей путь, сказалъ Рафаилъ, нарицается вен-теръ. Есть же вентеръ, сѣтъ рыболовна, а со-творенна по образу чрева; широка во входѣ, тѣсна же во исходѣ. Сей путь, уклоняясь отъ Востока, сокрываетъ конецъ свой не во свѣт-лой южной странѣ, но во мракѣ полунощ-номъ. Вотъ путь, говорилъ Товіинъ вождь. Вотъ и несчастный его путникъ грядетъ пе-редъ вами! Судите его! Небесныя силы, при-зирая на путника съ скорбію и милосердствую о немъ, возгласили: О бѣдный страдалецъ! Сей есть сребролюбецъ. Боже мой! Весь обремененъ мѣшками, сумами, кошельми, кошельками. Едва движется: будто навьюченный вельблюдъ. Каждый ступень, ему мѣкою. Горе вамъ бо-гатыи! яко отстояте утѣшенія вашего. Но

онъ сего не чувствуетъ, продолжалъ Рафаилъ:
но-паче еще блажить себе: и почитаетъ путь
свой благословеннымъ во вѣки. Онъ благоду-
шествуетъ: шествуетъ и поетъ. Возможно ли,
вскричали духи? Пожалуйте, просиль Рафаиль,
внемлите пѣснѣ его.

БОГАЧЪ

Путешествуя поетъ пѣснь.

*

Пусть я во свѣтѣ скверенъ! только бы былъ
богатъ.

Днесь не въ люду совѣсть: но злато идетъ
въ ладъ.

Какъ нажилъ? не спросятъ: только бѣ былъ
грошъ.

Сколь богатъ: столь всѣмъ братъ: честенъ
и пригожъ.

Что у насъ безчестно въ мѣрѣ?

Кошель пустой. Нищимъ ли жить? Лучше
пущуся въ смертной гной.

Ангельскія силы ужаснулись, видяще, что
сатана, толь хитро умѣлъ растлить бѣснова-
тую сію душу, обожающую мертвое, и упо-
вающую на кумира. О сатана! воззвали они
соболезнуя: о сатана. Онъ имъ вмѣсто сло-
ва: Горе вамъ богатые.... Блажены нищіи...

Положилъ на сердцѣ во основаніе сей смирды: блаженіи богатыи. Такова душа есть аспидъ, отнюдь не слышащій призывающія милости. Прійдите ко мнѣ вси труждающіися, и обремененныи: и азъ упокою вы.... Боже мой! возгласилъ Уриилъ: сей безпокойный путь, толпами людей: какъ торгами, весь засоренъ. Слышь, Рафаилъ! Кая есть ближайшая сія толпа? Трусъ колесницъ, отвѣщаль онъ, шумъ бичей, конскій топоть, и свистъ обличаетъ, что сія громада, есть полкъ честолюбцевъ. Сію же предварившая толпа есть торжество сластолюбцевъ. Сіе обличается пищаніемъ и ржаніемъ мусикійскихъ органовъ, восклицаніемъ торжествующихъ, и козлогласованіемъ, поваренными запахами, гаромъ и куреніемъ. Протчее въ далнихъ оныхъ стеченіяхъ: тамъ тяжбы, брани, татьбы, грабительства, лести, купли, продажи, лихоимства... Братіе, призрите къ правой сторонѣ. Вотъ они! Нѣсколько путниковъ: ускользнувши отъ шуіаго пути, пробираются черезъ сторонняя мѣста къ пути мирному. Какое странное сіе вижу позорище? возопилъ, какъ молнія, нечаянно Варахилъ. Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. По лицу они святаы: по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, не примирительны, радующіеся зломъ сосѣдскимъ, полагаю-

щии въ прибыляхъ благочестіе. Домашніи звѣри и внутренніи зміи: лютейшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Между деснымъ и шуіимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода. Обоиъ враги. Хромы на обѣ ноги. Ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія: десный же отвергаетъ, яко силы его отвергнушихся. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ просить тлѣнностей.

О смердящія гробы со своею молитвою возопилъ Варахилъ. Нѣтъ сего лицемѣрія злѣе во всемъ адѣ. Оно опустошеніе царствамъ, церкви поколебаніе, — избранныхъ божіихъ прельщеніе. Отвратимъ очи наши отъ богомерскихъ сихъ ропотниковъ: льстецовъ и лицемѣровъ. Не слышите ли, что шумъ, трескъ, ревъ, вопль, вой, свистъ, дымъ, жупель и смрадъ содомскій, восходитъ отъ сего пути? Архангелы обратили свѣтлыя лица своя отъ сѣвера къ ясному югу: и воспѣли пѣснь сію:

АНГЕЛЬСКАЯ ПѢСНЬ,

ВЪ СИЛУ СЕГО:

Бездна бездну призываетъ.

Нельзя бездны Океана, горстью персти забросать.

Нельзя огненного стана скуднѣй каплѣ про-
хлаждать.

Возможесть ли въ темной ясинѣ гулять
орелъ.

Какъ на небесный край вылетѣвъ онъ от-
сель.

Бездна духъ есть въ челоуѣкѣ, — водѣ всѣхъ
ширшій и небесъ.

Не насытишься тѣмъ во вѣки, чѣмъ плѣняетъ
мїръ сей весь.

Отсюду то скука, внутрь скрежетъ: тоска,
печаль.

Отсюду несытость, что съ капли жаръ гор-
шій всталъ.

О роде плотскій! невѣдущій, доколѣ ты
тяжкосердъ?

Возведи седечны вѣжды! взглянь выспръ на
небесну твердь.

Чему ты не ищешь знать, что то зовется
Богъ?

Чему не толчешь, чтобъ увидѣть ты Его могъ?

КЛЕВЕТА.

Елински, диаволь.

Римски, Traductio.

Воспѣвше же, спросили: что есть клевета?
Изреки намъ, молніе Божія, Варахіиле... Онъ

же отвѣщаль тако: клевета есть творить сладкое горькимъ, и вопреки. Она есть тожде, что татьба. Татьба крадетъ вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человѣку и путь.

Діаволь, укравъ у человѣка добрую мысль, перекидаеть будто сътъ, и пренону черезъ добрый путь: а симъ самымъ сводить и переводить его на путь золь. Вотъ почему Едлински Діавольсь, сирѣчь, переметчикъ; римски же Traductor, сирѣчь, сводникъ, или переводникъ, дано имя клеветнику! Славянски же, клеветать значить то же, колотить, мѣшать горькое со сладкимъ и вопреки: сіе бываеть тогда, когда на мѣсто сладкаго, поставляется горькое, и вопреки: Сей есть единъ источникъ всѣхъ адскихъ мукъ.

КОЗНЬ.

Ты же, о свѣте Божій, Уріиле! Изъясни намъ: что значить то кознь? Отвѣщаль Уріилъ: Кознь есть образъ клеветы, но коему она растеть и сѣтеть. Она есть то же, что машина. Машина хитрствуеть въ вещахъ: а діавольска кознь въ мысляхъ: птицеловъ и рыболовъ ловить сѣтьми, а онъ кознями. Кознь есть ловная машина, напрімѣръ, ковь, пруголо, капканъ, западня, сѣть, вентеръ, верша, елинъ:

строфа: сирѣчь увертка, вертушка, и протчая. У Архитектоновъ и нынѣ нѣкая машина именуется сарег, сирѣчь козелъ. Нынѣ ясно видно, что хитрость въ татьбѣ, а кознь въ клеветѣ, есть тожде. О, коль прелестная удица! Ею точно взбѣсившиися человѣча воля, ужасается преподобія, стремится за нелѣпостями, аки елень устрѣленъ въ ятра, не видя, яко въ погибель свою течеть. Ся то души усаждаются пѣсепками сими:

Въ молоды лѣта, не зажить свѣта?

Чтожь за корысть свѣтъ молодому?

И паки.

Въ старомъ вѣкѣ нѣсть покою.

Только болѣзнь со бѣдою.

Тогда щастья хотъ быи было:

Но въ старости не такъ мило.

Кое же то мнѣ щастіе: если оно мнѣ измѣняетъ во время старости; если нѣсть вѣрный или вѣчный другъ оный?

Слыши Израилью! Господь Богъ твой посредѣ тебе.

Се видна зла удица, бѣсноватыми душами пожираема! Какъ волкъ овцы на пажитѣ и при водопоѣ похищаетъ: а тайный ласкатель, въ самомъ чертогѣ, и при трапезѣ, аки червь орѣхи, внутри ихъ обрѣтаясь, растливаетъ: такъ діаволь, на самыхъ значныхъ мѣстахъ, во едемѣ священныя библии людей хитро улов-

лясть: какъ змій, въ матернее для чадъ млеко примѣшиваетъ ядъ свой, такъ онъ вкусъ и духъ свой, въ благоуханныя плоды, Божіею рая.

Нужное есть царствіе Божіе: и нуждницы восхищаютъ оною. Діаволь въ немъ осквернилъ Христово благоуханіе; вложилъ въ него свой душеубійственный вкусъ, онъ прековалъ нужное на трудное. Христосъ говоритъ: нужное есть царствіе Божіе. Діаволь говоритъ: трудное есть царствіе Божіе. О, коварный! тѣмъ же мостомъ грядетъ — а въ разный городъ. Тѣмъ же звономъ постъ: да чего то какъ нѣтъ. Ангельскій тонъ: адская думка. Гласъ Іаковль: сердце Исавля. Лобзаетъ какъ другъ: продаетъ какъ Іуда. Вонми небо! и возглаголю. Се клевета на Господа Вседержителя! Нуждность со трудностью, такъ не вмѣщается: какъ свѣтъ со тьмою. Нужно солнце: трудно же ли? Нуженъ огонь: а труденъ ли? Нужна земля и вода: и кто безъ нея? Видите нуждность? Гдѣ же при бокѣ ея трудность? Ахъ! исчезла: нѣтъ ей мѣста въ чертогахъ непорочныя нуждности. Домъ ея есть домъ мира, домъ любви и сладости. Покажите же мнѣ: гдѣ водворяется трудность? Во адѣ ли? Вѣрую Господи.

Тамъ то обитаетъ трудъ и болѣзнь, печаль и въздыханіе. Но тамъ ли нуждность? Ахъ, не бывала она тамъ. Ея присутствіемъ адъ во

мгновеніе преобразается въ рай. Во адѣ все дѣлается то, что не нужно: что лишнее: что не надобное, неприличное, противное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, непригожее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзское, проклятое, мірское, плотское, тлѣнное, вѣтренное, дорогое, рѣдкое, модное, заботное, разорительное, погибельное, адское... и протчій неусыпающій червь. Сія бѣсноватая и буйная дѣва трудность, именуется еллински 'А'та: сирѣчь, пагуба, сврейски же ада: Ламехова жена, сирѣчь, заботная, противная женѣ, именуемой Селега: Мирна.

Коль же разнится чистая наша дѣва, святая нужность; она нѣсть 'А'та, но Літа: нѣсть Ада, но Селега. Нѣсть Фурія, но Анна, но Харія, но Гратія: разумѣй: возлюбленная, милостивая, даровита. Съ небесныхъ круговъ, и отъ горнихъ предѣловъ возлюбленная сея царицы, исчезла всякая горестъ со трудомъ, а печаль со въздыханіемъ. Отгуду сатана со всѣми своими тьмами низвержень во адѣ. Кая сила низвергла? Та, что тамъ жизнь не зависитъ отъ заботныхъ суетъ, и суетныхъ заботъ. Тамъ живетъ едино точію нужное оное: едино есть на потребу. Оно есть и угодное, и легкое, и благолѣпное, и преподобное, и веселое, и благолѣпное; безъ сребра и безъ горестей стяжаемое, какъ написано:

Туне пріясте, туне дадите.

Внуши Земле! Услыши роде чловѣчъ! На-
паши на ногтѣ адамантовомъ; на вѣчныхъ
сердца своего скрыжалѣхъ Господню славу сію:
Благословенъ еси!

Творяй

Пужное не труднымъ: трудное не нужнымъ.
Какъ только Урілѣ отрыгнулъ господству-
ющую сію славу вышняго: поднялся отъ пре-
исподнихъ хульный шумъ: рыкъ вой, свистъ,
стонъ... каковъ бываетъ отъ дубравныхъ звѣ-
рей: отъ ношныхъ птицъ: во время земле-
трясенія. Замяся, свиваясь и развиваясь въ
безчисленныя свертки адскій змій: пронзень
изошренною сильнаго стрѣлою: и варомъ па-
лящихъ угліи осыпанъ: по оному. Иже отъ ус-
темъ произноситъ премудрость: жезломъ бьетъ
мужа безсердечна. На крылахъ Уріиловыхъ
видѣнъ былъ видъ многоцѣннаго сапфира, пре-
восходящій голубый сводъ благовиднаго неба.
Сей божественный умъ, пустившій изъ устъ
своихъ мечъ обоюду остръ, поразилъ сатану.
Варахилъ же пронзилъ дракона (въ самое око
его): око ругающееся отцу, и десаждающее
матери своей, да избудутъ оное вранове отъ
добрія: прежде же всѣхъ умертвилъ копіемъ
Архангелъ Михайлѣ, любодѣйственное сердце
цражіе. Отъ того часа царство его и козни
разорены.

АДСКОЕ ЦАРСТВО.

На чемъ основано?

Простеръ же Рафаиль іасписо-шарныя крила своя, со Гавріиломъ и прелетѣвъ, сѣде при боку Варахіилову. Потомъ весело видно изрече. Возрадовася духъ мой, яко Уріилъ, аки Финеесъ, ты же, аки Сасаръ, въ самое око его, пробилъ врагу главу его. Видъ же Варахіиловыхъ крилъ, аки видъ углей разженныхъ отъ онаго углія: Стрѣлы сильнаго изощренны, со углями поядающими. Разжено слово твое зѣло: и рабъ твой возлюби е.

Тогда сей пламенѣющій орелъ, служитель вышнему, божественный Варахіиль возгласилъ: сія есть побѣда, побѣдившая міръ, плоть и діавола: любовь наша! крѣпка, яко смерть любовь: жестока яко адъ, ревность Божія. Крила ея, крила огненныя. Угліе огненное воспаменяетъ ее. О уголь! О возлюбленный нашъ анераксъ оный! Злато земли оныя доброе: и тамо анераксъ. Сей дражайшій анераксъ, насъ серафимовъ воспаменяетъ: творятъ ангелы своя духами, и слуги своя пламенемъ огненнымъ. Нынѣ желаніе наше исполнилось. Нынѣ услышана тричастная оная молитва сираховская:

Господи, отче и Боже живота моего!

Да не пожретъ мя бездна мірская:

Да не поглотитъ мя пропасть чрева:

И да не свяжеть мя студодѣйство ищуща
сладоу въ мертвомъ благѣ.

На сей тричастности стоить все адское цар-
ство. Нынѣ мудрость одолѣла злобѣ. И всѣ
воспѣли такъ:

О Сыне рожденный отъ Дѣвы!

Тричастную злобу души,

Потопи, молюся.

Да якоже во тимпанѣ:

Во умерщвленномъ тѣлеси:

Воспою побѣдную пѣснь.

ПЛАЧУЩАЯ

Неплоды.

Во оно время слышанъ бысть жалостный
гласъ на небеси. Вдова, бродящая по землѣ,
оболченна въ темныя ризы, и имущая родити
сына, ищетъ мѣста, но не обрѣтаетъ, гонима
зміемъ, пожрети плодъ чрева ея хотящимъ и
во слѣдъ ея изблевающимъ потопъ блевотинъ;
сего ради скитається рыдающая и вопіющая
пѣснь сію.

Кто дастъ мнѣ крилѣ нынѣ? кто дастъ посре-
бренны?

Кто дастъ мнѣ расла нынѣ? кто дастъ воспе-
ренны?

Да лещу сквозѣ, присно о Бозѣ:

Отъ земна края даже до края, и почію.

-Се схидагъ лютей бѣжитъ! се мя достизаетъ!

Се челюсть адску на мя лютѣ разверзаетъ!

Поглотить хоцетъ, ядомъ клокоцетъ.

Василискъ дивый, Аспидъ пытливый.

Ахъ, увы мнѣ!

Водъ горнихъ хляби, студно изблсваетъ чернѣй.

Се мракъ! Се облакъ покры'мя нынѣ вечерній!

Увы, мнѣ нынѣ! увы единѣй!

Гонитъ всѣмъ адомъ мене со чадомъ.

Нѣсть мнѣ мира.

Увы мнѣ! горе! увы! Что имамъ творити?

Кого на помощь дерзаю бѣдна молити?

Увы мнѣ нынѣ. Увы единѣй!

Гонитъ всѣмъ адомъ мене со чадомъ.

Нѣсть мнѣ мира.

Боже! ты призри на мя, съ высоты святыя.

И приклонися странной, на слезы ми сія.

Дажь крѣпость силъ, бы не сдолѣли:

Твоей рабынѣ, уста змиины

Ахъ, о Боже!

Кто дастъ мнѣ крила пнягѣ? Кто дастъ голу-
бины

Да выспры парю отъ сея адскія глубины...

Архангелы возлюбили прекрасную сію не-
вѣсту Божию, скитающуюся по земли, и не
имущую, гдѣ главы преклонити, милосердствуя
о ней. Михаилъ же, раженъ ревностію, раз-
ширилъ посребренныя крила своя, и устремив-
ся, аки ко страждущему своему птенцу орелъ,
восхитилъ жену, и посадилъ ее на радугѣ.
Тогда пѣломудренная сія Сусанна, не обрѣ-
тется между смертными на землѣ, да не злоба
измѣнитъ разумъ ся, или лесть прельститъ ду-
шу ея. Не праздная мати возсѣла со сыномъ
своимъ, на благокругломъ лукѣ облаковъ. Зѣ-
ло прекрасна сіяніемъ своимъ: досадители же
ея остались посрамлены.

Премудрость, и наказаніе уничтожаяя есть
окаяненъ: и праздно упоеніе ихъ и труды без-
плодны: и неключима дѣла ихъ. Жены ихъ
безумны и лукава чада ихъ: проклято рожде-
ніе ихъ. Яко блаженна есть, неплоды неосквер-
ненная!

Тогда изъ облака возгремѣлъ Михаилъ, къ
живущимъ на землѣ, симъ гласомъ:

Не испытавше, ни истины разумѣвше, осу-
дите дщерь израилеву? о, обветшалые злыми
дѣями вашими! Почто судите суды несправедны?
и не слышите глаголюща Бога:

Неповинна и праведна не убивай. Имъ ѣй уши
слышати да слышпть! Послѣ сего грома, слы-
шанна бысть издалеча, въ горнемъ воинствѣ
ангельскомъ, пѣснь воспѣваема сія:

ПѢСНЬ:

Въ конецъ сего:

Испусти змій за женою изъ усть своихъ
воду, яко рѣку: да ю въ рѣцѣхъ потопить.

Вонми небо, и земля нынѣ ужаснися!
Море безднами своими согласно двигнися.

И ты быстротекущій возвратися Іордане!
Прійди скоро крестити Христа Іоанне!

Краснозрачная гѣса, стези отворите!
Предотечу Іоанна ко Христу пустите.
Земныя же языцы купно съ нами всѣ ликуйте.
Ангельскіи лица вси, въ небѣ торжествуйте.
Снїде Спасъ, во Іорданъ, ста въ его глубинѣ.
Се снїде намъ и Духъ святъ въ видѣ голубинѣ.
Сей есть Сынъ мой возлюбленный, отецъ изъ
облакъ вѣщаше.

Сей Мессія обновитъ естество все ваше.

Освяти струи и намъ, змію сотри главу.
Духа твоего, Христе, росу даждь и славу.
Да не потопить насъ змій, и мы вси отъ зе-
мна края,
Да почити потечемъ до твоего рая.

ОБНОВЛЕНІЕ.

Семь главъ суть змію древнему — сатанѣ: едина же глава, аки заходящее солнце, мглою мраченное. Вскорѣ потомъ лице земли покрылъ мракъ вечерній. Тогда явился ангельское воинство, аки звѣзды небесныя, молися тако:

Господи Боже нашъ! правда твоя во свѣтѣ твоемъ. Свѣтъ же во правдѣ твоей. Се врата адова одолѣвають людямъ твоимъ. Возстани Господи! Возстани славо наша! Возстани рано!... коснися горамъ твоимъ, и воздымаются. Блесни молнію: и разжени супостаты, да во свѣтѣ твоемъ узримъ новый свѣтъ. И обнови лице земли. Ты вчера и днесъ: той же во вѣки. Абіе проникнуло, радостное утро. Возсіяло солнушко, озарило небеса, проповѣдающія славу Божию; обновилося лице земли, и явился лучезарный свѣтъ.

Покайтесь и вы! яко да прїдутъ времена прохладна отъ лица Господня. Прїдетъ же день Господень, аки тать въ нощи: въ онъ же несеса убо съ шумомъ мимо пойдуть... Но-ваго же небесе и новыя земли часмъ: въ нихъ же правда живеть. Дѣти! послѣдняя година есть и мїръ преходить и похоть его. Творяй же волю Божію пребываетъ во вѣки. Не взачуть ктому ниже вжаждуть, неимать же пасти на нихъ солнце: ниже всякъ зной. Яко агнецъ, ихъ посредѣ престола: упасеть ихъ. И наставитъ ихъ, на жпвотныя источники водъ.

И отыиметь Богъ всяку слезу, отъ очію ихъ... А какъ только преїдетъ ветхій мїръ: возсіяетъ купно и новое время и лѣто: тогда во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ: всякій трудъ, и болѣзнь, и всѣ злыхъ духовъ легионы: вихремъ возмьются отъ лица земли.

Приницающе въ тайну сію, воспѣвающе воспѣли Архангелы, и все ангельское воинство во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣснехъ духовныхъ побѣдную: •

ПѢСНЬ:

Пой, и воспой! Коль благъ Богъ твой!
Скоръ рукою за тобою,
Въ день брани твоя стати:
Враги твоя супостаты,
    Погоняй, поборайи.
День и вечеръ пой, ночь и утро пой.
    Коль десница прославися!
    Коль Мессія возвысися!
Во побѣдѣ дивныхъ, на хребтѣ против-
  ныхъ.

АНТИФОНЪ.

Я, Боже, тебѣ пѣснь нову:
Пѣснь Мойсейску, пѣснь Христову:
Воспою въ духовной лирѣ.
Въ десятиструнной псалтырѣ.
Всякъ царь въ бою цѣль Тобою.
Цѣль твой и Давидъ, мечемъ не убить.
    Ты изволилъ мя изъяти.
    Злопленнымъ не далъ яти.

Изъ устъ ихъ, немъ смерти готовъ я по-
жрети.

И зла ихъ доснища, правды не держится.
Вспомни Господи! О, Боже всеслышый!
Еще нашъ пріялъ еси, вошь и злая
умилый.

Еще насъ не судиши въ конецъ отринути.
Побѣдохомъ! Падеси супостатъ нашъ лю-
тый.

И антихристъ пріялъ казнь, домашній
врагъ велій.

Ко намъ же возвратився, грядеть миръ
веселый.

Онъ безбѣдно здравіе ведетъ за собою.
Нынѣ и день лучшею красенъ добротою.
И солнце сильнѣйшія лучи испущаетъ.
И лице краснѣйшее, цвѣтъ молніи являетъ.

Зима преjde. Солнце ясно:

Міру откры, лице красно.

Изъ подземной кѣти, явшася цвѣты.

Мразомъ преjde побіенны.

Уже всѣ райскія птицы

Испущены изъ темницы:

И всюду летаютъ, сладко воспѣвають.

Веселія исполнены.

Зеленыя поля въ травы

Шумящія въ листь дубравы

Встають одѣваясь, смотря возсмѣваясь.

Ахъ, коль сладко тамъ взирати!

Отднесь, открылися въ жаждущихъ поляхъ
и пустыняхъ живыя воды источники. Явили-
ся грады, и жилища оная: Коль красны дома
твои, Іакове! Стрopotныи горы отворили сте-
зи свои: одѣваясь цвѣтами оными.

БЕСѢДА,

НАРЕЧЕННАЯ

ДВОЕ.

О томъ что,

БЛАЖЕННЫМЪ БЫТЬ ЛЕГКО.

ПЕРСОНЫ: (*)

МИХАИЛЪ, ДАНИИЛЪ, ИЗРАИЛЪ, ФАРРА, НЕЕМАНЪ.

ФАРРА. О Нееманъ! Нееманъ! Утѣшь мене,
другъ мой!...

Неем. Кто тебе перепугалъ, брате Фарра?
Дерзай! Миръ тебѣ! Не бойся!

Конечно ты сидѣлъ въ сонмищѣ *онихъ*:

Гробъ отверсть, гортань ихъ...

Фар. Тѣ-то сирены наполнили мой слухъ и
сердце жалостнымъ и смущеннымъ пѣніемъ.

Мих. Для чего жъ ты себѣ ушей не заку-
порилъ воскомъ такъ, какъ древній Уликсъ?

Фар. Тайна сія неизвѣстна. А знаю, что они
напѣли много чудесъ: обезкуражившихъ сердце
мое. Не чудо ли сіе? Есть де въ Европѣ нѣ-

(*) Правописаніе и строчные звуки сохранены въ томъ
видѣ, какъ были у автора.

кій пророкъ, святыи Іеремій. Онъ нашель отъ травъ сокъ: обновляющій ему и друзямъ его младость, яко Орлюю юность. Выслушайте второе чудо! Нѣкій докторъ медицины, питался хлѣбомъ точію, и водою: и жилъ, безъ всякихъ болѣзней, лѣтъ 300. На вотъ и третіе: нѣкій Калмыкъ, имѣеть столь быстрыя очи, что яснѣе и далѣе видитъ, нежели кая либо зрительна трубка. Вотъ чѣмъ мене плѣнили, сладкогласны Сирены! А мои очи, день отъ дня слабѣютъ. Не чаю прожить ни 20 лѣтъ. Кто же мнѣ, и кая страна обновитъ юность? Вѣкъ мой скончается...

Мих. О Өарра! Не тужи, другъ мой. Мы замажемъ уши твои воскомъ, медомъ и сотомъ: вѣчностью. Съ нами Богъ: разумѣйте, о невѣжи! И совѣтъ вашъ, и слово разорится: яко съ нами Богъ! Услышите! Господа силъ, Того освятите. Той будетъ тебѣ во освященіе: аще будещи уповая на него? А иначе вся ваша брѣвность—о языцы осязающіе, языцы невѣрующіе! —будеть вамъ камень претыканія, и знамень паденія, и падежъ сокрушенія! «И сокрушатся и приблизатся, и яты будутъ челоуцы, въ твердынѣ своей суще!» О другъ мой, Израилю! Блаженны есмы: яко Богу угодная, намъ разумна суть.

Изр. Взглянь на мене Өарра. Почто ты плѣнился лестнымъ, твоихъ Сиреновъ плѣниемъ?

Вотъ влекутъ тебе, на камень претѣканія и паденія. Почто забывъ Господа, святѣшь тое, что нѣсть святое?

Той будетъ тебѣ во освященіе.

Аще будеши уповая на Него.

Друзіе Іереміинны, состарѣють пакы: безболѣзніе докторово прервется: а очи Калмыковы потемнѣють «терпящія же Господа» обновлять крѣпость: окрылатѣють, аки орлы; потекутъ, и не утрудятся; пойдутъ, и не взалчутъ.»

Дан. Слушай Фара! Разумѣешь ли: что значить освятить?

Фар. Ей ей не разумѣю! Научи мене.

Дан. Освятить, значить основать, и утвердить. Святое же, значить незыблемое, неподвижное.

Когда Ісаіа вошлетъ:

«Господа силь, Того освятите», тогда значить, что онъ Единъ есть святъ: сирѣчь, камень твердъ: чтобъ безопасно основать намъ нашего щастія храмину; а не дерзали бы мы святить ни одной твари: яко соръ и песокъ,

«Всяка плоть, сѣно. Глаголь же Божій, сирѣчь Основаніе, Сила и Духъ: пребываетъ во вѣки.» Адамантъ самъ собою твердъ есть: а мы только почитая его таковымъ: дѣлаемъ твердымъ. И сіе то есть: «Будетъ тебѣ во освященіе: аще будеши уповая на Него.» Сирѣчь: Освятить тебе, и утвердить щастія твоей до-

микъ вѣчно, и не подвижно: Если минувъ дрянъ: весь песокъ и сѣно почтешъ Единаго Его святымъ и твердымъ.

Одр. Ай! другъ мой, Данилъ! Не худо ты судилъ!

Дан. Плюнь же, голубчикъ мой, на Еремѣеву юность: на докторово триста-лѣтіе: и на калмыцкіе глаза. Истинная дружба: правдивое щастіе и прямая юность, никогда не обветшаетъ. Ахъ! все то не наше, что насъ оставляетъ. Пускай будетъ при насъ: поколь оставитъ насъ. Но да знаемъ: что все сіе, невѣрный намъ другъ. Одинъ умираетъ въ 30: а другой въ 300 лѣтъ. Если умирать, есть нещастіе: такъ оба бѣдны. Не велика въ томъ отрада тюремнику: что иныхъ въ три часа: а его въ 30-й день выташатъ на эшафотъ. Кое же то мнѣ и здравіе: косму концемъ слабость? Кая то мнѣ младость: раждающая мнѣ старость? Ахъ! не называй сладостью: если раждаетъ горестъ. Не дѣлай долгою ничего: что прекращается. Не именууй щастіемъ ничего: что опровергается. Отъ плодовъ, и отъ конца его, суди всякое дѣло. Не люблю жизни, печатлѣнья смертью: и сама она есть смерть. Конецъ дѣламъ будь Судія!

Не то Орель: что лѣтаетъ;
Но то: что легко сѣдаетъ.
Не то око: что яснаѣтъ;
Но то: что не отениѣтъ.

Прямое Око! какъ написано о другѣ Божиємъ:

«Не отемнѣста очи Его:

Ни истлѣста устнѣ Его.»

Өлр. О Несманъ! Несманъ! утѣшь мене, другъ мой.

Не. О любезная душа! Околдунилъ тебе гласъ сладкій Сиренскій: гласъ влекущій лодку твою на камни. Ей! о сихъ-то камняхъ гласъ сей Исаи:

«Приближаются, и сокрушатся и падутъ.»

Наполнятся домове шума: и почюють ту Сирины. Но не бойся! Господь избавить тебе. Положить тебѣ во основаніе, камень многоцѣненъ, краеуголенъ.

«Тогда спасешия: и уразумеши, гдѣ еси былъ.»

Өлр. Недивись сему, что я околдуненъ; а скажи мнѣ гдѣ не слышится гласъ, пустынныхъ сихъ птицъ?

Сиронъ лестныхъ Окіана!

Гласомъ его обаянна,

Бѣдная душа на пути

Всегда желаетъ уснути:

Не доплывши берега.

Се исполнилось на мнѣ, что я мальчикомъ пѣвалъ.

Не. А я тебѣ взаимно, отъ той же пѣсни, воспую:

Распространи бодръ вѣтрила;

И ума твоего крила;

Пловуши на бурномъ морѣ,

Возвели очеса горѣ:

Да потечеть путь правъ.

Өар. Протолкуй мнѣ, Нееманъ: что значить Сиринъ? Я слышалъ, что Сиринъ значить пустынную птицу.

Не. Когда не разумѣешь, что есть Сиринъ? ниже уразумѣешь, что ли есть пустынная птица? Иное разумѣть имя: и иное дѣло: разумѣть то, что именемъ означается. Разумѣешь имя сіе, или скажу: званъ Сей: Христось; но дай Богъ, чтобъ ты зналъ, что Сіе Имя значить?

Өар. Такъ протолкуй же мнѣ, не имя; но дѣло.

Не. Сиринъ есть сладкорѣчивый дуракъ: влекущій тебе къ тому: чтобъ ты основалъ щастіе твое на камни томъ, который не удерживаетъ, но разбиваетъ.

Өар. Ражжуй, какъ можно простѣе и вкуснѣе.

Не. Сколько у васъ славныхъ и почтенныхъ Любомудрцевъ? Всѣ сіи суть Сирини. Они-то соблазняютъ въ жизни сей пловущихъ стариковъ и молодцовъ. Взглянь сердечнымъ окомъ, на житейское Море. Взглянь на претыканіе, и паденіе пловущихъ и на вопль ихъ. Одинъ возгнѣздиться хотѣлъ на капиталъ: какъ Ноева голубица на холмъ: и подъ старость сокрушился. Другой, на плотоугодіи, думалъ

создать домъ свой, и въ кончину лѣтъ постыдился. Иной, основался на камнѣ Милости Исполинскія: и былъ ему претыканіемъ. Ты думаешь; но и ревнешь съѣсть на камень плотскія юности, плотскаго безболѣзнія, и плотскихъ очей твоихъ; и се ожидаеть тебе претыканіе, паденіе и сокрушеніе!

Фар. Брось людскія бѣшенства: а скажи, только, что значитъ пребываніе Сириновъ на морѣ? Зачѣмъ на водѣ?

Не. Зачѣмъ, что въ суетѣ. Не хотятъ они въ гавань, и въ лоно Аврааміе: на матерую и твердую землю, со Израилемъ: но съ Фараономъ.

Вотъ вамъ благолѣпная фигура, и Преподобный Образъ Надежды и обманчивости! Гаванью, или Лономъ, образуется Упованіе: а моремъ и водою, лживость всякія плоти. Во Евангеліи, камень, и песокъ, есть то же. На ономъ мудрый: а на семь домикъ себѣ строить мужъ безпутный. Ковчегъ, и потопъ: не то же ли? Вода и Елиссеево желѣзо: не то же ли? Сороколѣтняя пустыня, и Обѣтованная Земля: не то же ли? Что только переходитъ Израиль: все то море, вода, зыбкость: основаше, и упованіе Юродивыхъ Мужей: какъ написано:

«Рѣка текущая, основаніе ихъ.» Почіють ту
Сирины.

«Возволнуются, и почити не возмогутъ. —

— Нѣсть радоватися нечестнымъ».

Фар. Ты уже и много насказалъ: и завелъ въ любопытность. Такъ, скажи же мнѣ: для чего иные толкуютъ: что Исаины Сирины, суть то пустынные птицы, а возгнѣздываются въ пустомъ Вавилонѣ градѣ.

Не. О младенецъ съ бабими твоими баснями! Ражжуй только зубомъ мужескимъ: сей часть по Самсонову, найдешь въ жесткомъ нѣжное: а въ пустомъ пищу. Пустынные птицы: развѣ то не лже-пророки пустое поющіе? Пустый Вавилонъ: развѣ то, не Сиренскій камень? Не все ли пуетое: что суета? и не все ли то вода: что истинное? Послушай, вотъ птица!

«Ефремъ, яко голубь безумный, неинный сердца; учениковъ сихъ птицъ, называетъ Михей, дочерьми Сиринскими: и точно о Самаріи, какъ такихъ птицъ довольно у себе имѣла, вопіеть: «Сотворить плачь, аки Зміевъ: и рыданіе аки дочерей Сиринскихъ.» Къ симъ то безумнымъ птицамъ, слѣдующій Божій отзывъ:

«Приступите ко мнѣ, послушайте мене

Погубльшии сердце: сущии далече отъ правды.»

О сихъ же, птицахъ нечистыхъ, Осія поеть вотъ что:

«Яко же птицы небесныя, свергу я...

Горе имъ, яко отскочиша отъ мене.»

Учениковъ же ихъ, называетъ чадами водъ.

„Яко Левъ возреветъ Господь: и ужаснутся чада водъ.“

Чада водъ и дщери Сиринскія: есть то же. У Исаин называются: отъятыи парящихъ птицъ птенщани. Сін жъ Сирины, называются зміями и гадами.

Сотворить плачь, аки зміевъ...

Полнжутъ персть, аки зміеве.

Послю, аки гады на землю. Зачемъ туда?

Затѣмъ, чтобъ вся дни живота своего, кушали грязь! Сін то суть Ангелы лютые: псы, злые дѣлатели, облака бездождныя, водныя, земныя, духа немуще...

Өр. Полно! полно! поговори еще мнѣ о добрыхъ птицахъ. Я уже и разумѣю: что конечно не худо постъ оная птица.

„Гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей.“

Нее. Нѣсколько тебѣ благовѣствующихъ птицъ выпущу изъ Ковчега. Взглянь кін суть: иже яко облацы летять? и яко голубы со птенщы ко мнѣ? Какъ темна и тонка вода во облацѣхъ воздушныхъ: такъ вода глубока, со вѣтъ въ сердцѣ мужей сихъ, и ихъ птенцовъ. И какъ голубины очи вышше волнованія Сиринскихъ водъ: такъ сердце ихъ, вышше всея тлѣни подъялось. Взглянь еще на горній хоръ птицъ прозорливыхъ!

Подъяхъ васъ, яко на кригѣхъ Орнихъ: и приведохъ васъ къ себѣ.

Идѣ же трушъ, тамо соберутся Орлы.

Не Орелъ ли то: «Ангель Господень вос-

хити Филиппа?» Не Орель ли то: «Не обрѣтесе Енохъ въ живыхъ?» Не Орель ли то: «Взять бысть Илія вихремъ?» Вотъ Орель паритъ: «Вѣмъ челоуѣка, прошедшаго небеса.» Вотъ Орель: «Ягъ Аввакума Ангелъ Господень за верхъ его.» Вотъ Орель: «Вознесу тя Господи, яко подъялъ ми. его.» Взглянь же на сего любезнаго Орла! «Видѣхомъ Славу Его.» Куда-то они летять? Ахъ! превзойшли они трупъ и тлѣнь: устремили взоръ на того: «Вземлется отъ земли животь его, Взятое великолѣпіе Его превыше небесъ.» Ахъ! взглянь сюда... Не се ли оная благовѣстница съ масличною вѣтвюю, изъ Ноева Ковчега, миръ намъ приносящая летить? И летя вотъ что кажется поеть: дерзайте! да не смущается сердце ваше потопомъ водъ Сиринскихъ! Я вижу холмъ незаблемый: верхи горъ изъ подъ потопныхъ волнъ вынікающихъ: провижу весьма издаляча землю и гавань: вѣруйте въ Бога: тамъ почіемъ.

Кто дастъ мнѣ крилъ...

Очи ваши узрять землю издалеча.

А мнѣ любезна и горлица сія, летить выспрь поущи: Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь? О Фарра! Фарра! чувствуешь ли вкусъ во Пророчіихъ Музахъ? А иначе бѣжи и приложися къ Галатамъ.

ФАР. Вѣришь ли, что для мене пріятнѣе гѣніе Сиренское.

НЕЕ. Ей, друже, вѣрю, что больше Елеи имѣетъ во умашеніи своемъ льстець : нежели въ наказаніи своемъ отецъ : и что ложная позолотка, есть блистательнѣе паче самаго золота : и что Иродова плясавица, гораздо красивѣе, нежели Захаріина Елисаветъ. Но помни притчу :

Не славна изба углами : Славна пирогами.

Не красна челобитна слогомъ : но Закономъ.“

Въ самомъ сладчайшемъ ядѣ , внутренній вредъ уничтожаетъ сладость, предревняя есть притча сія :

Ἀπλὸς ὁ μῆδος τῆς ἀληθείας.

У истины, простая рѣчь.

Инако поютъ въ костелѣ : а инако на маскарадѣ. Слышанъ, кто ищетъ красныхъ словъ въ томъ : кого спрашиваютъ о дорогѣ : и кто лакируетъ чистое золото. На что Пророчіимъ пѣснямъ блядословіе ? Пусть покрывается имъ Сирина лжа. А то, что они поютъ въ фигурахъ : фигуры суть мѣшечки на золото : и шелуха для зерна Божія. Сіе то есть иносказаніе, и истинная оная Πόησις, сирѣчь : твореніе, положить въ плотскую пустошь золото Божіе, и сдѣлать духомъ изъ плоти ; авось либо кто догадливъ найдетъ въ коробочкѣ прекрасное Отроча Еврейское, взятаго выше водъ

Сиренскихъ челоѣка. «Твориай Ангелы своя души (духами).» Вотъ истинные пѣнты : сирѣчь творцы и Пророки : и сихъ то писанія, любилъ читать возлюбленный Давидъ :

Въ твореніихъ руку твою поучихся.

Ѳар. Однако, мнѣ пріятны и ковчеговы птички. Мудрененько поютъ. Выпусти еще хоть одну.

Ми. Я тебѣ выпущу: обратись сюда Ѳарра!
• Возведи Очеса. «Яко ластовица» тако возопія :

И яко Голубъ тако поучуся.

Ѳар. Кой вздоръ? Громкія ластовыщы, въ коихъ странахъ родятся? А у насъ они ниже, что сверчки. Голубъ глупѣе курицы, какъ можетъ любомудрствовать? Видишь ли, коль стропотныя музы Пророческія? Вотъ какихъ птицъ насобралъ въ свой ковчегъ Ной! А мои Сирены нѣжно, сладко, ясно, громко, и самыми преславными модными словушками воспѣвають. Самыя морскія волны, кажется, что отъ ихъ вѣнія поднимаются и пляшутъ: будто отъ Орфеевой ары; и нѣтъ толь глупаго скота и звѣря: даже и самага нечувственнаго пня и холма, чтобъ ихъ не разумѣлъ: чтобъ не скакалъ, и съ воскликновеніемъ не всплескалъ въ длани : и недивно, что вселенную влекутъ за собою!

Ми. Не бойся Ѳарра. Израиль видитъ Двоє.
• Асіе то есть жезлъ, и власть Ему : здѣлать

изъ яда ядъ, изъ смерти жизнь, изъ обуюлости вкусъ, а изъ стропотнаго гладкое. И ничего же Его вредить! Онъ сеетъ камень; переходитъ море; возьметъ змя, и пьетъ мерру въ сладость. Его желудокъ, все варить въ пользу: а зубы все стираютъ: и вся поспѣшествуетъ во благос. Слушай Израиль! Раскуси ему Езекинну мысль. Испій стропотну сію рѣчь такъ: какъ написано о тебѣ:

Отъ потока на пути пьетъ...

О Израилю! преходь потокъ: исходь на второе: сіе есть твое.

Из. Господь даде мнѣ языкъ... Ластовица и голубь значить Израиля. Взглянь Оарра на стѣну, и скажи: что ли видишь? Взглянь сюда.

Оар. Вижу картинку гдѣ написана птичка, поднявшаяся изъ морскаго берега, и летящая на другой невидный берегъ.

Из. Сія есть Израильская картина, нареченна Символь. Ластовица убѣгая зимы, летитъ чрезъ море отъ сѣвернаго берега на южный: и летя вопиеть: «Нѣсть мнѣ мира здѣ.» Въ сей то Символь ударяетъ Езекина сердца лукъ сей: Яко ластовица тако возопію. «Израиль вездѣ видитъ Двое. Ластовицу осязаетъ; а чрезъ нея, будто чрезъ примѣту, ведущую къ мѣти, провидитъ духомъ, чистое, свѣтлое и божественное сердце: возлѣтающее выше непостоянныхъ водъ, къ матерой и теплой тверди. Сіе

то есть: стоять на стражѣ со Аввакумомъ, возводять очи и быть обсерваторомъ на Сіонѣ. Необрѣзанный же сердцемъ видитъ однѣ прикѣты безъ мѣты. Взглянь Фарра и на сей Символъ! Видишь окрылатѣвшую дѣву, простершую руки и крила и, хотящую летѣть чрезъ пучину морскую, къ выходящимъ издалеча холмамъ. А любезный ея, надъ холмами изъ облака взаимно къ ней летитъ уже: простирая къ объятію руки своя. Здѣсь видишь и плавающій Ковчегъ. Сія есть чистая Жена, о коей написано:

Да нибыша Женѣ два крила Орла великаго.

Блаженныя сея жены, потопомъ изрыганій своихъ, не могъ потопить Змій седмглавный. Она то вопіетъ: «Кто дастъ мнѣ крилѣ. . .» Вотъ тебѣ ластовица! Яко ластовица, тако возопію... Не въ силѣ величій, ни въ крѣпости гласъ Ея; но въ душѣ моею глаголетъ Господь Вседержитель:

„Радуйся зѣло дщи Сіоня: проповѣдуй дщи Иерусалимля.“ Не ластовица ли Павелъ: проповѣдующій не въ мудрости слова, и мірскаго витѣйства, и Сиренскаго льстисловія: но въ наученіи, и силѣ Духа Святаго? А когда ластовица кричитъ: что для нея Сѣверный брегъ опасенъ, и что узнала она, надежный южный брегъ: такъ не Двое ли она видитъ? и не то же ли намъ благовѣститъ: «Вѣиъ Человѣка:

о семь похваляюся?» Не то же ли что Давидъ:
«И полещу и почию?» Не то же ли что Ангель:
«Се благовѣствую вамъ радость велию...?» Нѣсть
здѣ: «Тамо Его узрите.» Нѣсть мнѣ мира здѣ.
Самъ Езекиа, сказавъ: Яко ластовица и прот-
чія: всплошъ придаетъ сіе: «Исчезостъ очи мои.»
Сирѣчь: престалъ я то видѣть: что прежде
видѣлъ. Я видѣлъ одну воду: одну плоть и
кровь, и одну пустошь, и суету: и сіе есть
одно, и есть ничто же: почему я и слѣпъ
былъ: видѣвшій, то, что ничто же, и одна то-
чю тѣнь есть. Нынѣ же глупбе око мое ис-
чезло и преобразилося во Око Вѣры, видящія
въ тѣлишкѣ моемъ обонъ-поль непостоянныя
плоти и крови, Твердь и высоту Господа мо-
его; Духа Божія; содержащаго своею горстію
прахъ мой: и сіе есть второе и надежное: вто-
рый Человѣкъ Господь мой:

Иже избави мя, и отъ яболѣзнь души моя.

«Отселѣ всѣ воскресшіи возблагословятъ тя»
и — я ожившій,

Яко ластовица, тако возопію,

И яко Павель, тако поучуся.

«Отъ днесъ бо дѣти сотворю: яко возвѣс-
тятъ правду твою.» Отнынѣ ни единаго вѣмы
по плоти. Аще же и разумѣхомъ по плоти
Христа; но нынѣ ктому не разумѣемъ.»

Посмотри же Фарра и на другой Символь,

въ центрѣ коего ударяетъ: сіяжь Езекіина
ручь. Взглянь сюда!

Фар. Вижу. На самомъ верхѣ камня, въ сре-
динѣ моря стоящаго, стоитъ кая-то птичка.
Камень схожъ на Сиренскій.

Изр. Какъ ему быть Сиренскимъ, когда гласъ
Символовъ есть таковъ:

«In constantia quiesco.

Сирѣчь:

На неизблемости почиваю?

Кая вѣрность на Сиренскомъ, волнами по-
крываемомъ каменѣ? Сей есть каменный Холмъ
Вѣчнаго, выникшій изъ-подъ вселенскаго по-
топа: на коемъ упокоился Ноевъ голубь. Съ
такимъ благовѣстіемъ.

Inveni portum jesum. Caro, Munde valetе.
Sat me iactastis. Nunc mihi certa quies.

Сирѣчь:

Прощай Стихійной потопъ!

Я почию на холмахъ Вѣчнаго:

Обрѣтши вѣтву Блаженства.

Вотъ тебѣ Ноевъ Голубь! послушай гласа
Его:

Лѣта вѣчная помянухъ, и поучихся.

Постави на камени нози мои.

На камень вознеслъ мя еси!

Господь утвержденье мое и Камень мой.

Вотъ еще голубь! Со усердіемъ гоню: къ
намѣренному теку. — Еще како достигну во

воскресеніе мертвыхъ. «Разумѣхомъ по плоти Христа; но нынѣ ктому не разумѣемъ.» Пожалуй посмотри мнѣ и на сына Іонина; сирѣчь Голубинина. «Блаженъ еси Симоне, Сыне Іонинъ. Яко плоть и кровь не яви тебѣ (мене): но Отець мой, иже на небесѣхъ... Ты, еси Камень (Кифа) и на семъ Каменѣ утвержу всю Церковь мою... Слыхалъ ли ты о Даніиловомъ Каменѣ? Се онъ есть. Слышалъ ли ты замокъ Апокалиптичный? Се онъ есть. Слышалъ ли Рай? Вотъ онъ тебѣ! Слышалъ ли о землѣ дивной, что отъ воды, и посредѣ воды? Вотъ же тебѣ обѣтованная Земля! Вспомни Евангельскій Маргарить. Вспомни обрѣтенную драхму. Вспомни освобожденіе, исцѣленіе, воскресеніе и проч. и пр. и пр. Все сіе и всѣ пророческія музы, какъ праволучныя стрѣлы Молніины, въ сей Святой и Единъ Камень ударяя путеводствуютъ. Видишь, Фарра: въ кую гавань доплыла рѣчь Езекиина? Не дерзай же хулить птицъ Ноевыхъ. Онѣ поютъ тихо; но гласъ тонокъ ихъ, остръ и высокъ. А сирены, какъ лебеди, возносятъ громко крикъ; но по пословицѣ:

„Высоко полетѣла: да недалеко сѣла.

Фар. Право я влюбился въ ваши птички. Ковчегъ вашъ подобенъ Троянскому коню. Выпустите мнѣ еще хоть одну. Люблю, что поютъ Двос. Одно во уши: другое въ разумъ:

какъ написано: «Двое сія слышахъ.» Теперь вижу, что не пустая древняя она притча: «Глушь, кто двое нащитать не умѣтъ.» Видѣть кошелекъ ; не знать, что въ кошелекъ : сіе есть видящи невидѣть. Видно, нужно вездѣ видѣть Двое: видѣть болванъ : не знать, что въ болванъ: есть не знать себе. Сирени поютъ воду: а ваши птицы воду и гавань. Вода есть кошелекъ: а гавань, есть Имперіаль. Тѣло есть вода и кожа, въ которую одѣтъ истинный нашъ Адамъ!

Дан. О Фарра! началъ ты издавать Благоуханіе.

„Сотъ искапаютъ устнѣ твои, Невѣсто!“

Вотъ сей - то Сотъ, закупоритъ тебѣ уши противу Сиренъ.

Фар. Выпусти, Даніиль, еще хоть одну мнѣ райскую птицу.

Дан. Изволь! Еще ты такой не видалъ. Ловнее!

„Еродій на Небеси познѣ время Свое.“

Фар. Дичину ты выпустилъ. Я и имя ея въ первое слышу. Скажи мнѣ: кой сей родъ есть птицы Еродій.

Дан. У древнихъ Славянъ, она Еродій: у Еллиновъ Пеларгосъ: у Римлянъ Киконія: у Поляковъ, Боцянъ: у Малороссіянъ, Гайстеръ: схожа на журавля. (а) Еродій, значитъ Бого-

---

(а) *Ερος*, значитъ желаніе; Римски Купидонъ: *Zeus, Júpiter*, или Дій. Отсюда слово, Еродій, то же, что Филоея.

любный: есть слово Еллинское. Но что въ томъ нужды? Брось тѣнь: спѣши ко истинѣ. Оставь физическія сказки беззубымъ младенцамъ. Все то бабѣ, и бабѣ и пустошь: что не ведетъ къ гавани. Сѣки скорѣ всю плоть поизраильски. Сержусь, что медлишь на скорлупѣ. Сокрушай и выдырай зерно силы Божія. Еродій знаменуетъ вѣру во Христа: а яснѣе сказать: Израильское Око: видящее Двое: вотъ тебѣ Гайстеръ! будь здоровъ съ нимъ! Съ небесе Крастель....

Фар. Конечножъ есть причина, для чего взять онъ во образъ сей.

Дан. Конечно троякая вина сему есть: 1-я, что гнѣздится на киркахъ; 2-я: что снѣдаетъ змій; 3-я: что въ старости родителей кормитъ, хранить и носить. Кирка значить дворъ Божій.

Коль возлюбленна селенія твоя...

Птица обрѣте себѣ храмину...

«Тамо птицы возгнѣзд. Еродіево жилище предводительствуетъ.» Еродій всегда на вышнихъ мѣстахъ, на шпицахъ и на куполахъ гнѣздится: Будто предводитель протчимъ птицамъ.

„Блаженни живуціи въ дому твоємъ.“

Вотъ тебѣ Еродій! Едино просихъ отъ Господа, и проч. Вотъ Еродій! Обрѣте его Исусъ въ Церкви. А сіи тебѣ, развѣ не пред-

водительствующие суть Еродіи? Взыдоша на
горницу: идѣже бяху. —

„Пребывающе, Петръ же и Іаковъ, и
Іоаннъ, и протчіе единомушно вкупѣ.
И бысть внезапно съ небесе шумъ...
И исполнишася вси Духа Свята, и
начаша глаголати иными языки.“

Вотъ что въ сей птицѣ великое! Позна вре-
мя свое. Видно, что она познала Двое: время,
и время. О кто сей прекрасный Еродій есть!
Послушай его: «Се зима преjde: дождь! (по-
топъ) отъиде себѣ: цвѣти явишася на землѣ и
проч. Видишь ли? Что значить? и куда ле-
тятъ Ноевы птицы? Ко Авраамлю заливу: и къ
гавани оной: «Господь пасетъ мя...» На вотъ
тебѣ стадо и безтолковыхъ Гайстровъ!

Лице небесе умѣете разсуждати.

Горе вамъ смѣющимся нынѣ!

Өр. А почему ты ихъ назвалъ безтолковы-
ми? Вить ихъ за прогностики Христосъ не
осуждаетъ?

Дан. Они чрезъ солнце, разумѣютъ разум-
но непогоды; но не прозорливы узрѣть вто-
рое время: сирѣчь, царствіе Божіе. Надобно
знать съ Даніиломъ время одно, и время вто-
рое. Изъ сихъ полу-временъ, все составлено:

„И бысть вечеръ, и бысть утро: день
единъ.“

Одно время есть плакать: а второе время.

смѣяться. Кто одно знаетъ; а не двое: тотъ одно — бѣду знаетъ. Вотъ еще бѣдные Гайстеры:

Взалчутъ на вечерь...

Возволнуются, и почити не возмо-
гутъ.

О безумно возгнѣздившихся сихъ Гайстерахъ можно сказать:

Ихъ твердь одна вода:

Въ срединѣ ихъ, бѣда.

Смѣяться нынѣ и веселиться здѣ, значить: невидать ничево, кромѣ тьмы и стихійныхъ стѣны.

„Горе вамъ смѣющимся нынѣ!“

И когда Петръ сказалъ: «Добро намъ здѣ быти», тогда вдругъ обличенъ: «Не вѣдый, еже глаголаше.» Онъ раздѣлилъ Моисея отъ Илии, Илию отъ Христа; не познавъ еще истиннаго человѣка, кромѣ человѣчія плоти, или стѣны. А когда проснулся: тогда сдѣлался мудрымъ Еродіемъ и, познавъ двое: позналъ истиннаго, сверхъ человѣчія стѣни человѣка, который есть Единъ во всѣхъ и всегда:

Убуждшеся видѣша славу Его,

Обрѣтеся Исусъ Единъ.

Иже есть всяческая во всемъ.

Простый Еродій на одномъ небеси, видитъ двойное время: стужу и теплоту, зиму и весну, покой и досаду; а тайный Еродій, сн-

рѣчь: Израиль, сверхъ стихій, и сверхъ самаго тонкаго воздуха, видитъ тончайшее второе естество: и тамо сей Еродій гнѣздится. «Что мнѣ есть на небеси?» И отъ тебе, что восхотѣхъ на землѣ? Сіе второе естество, аще въ стихіахъ? Или кромѣ стихій? Богъ вѣсть! Однакожъ Израиль позналъ оное.

Фар. О Даніилъ! Ей! понравились мнѣ твои Гайстеры. Выпусти еще хотъ одного.

Дан. Развѣ и тебѣ хочется быть Гайстеромъ?

Фар. Вельми хочется; но да не безтолковымъ же.

Дан. И мудрый часто претыкается. «Толико время съ вами есмь: и не позналъ еси мене, Филиппе:»

Не можети нынѣ по мнѣ ити.

Отвержешися мене трищи.

Дай Богъ! Чтобы ты былъ въ ликѣ сихъ Гайстеровъ: «Сей есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе, единаго, истиннаго Бога. И Его же послалъ еси Иисуса Христа.

Вотъ предводитель и цари ихъ! Послушай Его. «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя, благовѣстити нищимъ; посла мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ. Нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія.» *Исаія, б. 1. 2.* Вотъ и сей не послѣдній! Се нынѣ время благопріятно! Се нынѣ день спасенія.

Вотъ, коль нужно слово сіе: *Губы Каирѣ*
Nosce tempus: познай время!

«Еродій позна время свое: Горлица и Ластовица...» О Еродіево жилище! Блаженно еси! Не то ли оно? По землѣ ходяще, обращеніе имамы на небесѣхъ. Праведныхъ души въ руцѣ Божіей...

Боже сердца моего! Душа моя въ руку твою.

Подъ сѣнь Его возжелахъ и сѣдохъ...

Авраамъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ и возрадовася. Іоан. 8. 56. Онѣма же отверзостѣся очи, и познаста Его: и той не видимъ бысть има. Да избавитъ же тебе Господь отъ тѣхъ юродовъ! «Еродія позна время свое: горлица и ластовица». Людје же мои сіи непознаша судьбъ Господнихъ. «Возлюбиша паче славу человѣческую, неже славу Божію.»

«Ослѣпи очи ихъ: да не видятъ, ни разумѣютъ», вопіетъ Исаіа, увидѣвъ славу Христа Господня. А они хвалятся: «Да ямы и піемъ! Утрѣ бо умремъ.» Умирайте! умирайте! яко нѣсть ваше разумѣти двое. Видите о нощныя враны, одинъ только днешній вечеръ: одну только воду со Сиренами. Сія-то мрачная слава ослѣпила, вамъ очи: да невидите утреннія оныя славы:

„Востани слава моя! Востану рано.“

Для чего вы, о звѣри дубравныя! въ ло-

жахъ своихъ легли: не дождавъ блаженнаго онаго второго дня.

Во утрии же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: Се Агнецъ Божій, возмляй грѣхи міра! Сей есть: о немъ же азъ рѣхъ: Іоан. 1, 29, 30. Вы есте тма міру: и волки не отъ числа оныхъ: Веніаминъ волкъ хищникъ, рано ясть еще... но въ вечеръ глотающіе все, безъ останка на утро: да останки нечестивыхъ потребятся.

Өар. Я вовся не разумѣю, что значитъ останокъ...

Дан. О дряхлый и косный Клеопо! Останокъ есть то же, что барышъ, ростъ, приложение, прилагасмое прекраснымъ Іосифомъ, въ пустое врегиге Веніаминово. И сего ли не разумѣешь? Не приложатся жъ тебѣ лѣта живота.

Өар. О! нынѣ разумѣю: и приложатся мнѣ, яко Езекии.

Дан. Останокъ есть лѣто Господне пріятное (*Jubilaeus Annus*), день воздаянія, весна вѣчности, таящіяся подъ нашимъ сокрушеніемъ, будто злато въ сумахъ Веніаминовыхъ, и воздающія Израилеви, вмѣсто мѣди злато, вмѣсто желѣза сребро, вмѣсто дровъ мѣдь, вмѣсто каменія желѣзо, вмѣсто песочнаго фундамена адамантъ, сафиръ и анѳраксъ... Чолъ ли ты во притчахъ:

«Исцѣленіе плотемъ и приложеніе костемъ?»
Плоть брeнная твоя, есть то здѣшній міръ, и днешній вечеръ, и песочный грунтъ, и море Сиренское, и камни претыканія. Но тамъ же, за твоею плотію, до твоей же плоти, совокупилась гавань и лоно Авраамле, земля посреде воды, словомъ Божиимъ держима; если ты не нощный, но излетѣвшій изъ ковчега вранъ; если ты ластовица, или голубица, зунавшая себе: сирѣчь видящая, двое: міръ, и міръ: тѣло, и тѣло: чeловѣка и чeловѣка: двое въ одномъ и одно въ двoихъ не раздѣльно и не слитно же... Будьто яблонь, и тѣнь ея, древо живое, и древо мертвое: лукавое и доброе: лжа и истина; грѣхъ и разрѣшеніе, кратко сказать: все что осязашь въ наружности твоей: аще вѣруеши: все тое имѣешь во славѣ и въ тайности истое, твоею жъ внѣшностію свидѣтельствуемое: душевнымъ тѣломъ духовное. Въ сей-то центръ ударяетъ лучъ сердца наперсникова: «Всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Иисуса Христа, во плоти пришедша отъ Бога есть.» Вѣмы же, яко егда явится, подобни ему будемъ: ибо узримъ его, яко же есть. И всякъ имѣяй надежду сію на Него: очищаетъ себе, яко же Онъ чистъ есть. Вотъ тебѣ останокъ! Вотъ приложеніе костемъ твоимъ! Все тебе оставить; а сей останокъ никогда.

Вся преходятъ: любви николи же отпадаетъ. 1. Кор. 13. 8.

Господа силу, того освятите...

Нынѣ разумѣши ли надежду твою, и лжу сиренскую? Вотъ тебѣ, вмѣстѣ о тристолѣтнѣя, вѣчная память и юность: будь здоровъ!

Въ память вѣчную будетъ праведникъ.

Отъ шума Сиренскихъ водъ не убьется!
Сей есть животъ вѣчный!

Нынѣ обновится яко орля юность твоя. Но не тѣхъ орловъ: что паки старѣютъ и умираютъ: но оныхъ, кои въ познаніи самага себе, вельми высоко вознеслися: вышше всѣхъ стихій: и вышше самага здѣшняго солнца (яко и оно есть суета же и ветошъ) ко оному пресвѣтлѣйшему моему солнушку.

„Тый же тойжде еси: и лѣта твоя не оскудѣютъ. Одѣйся свѣтомъ (солнечнымъ) яко ризою: глаголай къ намъ сѣ :

«Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. И видѣхомъ въ трупѣ нашемъ славу Его: во лѣвѣ семъ, сотъ вѣчности Его: во тмѣ сей, свѣтъ не вечерній Его: въ водѣ сей нашей твердь гавани Его. Трупъ есть всякъ бранный чловѣкъ: и книга есть чловѣкъ и трупъ. Найшовъ въ нашемъ свѣтъ и сотъ: находимъ послѣ того сію-жъ пищу и въ Библіи да исполнится сіе :

„Идѣ же трупъ: тамо соберутся орлы.“
Высоку сей трупъ обѣщаетъ трапезу: высоко и мы возлетѣли! Гдѣ царствуетъ вѣчная сладость, и вѣчная юность!

БРАТА ГОСПОДНЯ

ВЪ НОВУЮ СТРАНУ, ВЪ ПРЕДЕЛЫ ВѢЧНОСТИ,
ТАМЪ ИСПЫТАЕШЬ:

Легко ли быть блаженнымъ?

Фар. Тфу!... Оправдилась притча: на конѣ ѣзда, коня ищетъ. Я думалъ, что велики труды, быть блаженнымъ... По землѣ, по морю, по горнихъ и преисподнихъ, шатался за счастьемъ. А оно у мене за пазухою... Дома... Древняя притча.

«Ita fugias, ut ne praeter casam».

Отъ лиха убѣгай: да хаты не минай.

Не: О Фарра! не только дома, но въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей царствіе Божіе, и глаголь Его. Сей есть камень: а прочее все, глѣнь, ложь, лужа...

„Вся переходятъ....“

Но кто тебѣ насяль лукавое сѣмя сіе: будто трудно быть блаженнымъ? Не враги ли Сирены?

О глаголь потопный! И языкъ лстивый!

Фар. Ей! ей! они. Отъ ихъ-то гортани гласъ сей:

Χαλεπὰ τὰ Καλά.

Τὸ Κάλλος Χαλεπὸν ἐστὶ.

Трудна доброта...

Не. О да прильпнетъ языкъ ихъ, къ гортани ихъ!

„Нѣмы да будутъ устнѣ лъстивыя!“

Изблуй онаго духа лжи вонъ, а положи въ сердцѣ сей многоцѣнный во основаніе камень:

Χαλεπα τὰ κακά!

Трудно быть злобнымъ!

Что можетъ обезкуражить, и потопить сладко теплый огонь Параклитовъ, если не оное змѣиное сиренское изверженіе? Отсюда-то въ душѣ мразь и скрежетъ, косность и уныніе во обрѣтеніи царствія Божія: отсюда ни теплъ еси, ни хладенъ: инакъ ты изbleвати.. О гряди Господи Иисусе! Ей! гряду скоро: аминь... Нынѣ не обвиняюся сказую: се Господь мой пришелъ! Се солнце возсіяло! и новая весна! Да расточатся и ижденутся со изверженіемъ своимъ души нечестивыхъ, отъ предѣловъ весны вѣчныя! Не входитъ туда неправда. Намъ же даны ключи:

«Χαλεπα τὰ κακά.

Не тмами ли темъ тяжелѣе слова: беззаконіе? Что же ли есть легчае любви Божія?

„Крила ея, крила огня».

Напиши красками на ногтѣ адамантовомъ слова сіи: «Сродное, нужное. Литвое есть то же. Что есть нужнѣе царствія Божія? Въ запутанныхъ думяхъ, и въ затмѣнныхъ рѣчахъ, гнѣздится лжа и притворъ; а въ трудныхъ дѣлахъ, водворяется обманъ и суета. Но латвость въ нужности, а нужность въ сродности; сродность же обитаетъ въ царствіи Божіи. Что нужнѣе для душевнаго человѣка, какъ дыханіе? И се вездѣ туне воздухъ. Что потребнѣе для духовнаго какъ Богъ? И се вся исполняетъ! Аще же что кому не удобное: напиши что ненадобное. О глубина премудрѣя благодсти! Сотворіи нужное нетруднымъ, а трудное ненужнымъ. Тако мой Господь сказа мнѣ: духъ сладкій, духъ мирный, духъ пророческій: и не печатлѣю словесъ: да оправдится премудрость Его отъ чадъ Его!

Из. О Несманъ! Нееманъ! Дышешъ духомъ Параклитовымъ: съ высоты силою Его облеченный. И кто имѣетъ духа Утѣшителя, если не чистое сердце, отъ мрака грѣховнаго возванное, аки въ солнцѣ солнушко, зѣница Его, во вкусъ и прозорливость сіяющее? Сей есть живый Силоамъ, и родная Софіа, видяща двое, и глаголяющая странное.

Не. Тѣмъ же, о Израилю, идуще новымъ Святаго Духа путемъ: ищите и обрящете. Се

вся полезная, суть возможна: и возможная полезна.

Θар. Мнѣ бы хотѣлось онымъ папою: и сочетать въ одной ипостаси первосвященство и царство.

Мих. О славолюбный Озія! Куда тебе духъ воскриляеть? Но притомъ приснопамятно будь сіе:

„Кто яко Богъ?“

Θар. Развѣ же Богъ не хочетъ, чтобъ мы были Богомъ.

Мих. О Θарра! что радостнѣе Святому Духу, какъ тое, чтобъ намъ всѣмъ стать Богомъ?

Θар. О Михайлъ! Се ты странное воспѣлъ!

Мих. Если оно Святому Духу пріятное, тогда воистинну странное и преславное. Онъ единъ есть, любопытная оселка, показующая чистое золото, нареченое римски, Index. И въ сію-то мѣть ударяетъ сіе Павлово слово: *«Δοκιμασετε παντα τὸ καλὸν κατέχευε»*. Вся испытайте: добрая держите 1. Сол. 5. 21. Аще же гнушается оный голубь: тогда оно бываетъ мірское, модное: и въ такомъ смыслѣ обще, въ какомъ разумѣтъ Петръ Святой, глаголя сіе:

„Господи, николи же ядохъ скверно.“

Скверно: въ римскомъ же лежить, сошпне, еллински, *κωλυον*: разумѣй соепит: сирѣчь блато, грязь, перзское, мірское..

Өар. Вить же славы искать Духъ Святый не запрещаетъ?

Михаилъ.

Слава въ студѣ ихъ....

Видишь, что студная слава запрещается. За добрую же славу лучше желаетъ Павелъ умрѣть, нежели ее испразднить. Оная слава есть тѣнь: а сія финиксъ. Оную хватають псы на водѣ Сиренской: сію же приѣмлють чада Божія, во Авраамлей гавани. Суетна слава, тщетная прибыль, сласть ядовита: се три суть адскія горячки, и ехиднины дщери, нечестивому сердцу во опаленіе. Но сущая слава, истинная прибыль, сласть не притворна: се сіи суть Духа Святаго, невѣсты: во объятіяхъ своихъ, чистую душу услаждающія.

Өар. Угадалъ ли я, что по правилу Израильскому пустая слава есть труднѣе истинныя?

Мих. Тфу! какъ же не труднѣе псу схватить тѣнь, нежели истинный кусъ. Вотъ предъ тобою яблонь! Схвати мнѣ, и подай тѣнь. Но самое тѣло ея вдругъ обнять можешъ.

Өар. Не только, но и плодъ сорву! Се тебѣ съ нея прекрасное яблоко! Благовонное! Дарую тебѣ. Въ немъ обрящешъ столько яблочныхъ вертоградовъ, сколько во всей вселеннѣй коперниканскихъ міровъ. Вотъ тебѣ отъ мене награда. «За твое доброе слово.»

Мих. Если бы ты мнѣ всю вселенну дарилъ по

плоти, и бы отказался и малыя сторонки моя матери Малороссіи, и одной ея горы не взялъ бы. Гдѣ мнѣ се дѣвать? Тѣлишко мое, есть маленькая кучка, но и та мнѣ скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горесть? «Кто яко Богъ?» Что сладчае и легчае и вмѣстнѣе, какъ Духъ? Сердце мое вкушаетъ Его безъ грусти, пьетъ безъ омерзения, вмѣщаетъ безъ труда, носить безъ досады. Душа моя въ духа: а духъ въ сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть моя все сладчайшая! Ты единъ мнѣ явилъ двое, сѣнь и безвѣстную тайну. Ты оси тайна моя, вся же плоть, есть сѣнь и закровъ твой. Всяка плоть есть риза твоя, сѣно и пепелъ: Ты же оиміамъ, стакти и касіа, пречистый, цетлѣнный, вѣчный. Все Тебѣ подобно: и Ты всему; но ничто же есть Тобою: и Ты ничемъ же кромѣ Тебе. Ничто же, яко же Ты.

„Кто яко Богъ?“

О Фарра! что плачешь? Чего ищешъ въ паствѣ? Духа, или плоти? Духъ сего Христа Божія, вдругъ какъ молнію, пріять можешъ. Но престолы, палаты, колесницы, сребро и злато... Все сіе есть плоть, гора, трудъ и горесть. Не прикасайся сему. Восходящее, высокое въ немъ, и божественное. — Оное да будетъ твое. Сіе-то есть истинное единство, и тождество, и легость и нужность....

Хощешь ли быть Павломъ Оивейскимъ? Антоніемъ Египетскимъ? или Саввою освященнымъ?... Стяжи себѣ мужей оныхъ сердце... Въ то время, вдругъ, какъ молнія, преобразишься во всѣхъ ихъ. Бѣгай молвы: объеми уединеніе: люби нищету: цѣлуй цѣломудренность: дружись со терпѣливостію: водворися со смиреніемъ: ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца ихъ! Сіе иго, велии благо, и легко есть....

Халета та хаха.

Фар. А Елисей? Не просить ли епанчи отъ Іліи?

Мих. Епанча оная нѣсть мертвыхъ; но живущихъ во предѣлахъ вѣчности. Въ ней все новое вмѣсто ветоши. Чоль ли ты у Исаи, одежду веселія? Вотъ она:

„Подъ сѣнію руки мояя покрью тя.“

Не Елисей ли просить? «Да будетъ Духъ, яже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ.» Какъ же даль бы онъ просящему вмѣсто хлѣба камень? Сей есть духъ вѣры: духъ сугубъ: духъ открывающій двос: духъ, раздѣляющій Іорданскія струи: духъ, богоявляющій сверхъ Сиренскихъ водъ плавающее и выникшее желѣзо. Оно-то есть изъ-подъ-потопный холмъ. Обитель вѣрныя, голубицы. Гавань, лоно и кифа Авраамля. Спасеніе отъ потопа. «Да возрадуется душа

моя во Господѣ. Облече бо мя въ ризу спасенія...»

Вотъ тебѣ одежда и надежда! Носи здоровь! Она есть, духъ сугубъ: видящій двое...

Фар. Велики благодарю тебѣ за сію ризу. А безъ нея, чемъ бы я былъ въ буркѣ? Вотъ чемъ! Лицемѣрь: лже Илія, пророчій идолъ. Что же? Ковчегъ преисполненъ есть всякія животины. Хотѣлось бы мнѣ быть, хорошенькою въ немъ, коею-то птицею. Какъ думаешь?

Мих. Ковчегъ, есть онъ перковь Израилская, люби ее, и молись. Аще добра просиши: приимиши. Проси во имя Христова: все вдругъ получишь: не забывай никогда сего.

Халета га хаха.

Из. Слушай Фарра! не желаешь ли быть кабаномъ?

Фар. Пропадай онъ! Я и вельблюдомъ быть не хочу. Еленемъ быть я бы хотѣлъ, а лучше птицею.

Чиста птица голубица, таковъ духъ имѣетъ,

Буде мѣсто гдѣ нечисто, тамо не почиетъ.

Развѣ травы и дубравы: и сѣнь есть отъ зноя

Тамъ пріятно, и прохладно мѣсто ей покоя.

Такъ и Духъ Святыи не почиваетъ: развѣ въ чистомъ сердцѣ, при водѣ тихой и про-

зрачнѣй, живой и тайнѣй. «Вода глубока со-
вѣтъ въ сердцѣ мужа...» О мире нашъ! Мужу
и лоно! Христе Исусе! Явился людямъ твоимъ
въ водахъ Сиренскихъ обуреваемымъ. Но рас-
толкуй мнѣ, о Израилю: кое-то есть сердце и
духъ, преображающій естество наше во ве-
провъ?

Из. Песъ, хватаетъ тѣнь: а сердце, земная
мудрствующее, есть вепръ. Не мыслить гор-
няя, развѣ точію о брашнѣ и чревѣ сердце
хамское любомудрствуетъ. Если имѣешь Из-
раилское око: оглянись на предѣлы Гергесен-
скія. Вотъ тебѣ великое стадо свиное! Прови-
дишь ли, что минуя берегъ, если не Господь
мой? Сами просятъ, да, преидетъ прочь отъ
предѣлъ ихъ. Блато и воду Сиренскую возлю-
били паче славы Божія. Грязь любить, есть
то быть вепромъ. Гоняться за нею, есть то
быть псомъ. Вкушать ея, есть то быть зміемъ.
Хвалить ея, есть то воспѣвать лестныя Си-
ренскія пѣсенки. Любомудрствовать о ней,
есть то мучиться легиономъ бѣсовъ. Не земля
ли раждаетъ и звѣры, и гады, и скоты, и мухи?
Такъ-то и сердце земное, преображаетъ насъ
въ разные нечистые звѣры, скоты и птицы.
Созданьемъ же Божіимъ творить чистое сердце:
вышнее всей тлѣни возлетѣвшее. Сердце зла-
тожаждное, любящее мудрствовать объ однихъ
повельгахъ, мѣшкахъ и чемоданахъ, есть су-

щій вельблюдъ , любящій пить мутную воду, и за выюками не могущій пролѣзти, сквозь тѣсную дверь, въ предѣлы вѣчности. Сердце есть корень, и существо. Всякъ есть тѣмъ, чіе есть сердце въ немъ. Волчье сердце, есть родной волкъ, хотя лице и не волчье. Если перешла въ сталь магнитная сила, тогда сталь точнымъ магнитомъ стала. Но рута рутой перестала быть, какъ только съ нея спиртъ и силу вывести. Сіе есть сердце и существо травы.... Но храмъ Божій всегда есть вмѣстилищемъ святынѣ, хотя видъ имѣетъ домовъ простыхъ. Женская плоть не мѣшаетъ быть мужемъ, мужескому сердцу. Сердце востекающее съ Давидомъ на горня, оставляющее вельблюдомъ и сиренамъ со чадами ихъ, мутныя и морскія воды; жаждущее, Давидовскія, утолившія Самарянкѣ жажду, оныя воды:

Кто мя напоитъ водою...?

Господи, даждь ми сію воду...

Таково сердце, не олень ли есть? Даромъ что роговъ не имѣетъ. Роги и кожа оленья; есть плоть и тѣнь. Надѣнь кожу его съ рогами, безъ сердца его, и будешь чучела его. Смѣшна пустошь: не только

Халепа та хаха.

Сердце, трудолюбствующее съ мужемъ Руинымъ Воозомъ на гумнѣ библейскомъ, очищающее отъ половы вѣчное зерно Святаго

духа: на хлѣбъ сердце Израилское укрѣпляющій: скажи, не вошь ли есть млатящій? Въ любезной моей Унгаріи волами молотятъ. И что-жъ воспящаетъ Лукъ быть воломъ? Не думай, будто до плотскихъ воловъ, сія истина касается: «волу молотящу, да не заградиши усть». Сердце воцарившееся надъ звѣрскими бѣшенствами, и надъ волею своею, растерзающее всякую власть и славу встающую на Бога: держащее въ нищетѣ, въ гоненіяхъ, въ болѣзняхъ, во смерти: не сей ли есть Скимень львовъ Іуда отъ тѣхъ? «Ярятся аки льлове». Бѣгаетъ нечестивый никому же гонящу: праведникъ же дерзаетъ аки левъ. Что-жъ мѣшаетъ Марку быть львомъ? Къ такимъ-то богосердечнымъ скимнамъ, аки левъ, тако возреветъ Господь: «востани! и измлати ихъ дщи Сіоня. Яко роги твоя положу (осную) желѣзны и пазнокти твоя ноложу мѣдяны: и истончиши люди... Вотъ ревъ львинаго щенка, отъ тридневнаго сна воскрешающій! Какъ написано: «возлегъ почи! Кто воздвигнетъ его?» Сердце выпрѣ сверкающее, какъ молнія: постигающее и низвергающее, всякія пернатыя мечты и замысловатыя стихійныя думы: не соколъ ли есть? Послушай соколяго виска. «Аще вознесешися яко же орелъ: и оттуду свергу тя», глаголетъ Господь. Сердце, парящее на пространство высоты небесныя, лю-

блеще свѣтъ, и вперяющее зѣницу очей, во блескъ полуденныхъ лучей. Въ самое солнца солнушко оно: «въ солнцѣ положи селеніе свое». Не благородный ли есть орелъ съ наперсникомъ? Ей не отъ рода онъ подлещовъ сихъ: «Не вѣмъ орла, парящаго по воздуху». Глупца высокоумдрствующа по стихіямъ. «Аще вознесешися яко орелъ: и оттуду свергу тя...» А не горлица ли есть; сердце любящее Господи, по Нему одному ревнующее, святыхъ надежды гнѣздо въ немъ обрѣтшее? Послушай гласа ся:

Ревнуя по ревновахъ по Господѣ Божѣ...

Живъ Господь мой: жива и душа моя.

А тотъ гласъ; не ея ли есть? «Истаяла мя ревность моя...» Видѣхъ не разумѣваюція, и стаяхъ.» На вотъ тебѣ линкъ, или хоръ горлицъ! «Се вся оставихомъ: и въ слѣдъ Тебе идехомъ». Знай, что библія, есть вдова горлица, (*) ревнующая и въздыхающая во пустынь, о единомъ ономъ мужѣ. «Богъ любви есть...» У сея-то вдовицы, не оскудѣваетъ іванецъ ея: сирѣчь милости, любви и сладости: если посѣтитъ ее кто, духа Пророческаго дары имущій. Кто благъ, или кто милъ, кромѣ Бога? Сей единъ есть не оскудѣвающій. «Вся преходятъ: любви же ни». Взглянь мнѣ

(*) По смыслу рѣчи, очевидно, слова сн [надобно понимать въ переносномъ значеніи.

пожалуй на Магдалину. Библии сердце, есть сердце горлицы сея. При елейной лампадѣ, не спить, тужить, и воздыхать. О чемъ? Что безсмертнаго жениха умертвили; что въ библейной его лампадѣ ничего милаго, и свѣтлаго не нашли пощныя враны сіи, кромѣ трупа сего: «возрять нань, его же прободоша». Что кромѣ ризъ Его, не нашли въ ризахъ его, ни смиренны, ни ставты, ни касіи: сирѣчь. одѣющагося оными ризами. Плачетъ пустыннолюбная горлица сія, о буйныхъ дѣвахъ со Іеремією, воспѣвая жалостную пѣсенку оную: «очи мои изліястѣ воду: яко оскудѣша добрыя дѣвы». Блаженны мы, о Фарра? Яко гласъ горлицы слышенъ въ маленькой земелькѣ нашей. Ахъ! сколько тогда горлицъ было, когда говорилъ Павелъ: обручихъ васъ единому мужу чистую дѣву, и протчая. Обуялыя и бѣдныя горлицы со чванцемъ своимъ оныя!

Идите ко продающимъ и протч.

Безъ милости милаго: а безъ твоего же преподобія, нигдѣ не обрящени, онаго преподобнаго мужа.

„Удиви Господь преподобнаго своего.“

Напослѣдокъ, не голубь ли тебѣ есть, сердце видящее двое? Сердце, узрѣвшее сверхъ непостоянности потопныхъ водъ, Исаіевскую твердь, брегъ и гавань оную:

Царя со славою узрите: и —

Очи ваши узрятъ землю издалеча.

Сіе чистое сердце, выше всея дряни возлетѣвшее, есть голубь чистый, — есть духъ Святый, духъ вѣдѣнія, духъ благочестія, духъ премудрости, духъ совѣта, духъ негнѣбныя славы, духъ и камень вѣры. Вотъ почему Христосъ, нерукобѣжною, и алмазною гаванью нарицаетъ святаго Петра! по сердцу его...

Өар. О сердце...! Что-жь ты сталъ? Ступай далѣе!

Из. Израиль далѣе сей гавани не ходитъ. Се ему домъ, гнѣздо, и кущи! Водруженныя, не на песокъ; но на Кифѣ. Конецъ потопу. Радуга и миръ, есть Кифа, на ней онъ возсѣлъ.

Inveni portum kepham: caro, munde valete!

Sat me iustatis. Nunc mihi Sancta quies.

Прощай стихійный потопъ! Вѣщаетъ Носва голубица. Я почию на холмахъ святыхъ, обрѣтши оливныя кущи.

Өар. О сердце голубиное! И сердечный голубь! Сей есть истинный Иона: адомъ изверженъ во третій день, на брегъ горъ Кавказскихъ. Сей голубь, есть истинный Americus, Columbus, обрѣтшій новую землю. Не хочется и мнѣ отсюда итти. О Нееманъ! Нееманъ! Дай! ну! Станемъ и мы со Израилемъ въ сей гавань. Оснуемъ себѣ кущи на сей Кифѣ. А! а! любезный мой Аввакумъ! Се нынѣ разумю

пѣсенку твою! «На стражѣ моей стану, и взыйду на камень.» Сюда-то взираю твое пророчее око? Сюда-то Кифу издали наблюдала бодрая стража твоя? Сюда-то пѣсня твоя и насъ манила? Блаженно око твое! Прозорливѣе трубъ звѣздозорныхъ. Блаженны поющія намъ уста твоя! Блаженъ и Сіонъ твой: или заротеремъ, пирамида, и столпъ твой: изъ коего высоты простиралися лучи очей голубиныхъ. Не отемняютъ очи твои. Не истлѣютъ уста твоя. И не падеть столпъ твой во вѣки вѣковъ. Прощайте на вѣки! Дурномудрѣя дѣвы, сладкогласныя сирены: съ вашими тлѣнными очима: съ вашею старѣющеюся младостью: съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею, рыданія исполненною, гаванью. Пойте ваши пѣсни людямъ вашего рода. Не прикасается Израиль Гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему, яко левъ возреветъ: и яко вихрь духа, возвищеть въ крылѣхъ своихъ: и ужаснутся чада водъ... Радуйся Кефо моя, Петре мой, гавань моя! гавань вѣры, любви, и надежды! Въмъ ты: яко не плоть и кровь: но слышше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаеши врата, во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятдесятое лѣто плаваю по морю сему: и се достигнухъ ко пристанищу тихому: въ землю святую: юже мнѣоткрылъ Господь Богъ мой. Радуйся градонами Цѣлую ты престоле любезныя страны.

не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ, отъ твоихъ же вертоградовъ! Кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ пасхи: во свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ, ввійдохъ въ обѣтованную землю.

П Р Я

Бѣсу со Варсавою. (*)

Егда во обновленіи Мира собыдося на мнѣ оное: 'Ο Στέφανος τῶν Σοφῶν, Πλῆτος ἐστὶ αὐτῶν.

Вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ.

Прт. яснѣ изрещи:

In cogna sapientum; Divitiæ Eorum.

Тогда во пустынѣ явися мнѣ бѣсъ: отъ полчища оныхъ: Кленуцу нечестивому сатану: Самъ кленеть свою душу. Имя ему Даймонъ (**).

Даймонъ. Слыши, Варсава! младенскій уме! Сердце безобразное! Душо исполнена паучины!

(*) Мысли изъ сей статьи напечатаны были въ «Исторіи философіи», Архим. Гавриила. том. VI. р. 69 Казан. 1840

(**) Даймонъ или демонъ, у Еллинь значить вѣдающій, или вѣдьма: знатокъ (Δαίμων) отсюда (Δαιμονίου) остро, трудное: но неключимое, и непотребное видѣніе. У Равгеллистовъ, снмъ словомъ, имевуются бѣсы.

не поучающая, но паучающая... Ты ли еси творяй странныя догматы (*) и новыя славы?

Варсва. Мы-то Божією милостію рабы Господни есьмы, и дерзаемъ благовѣстити Божію славу сію:

Яко злость трудна и горька:

Благость же легка и сладка.

Дай. Что ли есть благость?

Вар. Гдѣ же что нужность.

Дай. Что есть нужность?

Вар. То, что нѣсть злость.

Дай. Что ли есть злость?

Вар. То, что нѣсть благость.

Дай. Откуда родится нужность?

Вар. Она есть вѣтва благости и блаженства.

Дай. Благость же и блаженство откуда есть?

Вар. Сія вѣтва отъ древа жизни.

Дай. Гдѣ есть древо жизни?

Вар. Посредѣ плоти нашея.

Дай. Что ли есть древо жизни?

Вар. Есть законъ ума.

Дай. Что ли есть законъ ума?

Вар. Свѣтъ тихій святѣя славы, безсмертнаго Отца небеснаго... Образъ Ипостаси Его: Ему же слава во вѣки. Аминь.

Бѣсъ нѣколико бывъ смущенъ, и водрузивъ очи въ землю, помышляше въ себѣ, негодуя

(*) Т. е. мнѣнія мысли.

на странности отвѣтныя. Послѣди же вопро-
силъ: Нынѣ ли убо узаконяеши? и подлагаеши
во основаніе лживую твердь сію: Нужность
не трудна?

Вар. Воистинну глаголю тебѣ:

Елико что нужнѣе

Толико удобнѣе.

Дай. Ты ли написалъ 30 притчей и пода-
рилъ оныя Аванасію Панкову?

Вар. Воистинну тако есть. Сей есть другъ
Варсавѣ.

Дай. Помниши ли едину отъ нихъ, въ коей
бесѣдуетъ Бюффонъ со зміею, обновившею
юность?

Вар. Помню. Я оную притчу увѣнчалъ тол-
кованіемъ такимъ:

Чѣмъ больше добро,

Тѣмъ большимъ то трудомъ

Ограждено, какъ рвомъ.

Дай. А! а! Новый архитекторъ! Нынѣ то
ты мнѣ впалъ въ пругло.

Вар. Исповѣдую согрѣшеніе мое.

Дай. Видиши ли, яко оубранъ на тебе твоя же
воздвизаетъ слава.

Вар. Аще речемъ, яко грѣха не имамы,
себе прельщаемъ...

Дай. Или убо заколи новую твою славу тую:
Нужность не трудна.

Вар. Новое чудо, Боголѣпное: заколю ли?

Дай. Или аще побораеши по ей: Преступника себе обличаеши, разоряя, созданную самымъ тобою прежнюю ограду, оградившую трудомъ домъ: (яко же великолѣпно написалъ еси) всякое благо.

Вар. Нѣсмъ азъ Богъ, и согрѣшаю: нѣсмъ паки бѣсъ, и каюся.

Дай. Охъ! словеса твоя възбѣсиша мя. Не о покаяніи глаголь мой. Не разумѣеши ли, яко грѣхъ нарицается Еллински (Γαμαρτα): гласить же: преступленіе, буйство, заблужденіе, безуміе...

Вар. Вельми разумѣю. Грѣхъ есть слѣпота душевная.

Дай. Почто убо слѣпъ сый, слѣпцовъ дерзаеши наставляти, узаконяя странную и неслышанную славу?

Вар. Почто? того ради, яко каюся.

Дай. О вране нощный! Кайся, раскайся, окаевайся... но не буди творецъ догматовъ новыхъ.

Вар. Кто же можетъ каятися, и прейти на иное: не поставивъ себѣ прежде новыя судьбы, во основаніе? На чемъ станеть? вѣдомо, что духъ покаянія стоитъ на каменномъ островѣ, поправъ прежнюю злобу, обლობызавъ же новую благодать. Сія благодать есть новый адамантъ, подлагаемый во основаніе новозиждемому граду святому. Она есть вѣчное зерно, откуда

произрастаетъ древо нетлѣнныхъ плодовъ и новаго вѣка. Сего ради всеу раздѣляеши не раздѣленное. Кажешися узрѣть брегъ новыя славы, начать новую жизнь, новымъ сердцемъ, новыми плодами: всѣ сіи вѣтвы суть отъ еди-наго древа, и есть едино и тожде. Якоже утро, свѣтъ, солнце, луча, день есть тожде. Како убо реклъ еси мнѣ: кайся: но не буди творецъ догматовъ новыхъ?

Дай. Перестани, реку, высокобуйствовати! Остави прю: и облобызай слывущую искони въ народахъ славу сію:

Dускола та хала.

Еукола та хана.

Gvaуissima Bonitas

Lovissima Mălitia.

Вар. Придожи, аще хоцеша и сіе:

Dulcissima mala

Amarissima bona

Beatissima mala

Miscrissima bona.

Обаче смрада сего, отнюдь не вмѣщаютъ сердце мое. Аще ли будетъ гортань гробомъ отверстымъ? Аще ли возвратятся мнѣ ли-ны очи? вепрово обоняніе? уста Іудины?

Дай. Тако ли убо? На всѣ академіи, на всѣ школы, и на всѣ ихъ книги, брань воздвизаеши?

Вар. Нужда мнѣ надлежитъ на тебе опол-чаться. Во ирещеніи клатвою заклыхся никого-

же слышати, точію развѣ единья премудрости, во евангеліи и во всѣхъ освященныхъ библейскаго Іерусалима, обителѣяхъ почивающія. Открой мнѣ во священной библии хотя едино мѣсто, благословляющее твою славу, и долѣетъ мнѣ. Инако же не нашъ еси, но отъ супостать нашихъ.

Дай. Убо ли глухъ еси, не слышай, яко тѣсный есть путь, ведущій въ царствіе небесное? и яко малое стадо спасающихся? яко мнози възыщутъ внійти, и не возмогутъ? Яко возстанетъ дому владыка, и затворитъ двери..? Ту будетъ плачь, и скрежетъ зубовъ, егда узрите Авраама и Исаака и протч. во царствіи Божіи, васъ же изгонимыхъ вонъ....

Вар. О! клевета, смутившая и смѣсившая горняя со преисподними...

Дай. Внемли же и сему. Бдите, да некогда отягчаютъ сердца ваша... Возстани спяй! Что стоите праздно? Восклонитесь и воздвигните главы ваша... Трудящемуся дѣлателью прежде... И тьма иныхъ мѣстъ. Сіе же мѣсто: Удобнѣ вельблюду сквозѣ иглиныя уши проити... Будетъ тогда скорбь велія, якова же не была непреодолѣнную трудность ко благу облачаетъ.

Вар. Доколѣ мнѣ ругался еси: терпя потерпѣхъ. Нынѣ же нечестивый и козненный! Бога моего благодать предлагаеши.

Дай. Почто, Варсаво, бѣснуешися.

Вар. Путь Божіихъ словесъ превращаеши въ лукавую твою стезю.

Дай. Како сія могутъ быти?

Вар. Како можетъ трудомъ устрашати той, иже призываетъ глаголя: прїидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы. Не клевети убо, день Божій быти скорбь, но твои дни и мои есть скорбь: и не до скорби, но отъ скорби сея отзываетъ обремененныхъ. Твои убо дни суть мерзость запустѣнія, Даниломъ реченная и во твоихъ днехъ горе родящимъ и доящимъ.

Дай. Не рекохъ ли, яко бѣса имаши? Вонми, о бѣсне! Не глаголю: яко не благо есть царствіе Божіе, но яко жестокимъ трудомъ ограждено, и яко къ нему путь тѣсенъ, и приступъ прискорбный.

Вар. Но не ты ли сказалъ: яко сія мѣста благословляютъ славу твою? самъ убо понудивъ мене глаголати о сихъ, нынѣ бѣснымъ мене нарицаеши. Аще бѣснуюся: ты еси вина сего: аще же добрѣ глаголахъ, почто мя злословиши.

Дай. О лись! метаешися, свиваясь и развиваясь въ различный свитокъ. Обаче глаголю тебѣ: яко узкій путь, и тѣсная врата во царство небесное.

Вар. Тѣсная, вѣрно, вельблуду, но человѣку, *любовно* пространная.

Дай. Что ли есть велблюдъ?

Вар. Душа, мірскими бременами отягченна.

Дай. Что ли есть время?

Вар. Богатство, пиры и сласти міра сего: яже суть удица діаволская. Несуть нечестивыи на раменахъ своихъ это неудобноносимое: тяготу же свою, ея же сами суть виновники, везвергають на царствіе Божіе.

Дай. Уа! Нынѣ не обвинуся исповѣдалъ еси; яко трудень путь. Побѣдихъ! Тѣсенъ, узкій, трудень есть тожде.

Вар. Во истинну неудобень и трудень злымъ мужамъ. Но они за самими собою влекутъ трудность. На пути же Божіемъ не обрящутъ и нынѣ ея во вѣки. Злоба благоту во вредъ, въ трудъ и болѣзнь сама собою себѣ же превращаетъ.

Дай. Что ли есть злость?

Вар. Почто мя искушаеши лицемѣре? рекохъ тебѣ уже: яко злость есть то что нѣсть благодсть. Она есть духъ губительный, все во всегубительство преображающій.

Дай. Како возмогутъ сія быти?

Вар. Не искушай мене, пытливая злобо, не смущай сердца моего. Не во благодсть, но во злость ревнуеши знати.

Дай. Но подобаетъ же тебе обличити: како злоба дѣлаетъ сладкое горькимъ, легкое же труднымъ. ●

Вар. О, роде развращенный! доколѣ искушаеши? Воистинну глаголю тебѣ: яко елико что благо есть, толико и творити и вѣдѣти удобно есть.

Дай. Камо идетъ слово твое, не вѣмъ.

Вар. Камо? молвиши ты о сей истинѣ, яко злоба дѣласть труднымъ, испытуеши, како бываетъ сіе? Сія же истина блистаетъ паче солнца въ полудни, яко все истинное, и легкое и ясное есть.

Дай. Како же ясное, аще азъ не вижу?

Вар. Нѣсть удобнѣе, якоже удобно есть видѣти солнце. Но сіе трудъ и болѣзнь есть нетопыру. Обаче трудъ сей самъ за собою носить, во очахъ своихъ возлюбившихъ тьму, паче свѣта... Предложи сладкоздравую пищу болящему, но онъ со трудомъ вкушаетъ. Возведи путника на гладокъ путь, но онъ слѣпымъ и хромымъ соблазнь и претыканіе, развращенно же и превратно шествующимъ, горестъ, трудъ и болѣзнь.

Дай. Кто ли развращенно ходитъ?

Вар. Той, кто въ дебри, въ пропасти, въ безпутныя и строптивыя халуги отъ пути уклоняется.

Дай. Кто же ли превратно шествуетъ?

Вар. Той, кто на рукахъ, превративъ ноги свои выспрь, или не лицомъ, но хребтомъ (задомъ)

Дай. Не мучи мене, рцы кія?

Вар. Воля твоя.

Дай. Се нынѣ разумѣхъ, яко бѣса имаши. Глаголеши неистова.

Вар. Ей! Паки и паки глаголю тебѣ, яко всякъ обожившій волю свою, врагъ есть Божіей волѣ, и не можетъ внійти во царствіе Божіе. Кое причастіе животу у смерти? Тъмѣ же у свѣта? Вы отца вашего діавола похоти любите творити: сего ради и трудно вамъ и невозможно.

Дай. Како убо колесницею нарицаеши волю?

Вар. Что же ли носить и возбѣшаетъ васъ, аще не непостоянныя колеса воли вашей, и не буйныя крила вѣтранныхъ вашихъ похотей? Сію вы возлюбивши и возсѣвши на ней, яко на колесницѣ, ищите ея, шіаны ею, во днехъ царствія Божія и Воли Его, но не обрѣтаете и глаголете, уввы! трудно есть царствіе Божіе. Во время оно, явится, какъ древле Сампсону, по жестокомъ сладкое, или, какъ еще древнѣе, по потопѣ дуга, и миръ Ноевъ.

Дай. Кто убо вина? Не воля ли дадеся челоуѣку?

Вар. О, злобо, не клевети премудрости. Дана намъ воля, но съ стремленіемъ иль къ добру иль къ злу. Писано бо есть: Предложихъ тебѣ огонь и воду. Сіе значить, что у воли сугубо естественъ путь: десный и шуиѣ.

Но вы возлюбивше волю вашу паче воли Божіей, вѣчно сокрушаетесь на пути грѣшныхъ. Не самъ ли убо еси вина?

Дай. Почто убо предложена зла воля челоуѣку? лучше бы не бытіи ей во вся.

Вар. Почто беззаконникамъ предлагаешь мучительная, орудія судія. Того ради, яко да тѣми мучимы навикнуть покарятися правдѣ. Инако же колико бы удалялися отъ благодѣтельницаи сея: аще толь мучимы едва покарятся.

Дай. Откуда убо мнѣ сіе, яко воля мнѣ моя благоугодна есть: и паче меда услаждаетъ мя? Вопреки же, Божія воля, Пельнь мнѣ, и алой есть, и раны...

Вар. О бѣдная злобо! нынѣ самъ исповѣдалъ еси окаянство свое. Не мене убо, но самъ себе о семъ вопрошай. Не я, но ты еси стражъ и хранитель тебѣ. Провижу со ужасомъ разореніе въ душѣ твоей: вину же сего обличить ужаюсь.

Дай. Прелщаешься, Варсаво, мня, яко ищу суда отъ тебе. Но твой умъ младенствуетъ. Писано же есть: Бывайте младенцы во злобѣ: но не во умѣ. Не прійдохъ пріяти, но дати совѣты.

Вар. Отъ всѣхъ вашихъ бранныхъ совѣтовъ, даже отъ юности моя, омыхся уже въ

Силлоамъ. Господь даде мнѣ око свое, и не постыжуся.

Дай. Чудное око твое, видящее то, что нигдѣ же обрѣтается. Гдѣ бо сердце подобное твоему? Возлюбилъ еси странность. Что убо? Даже ли все общес и все бываемое въ мірѣ, все ли то есть зло? Единая ли странность блага?

Вар. Не отвлекай мене татьски, въ кривую стезю. Путь слова моего есть о трудности, гнѣздящейся во адѣ, изгнанной же изъ Едема. Хочеша ли о странности?

Дай. Сотворимъ едину борьбу и о семъ: есть со мною научаяй руцѣ мои на ополчение. Предложи убо мнѣ хотя едино: бываемое на торжищи міра сего, общедѣемое у всѣхъ и вездѣ и всегда, нѣсть ли оно скверное, трудное и мучительное? Довлѣеть...

Вар. Фу! предлагаю тебѣ у всѣхъ, вездѣ, всегда дѣемое: и оно вселми благо есть. Не всѣ ли наслаждаются пищи и питія: не вездѣ ли и всегда? и сіе есть благо: яко же писано.

Вар. Ты, Господи: избави мя отъ Голіафа сего, изострившаго, аки мечъ, языкъ свой... Гдѣ же больше богомерзостей, враждъ, болѣзней, аще не во общеніяхъ мірскихъ, имъ же Богъ, чрево? На всѣхъ непотребныхъ вечеряхъ и трапезахъ ихъ, яко же рука, реченная Даниломъ, на стѣнѣ шипеть: тако гремитъ громъ Божій сей: нѣсть радованіа же

честивымъ. Коль же малое стадо въ сравненіи со Содомлянами домъ Лотовъ! Тамъ витають Ангелы вовеселіи. Много ли въ тысящѣ обрящени, кои ядятъ и піють, не во страданіе, но во здравіе, по оному:

Аще ясте, аще ли піете и протч. вся во славу Божию творите... Како убо глаголеша, яко ядятъ хлѣбъ? Не паче ли въ потѣ лица, и въ трудахъ ядятъ не благословенный хлѣбъ свой сей:

Сладокъ чловѣку хлѣбъ лжи:

Послѣжде же обращается ему въ каменіе. Истинный же причастникъ вкушаетъ, со благодареніемъ хлѣбъ по Соломонову слову:

Лучше округъ хлѣба съ водою въ мирѣ и піеть вино свое во блазѣ сердцѣ ономъ:

Трапеза, дышущая коварствомъ, грабленіемъ, не сей ли есть хлѣбъ лжи? Господи, николиже ядохъ сквернаго...

Дай. А! а! Но обаче убо ялъ.

Вар. Ялъ убо, но уже освященное. Аще бы то не угодно было Богу: не вкусилъ бы. Не многоцѣнность, но освящающая правда, трапезу сладкую творить. Прійди и яжды во веселіи хлѣбъ твой и протч. Но лукава твоя кознь: показавъ хвостъ, утаилъ еси виновницу веселія, тамъ же сущую, освящающую главу сню:

Яко же угодна Богу творенія твоя.

Въждъ же и сіе: яко нареченное Ап. Петромъ скверное: лежитъ въ Римскомъ: *Соттинѣ*, сирѣчь общее: Еллински (*хολοου*). Сіе же Еллинское, знаменуетъ у римлянъ благо: *Соенит*. Кій убо мнѣ предлагаеши хлѣбъ твой? Самъ вкушай! Мірская община мерзска мнѣ и тяжка. Сладка же и добра есть дивная странность, странная новость, новая дивость. Сію благочестивые возлюбше, устраниются міра: не міра, но сквернаго сердца его.

Изыдите: и нечистотѣ ихъ не прикасайтесь: изыдите отъ сердца ихъ: глаголетъ Господь.

Дай. Буди здраво, яко же глаголалъ еси! Обаче вѣра во Христа, изшедшая благовѣстіемъ въ концы вселенныя, не вселенское ли общеніе? и не благо ли есть?

Вар. Ахъ, остави, молю. Міръ, суетное точию лице носить подъ листвіемъ проклятыя смоковницы, имущія образъ благочестія, плодовъ же его отвергшіяся, наготу свою покрывая: лицемѣръ или лицевѣръ: сусѣвъръ и повишленная гробница; Духъ же вѣры, и плоды его когда онъ имѣеть? Никогда. Мниши ли, яко обрящеть Сынъ человѣческой на землѣ вѣру? Ни! ни! нѣсть здѣ! воста. Что ищете живаго, благоуханнаго въ смрадномъ, содомскомъ и мертвомъ блатѣ его! Тамо! тамо его узрите. Гдѣ же тамо? Тамо, гдѣ нѣсть смрадъ. Ахъ; въ Сигорѣ. Тамо Лотъ! Тамо духъ вѣры! Тамо

Благоуханіе наше, не со обеттавшими Евами,
но со богорожденными и чистыми дѣвами.

Не бойся малое стадо. О сладчайшая Галилея! Граде и Пире (*) малыхъ! Блаженъ, иже снѣсть объдѣ твой! Что ли есть плоть? То, что мѣръ. Что есть мѣръ? Ядѣ! ядѣ! тѣя! Ахъ, око и свѣтъ, вѣра и Богъ, есть тожде (**). Мелкое око — свѣтильникъ тѣлу. Маленькая церковь свѣтъ міру. О! прекрасная невѣсто! Тебѣ подобаеъ единой слышати сіе: Очи твои, яко голубины. Изыди отъ среди ихъ: въ Сигоръ спасайся. Изыдите малые во воскресеніе и мало ихъ есть...

Дѣйм. Дѣй! дѣй! аще все общее сверно есть: како убо общее воскресеніе честно и свято увѣряемое Лазаревымъ воскресеніемъ?

Варс. Тако, яко общее вѣрнымъ, не міру во блатѣ лежащему. Инако же все ему общее безчестно. Внялъ ли еси?

Дѣйм. Вельми внялъ: яко ты мнѣ нынѣ, аки птица въ сѣтъ ятъ еси.

Варс. Ятъ! но не удержанъ.

Дѣйм. Не чувствуеши? И не устрашаешися.

Варс. Праведникъ дерзаеъ, аки левъ...

(*) Въ подлинникѣ: малыхъ малыхъ!

(**) Въ сочетаніи понятій о духовныхъ предтечахъ.

ПРЕДЪЛЪ:

ЯКО

все, еже въ мѣрѣ, похоть очесъ, трудъ
и горестъ:

Дайм. Уготови лице твое, Варсаво, на обличеніе.

Варс. Аще хочещи, готовлю и на оплеваніе.

Дайм. Вѣмъ, яко обличеніе трудъ и горестъ тебѣ.

Варс. Обличи грѣхъ мой во мнѣ; между имъ и мною вѣчная вражда.

Дайм. Не ты ли сказалъ еси, яко мѣръ есть безчисленное сборище беззаконныхъ? и яко вопреки малолюднѣе стадо благочестивыхъ?

Варс. Во истину тако есть.

Дайм. Убо не тожде ли есть сказать и сіе беззаконіе легкое, благочестіе же трудно и тяжело? Како бо не трудно, аще сіе малымъ-малымъ: оное же вѣмъ достигаемое?

Варс. Тѣфу! Putaba te cognua habere.

Дайм. Что ли? начинаешь глаголати иными языки?

Варс. Скажи мнѣ, Госноди, истину твою.

Устрой сердце и языкъ мой во слово правды твоея.

Дѣйм. Уа! шепчешъ се тебѣ удареніе, Варсаво!

Варс. Чаяхъ, яко избодешъ рогами и се ударъ младенческой. Аще благость трудна: Богъ виною есть страждущему міру. Нынѣ же вины не имуть о грѣхѣ своемъ, возлюбивше горестъ свою, паче сладости его! Дѣй! красти ли? или не красти? что ли труднѣе? обаче весь міръ полнъ татей и разбойниковъ?... Зависти, грабленія, тяжбы, татьбы, убійства, хулы, клеветы, лжесвѣдѣнія, лихоимства, любодѣянія, студодѣянія, суетвѣрія.... Се всеродный цетовъ Ноевскій, власы и главу міру подавляющій. Обаче міръ вся сія творити радуется. По устѣху беззаконій своихъ и мудрость, и славу, и благодарность и сласть и блаженство опѣиваетъ. Не право убо судилъ еси, обаче право реклъ еси, яко трудность есть виною грѣху ему. Се бо міръ адскую дщерь сію трудность и горестъ отъ всего сердца своего возлюбившій, возненавидѣлъ Божию благодать, призывающую его. Прійдите ко мнѣ! Азь упокою вы. Колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте. Ходите во пламени огня вашего за то: ево же сами себѣ разжегосте. Накажетъ тя отступленіе твоё и злоба твоя. Дивися нынѣ: и не добаесть дивитися, яко погибающему міру, не

Богъ: отверзшій двери, и объятія отча, но самъ онъ есть себѣ, и его воля виною.

Воля! о несытой адъ!

Все тебѣ ядъ. Всѣмъ ты ядъ.

День—нощъ челюстями зѣваешь.

Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь.

Аще змію сію заклать?

Се! упраздненъ весь адъ.

Онѣмѣй убо и молчи! Не клевети на Бога! и не лай на отверстыя врата блаженства! Отверстыя врата не винны суть малости спасаемыхъ. Ахъ, проклятая воля! Ей! ты едино міру, аки левъ изъ ограды своя, преграждаеши ему *путь*, во блаженный *исходъ* живота оный: Изыйдите, и възиграете, яко тельцы, отъ узъ разрѣшенны. Оправдася же намъ въ пользу древняя притча.

Turdus, ipse sibi malum creat. (*) Погибель дроздова изъ внутрь его исходитъ.

Дѣйм. Кто убо можетъ сотворити путь во блаженный оный исходъ?

Варс. Всякъ, аще кто восхощетъ; хоцетъ же возлюбившій Бога. Сія новая любовь творитъ исчезати ветху, ветха же исчезая, помалу—малу преобразуется въ новую волю, и въ

(*) Дроздики, или Польски, косики ржащія, какъ кони: отъ ловцовъ уловляются, увязши во свою Дроздовку мотыгу.

новое сердце взаимно: Исчезе сердце мое и плоть моя. Боже сердца моего! Сіе есть сердце мое въ Тебѣ: Ты же взаимно въ сердце мнѣ преобразился. Нынѣ что мнѣ есть на небесахъ и отъ Тебе, что восхотѣхъ на земли? Ты единъ довлѣши мнѣ.

Дайм. Како убо? тамо чрево, здѣ же злу волю нарицаеши мірскимъ Богомъ. Аще ли два міру суть Боги?

Варс. Уа! остръ еси блюститель моихъ преткновеній. Ночь, тьма, мракъ, мечты, призраки, страшилища, всѣ сіи адскія езера союзны своей безднѣ. Воля плоти, сердце міра, духъ ада, богъ чрева, и похоть его, сердце нечистое — есть тоже. Се есть нечистая сердечная бездна, раждающая во мгновеніи ока безчисленные легіоны духовъ, и тмы мысленныхъ мечтъ въ мученіе всѣмъ. Имже мракъ темный во вѣки блюдется. О міре, возлюбившій трудъ и горестъ! Коль скоро снисходиши во адъ и не возвращаеши. Сатана ослѣпилъ око твое. Сія слѣпота есть мати житейскихъ похотей и плотскихъ сластей. Сіи суть червь неусыпающій, и огонь неугасающій. Сіи укрѣпиша тебѣ верей вратъ адовыхъ, затвориша же райскія двери блюдущему пяту Божію, хранящему суетная и ложная, ядущему всѣ дни живота своего землю. Но увы мнѣ! се! пловущи на морѣ міра сего: се вижу издавеча землю свя-

тую! О сладчайшій желанный краю! Спаси ми
отъ пакостника, и отъ мора міра сего.

КРАЙ РАЙСКІЙ.

Благословенно царство блаженнаго от-
ца, положшаго потребная во удобности,
неудобная же дѣла, во непотребѣ.

Дай. Отрыгаеши несличную непотребность.
Во истину пьяный еси.

Вар. Ей! упихся новымъ лотовымъ виномъ.
Ты же ветхимъ содомскимъ.

Дай. Но чувствуеши ли, пѣвая главо исходъ?
Въ кую мечту улучшаетъ стрѣла словъ твоихъ?

Вар. Ей, она въ самый конь разить, и въ
самую исконную исту, праволучно ударяетъ.

Дай. О, праволучный стрѣлецъ! стрѣляеши
во главу: а удареши во пятау.

Вар. Истину рекъ еси нехотящій. Пята бо
ваша есть во главу угла, во всѣхъ домахъ ва-
шихъ. Праотець вашъ змій, искони блюдетъ
пятау. И вы, любя-любите, и блюдя-блюдете
пятау. Пята есть глава и начало всѣмъ, иже
врата адова одолѣли, всѣмъ, лжу мрака хра-
нящимъ. Мы же, стрѣляя стрѣляемъ во лже-
главу вашу сію. Да воскреснетъ истинна наша
глава она: той сотретъ твою главу... Нѣсть
бо наше стрѣляніе на плоть и кровь, но на

міродержцы и владыки. омраченнаго вѣка сего, на блюдушія пятау, злобныя духи. Управляетъ же стрѣлы наши научаяи руцѣ наша на стрѣляніе.

Дай. О буій! исполненъ сѣтей паучиныхъ! вижу нынѣ, яко у тебе пять ячеменныхъ хлѣбовъ: честны суть паче предрагоцѣннаго адманта. Зри безмѣстный, и неключимый словъ твоихъ исходъ! удобнѣйши ли пять хлѣбовъ?

Вар. Ей!

Дай. Како же честнѣйшій?

Вар. Тако ли? Во истину глаголю тебѣ, яко полхлѣба есть честнѣйшій Его.

Дай. Почему?

Вар. Не рекохъ ли уже тебѣ, яко всяка удобность честна есть? Всяка же честность есть удобна? Но всякая трудность есть безчестна. И всякая безчестность есть трудна.

Дай. Кія мнѣ пленицы соплетасши, нечестивый? Азъ о драгости, ты же глаголеши о грудности. Почто возсмѣялся еси? сказуй мнѣ, о бѣсне! не мучи мене...

Вар. Ты сотворилъ еси самъ смѣхъ мнѣ, раздѣливъ честность отъ удобности, драгость же отъ трудности.

Дай. Ей! угле мнѣ на главу возливаещи, нарицая мене невѣждою. Даймонъ есмь: иѣсмь буій. Нарцы мя чѣмъ либо, но сего не тер-

плю... Рцы же мнѣ: чего ради алмаантъ безчестный?

Вар. Того ради, яко неудобный.

Дай. Откуду неудобный?

Вар. Оттуду, яко ненужный.

Дай. Како же ненужный?

Вар. Яко не полезный.

Дай. Почему не полезный?

Вар. Потому, что драгоцѣнный, трудный, неудобный, все то одно.

Дай. А! а! вокругъ нечестивыи ходять? Паки на первое *Lupus circa Puteam egat*: яко же есть притча.

Вар. Убо благокругла есть истинна, аки дуга вѣчная.

Дай. Не прозрѣль ли ты, слѣпый слѣпче, яко у Еллиновъ, слово сіе: (*Τίμος*) знаменуеть и драгий, и честный, и есть тожде?

Вар. Отъ устъ твоихъ сужду, и твоимъ мечемъ бодутя. Аще у Еллинъ драгий и честный есть тожде: тогда и вопреки, честный и драгий есть тожде.

Дай. Что се рекль еси? О, буій! Камо летить сія твоя криволучная стрѣла? Не провижу.

Вар. О господине Галате! На твою главу.

Дай. Охъ, заушаеша мя, нарицающа Галатомъ. Не опалай мя, молю, симъ седмичнымъ огнемъ.

Вар. Вонми же! ты драгость вогналъ еси въ честность. Азь же честность твою изгоняю въ драгость.

Дай. Сіе въ лице тебѣ, яко драгость и честность тожде есть.

Вар. Сіе же на главу твою, яко честность твоя, и драгость есть тожде...

Дай. Что же отсюду?..

Вар. То, яко честность твоя преобразилася во драгость.

Дай. Что-же далѣе?

Вар. Что прочее? Не постигаеши? то, что честность твоя и драгость, драгость и трудность: есть тожде. Трудность же злость и безчестность: тожде паки есть; внялъ ли еси?

Дай. О, діаволь да станеть одесную тебе! толь помрачаеши мнѣ умъ!

Вар. Кленущу нечестивому сатану, самъ вленеть свою душу.

Дай. Кій же бѣсъ сотворилъ драгость честностию?

Вар. Духъ, возлюбившій трудъ и болѣзнь.

Дай. Кій сей духъ есть?

Вар. Духъ моря мірскаго; сердце плотское, отецъ лжи, сатана, всякія муки вина, и всякія злости источникъ.

Дай. Ты же како мудрствуеши?

Вар. У насъ польза со красотою, красота же съ пользою нераздѣльна. Сія благодвоеоб-

разна, и мати и дѣва: и дѣвствуетъ и раждаетъ едину дщерь. Она нарицается Еврейски: Анна. Римски: Флора. Словенски же: честь, цѣна, но безцѣнная, сирѣчь богатая, дарная, даремная. Баба же ея нарицается Еллински: Анапка. Прабаба же: Ева, сирѣчь жизнь, живый и вѣчно текущій источникъ.

Се есть намъ премудрость, и Промысль Божій, напаяющій безъ цѣны и сребра тварь всякую всеми благими. Отець, Сынъ, и Святыи Духъ.

НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ КО ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОПРАВІЮ. НАПИСАНА ВЪ 1766 ГОДУ ДЛЯ МОЛОДАГО ШЛЯХЕТСТВА ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, А ОБНОВЛЕНА ВЪ 1780 ГОДУ.

ПРЕДДВЕРІЕ.

Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ.

Нѣтъ слаще для человѣка, и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье: нѣтъ же ничего и легче сего.— Благодареніе блаженному Богу!

Царствіе Божіе внутрь насъ. Счастіе въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго.

Сіе есть не престающее відро и не заходящее солнце, тму сердечнымъ бездны пресвѣщающее.—Благодареніе блаженному Богу!

Что было бы тогда, есть ли бы счастье, пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яскѣ: что было бы тогда, есть ли бы счастье заключилъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бѣдны. Ктобъ могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?

Кое же то и счастье, утвержденное на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть трудное? Ей, трудное и невозможное. Благодареніе блаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ!

Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачишь по дворцамъ, не ползай по шару земному... Златомъ можешь купить деревню, вещь

трудную, яко обходимую:—а счастье, яко не-
обходимая надобность, туне вездѣ и всегда
даруется. Воздухъ и солнце всегда съ тобою,
езде и туне: все же то, что бѣжить отъ те-
бя прочь, знай, что оно чуждое и не почи-
тай за твое; все то чужое и лишнее. Что
же тебѣ нужды? потому то оно и трудно.
Никогда бы оно отъ тебя не разлучилось, есть
ли бы было необходимо.

Благодареніе блаженному Богу! счастье не
отъ небесъ, ни отъ земли не зависить.

Скажи съ Давидомъ: *что ми есть на не-
беси? и отъ тебе что восхотѣхъ на земли?*

Что же есть для тебя нужное? То, что са-
мое легкое. А что же есть легкое? О! другъ
мой! все трудное и тяжелое есть горькое и
злое, и лживое. Однако, что есть легкое? То,
другъ мой, что нужное. Что же есть нужное?
Нужное есть только одно:

Едино есть на потребу.

Одно только для тебя есть нужное, одно
же только и благое и легкое: а прочее все
трудъ и болѣзнь.—Что же есть оное единое?
Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь,
ломъ, кружь, стѣнь, и плоть: и то, что лю-
безно и потребно, есть едино, вездѣ и всег-
да. Но сіе едино все горстію своею и прахъ
плоти твоя, содержитъ. Благодареніе жъ бла-

женному Богу, за то, что все насъ оставляетъ и все для насъ трудно, кромѣ того, что потребно, любезно и едино.

Многія тѣлесныя необходимости ожидаютъ тебя, и не тамъ счастье: а для сердца твоего единость на потребу, и тамо Богъ и счастье. Не далече оно, близъ есть, въ сердцѣ и душѣ твоей. Въ сей ковчегъ ведетъ и наше десятиглавная бесѣда, будто чрезъ десять дверей: а я желаю, чтобы душа твоя, какъ Ноева голубица, не обрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, Кто поживаетъ въ сердцѣ твоёмъ, дабы собылося оное Ісаиино вѣщаніе:

Будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ, и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди упокоши. VIII. 12.

Сего желаетъ

Григорій, сынъ Саввы Сковороды.

Твердь бесѣды

*Истина Господня пребываетъ во вѣки.
Во вѣкъ Господи, слово Твое пребываетъ.
Закоу Твой посреди чрева моего.
Слово плоть бысть и вселися въ ны.
Посреди васъ стоитъ, Его же не вѣсте.*

ГЛАВА I.

О Б о г ъ.

Весь міръ состоитъ изъ двухъ натуръ: одна видимая, другая невидимая.

Видимая натура называется тварь.

Богъ, какъ Существо невидимое, всю тварь проникаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Напр. тѣло человеческое видно: но проникающій и содержащій оно умъ не видѣнъ.

По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался *умъ всемірный*. Емужъ у нихъ были различныя имена, напр. *Бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость*, и проч. А у христіанъ знатнѣйшія Ему, имена суть слѣдующія: *Духъ, Господь, Царь, Отецъ, Умъ, Истина*. Умъ вовсе есть не вещественъ: а истина, вѣчнымъ своимъ пребываніемъ, совсѣмъ противна непостоянному веществу. Что касается до видимой природы, то ей также не одно имя. Напр. вещество или матерія, земля, плоть, тѣнь, и проч.

ГЛАВА II.

О ВѢРѢ.

Какъ теперь малая только часть людей истинно разумѣетъ Бога, такъ неудивительно, что и у древнихъ часто публичною ошибкою почитали вещество за Бога, и за тѣмъ все свое Богопочитаніе отдали въ посмѣяніе.

Однакоже въ томъ всё вѣки и народы всегда согласно вѣрили, что есть тайная нѣкая, всѣмъ владѣющая сила.

По сей причинѣ, для чести и памяти Его, по всему шару земному общенародно были всегда посвящаемы храмы, да и теперь вездѣ все то же. И хотя напр. подданный можетъ ошибкою почестъ камердинера за господина: однакожь въ томъ никогда не спорить, что есть надъ нимъ владѣлецъ, котораго онъ, можетъ статься, въ лицо не видывалъ.

Подданный его есть всякій народъ, и равно каждый признаетъ предъ нимъ рабство свое. Таковая вѣра есть обща и проста.

ГЛАВА III.

О ПРОМЫСЛѢ ОБЩЕМЪ.

Сіе-то блаженнѣйшее существо или Божественный Духъ, весь міръ, какъ будто ма-

шпинистова хитрость часовую на башнѣ машину въ движеніи содержить, и по примѣру попечительнаго отца, самъ бытіемъ есть всякому созданію.

Самъ одушевляетъ, кормить, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ, и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ, или уставомъ зовется, опять въ грубую матерію, или грязь, обращается: и мы то называемъ смертію.

По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ, или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорціяхъ, или размѣрахъ упражняется, вытѣпливая по разнымъ фигурамъ, напр. травы, дерева, звѣрей и все прочее.

Сей Промыслъ есть общій, потому что касается до благосостоянія всѣхъ тварей.

ГЛАВА IV.

О ПРОМЫСЛѢ ОСОБЕННОМЪ ДЛЯ ЧЕЛОВѢКА.

Сей чистѣйшій, всемірный, всѣхъ вѣковъ и народовъ всеобщій умъ, излилъ намъ, какъ источникъ, всѣ мудрости и художества, къ проведению житія нужныя. Но ничѣмъ ему такъ не одолженъ всякій народъ, какъ тѣмъ, что онъ далъ намъ самую высочайшую свою

Премудрость, которая природный его есть отблескъ, сіяніе и печать.

Она столько превосходитъ прочіе разумныя духи, сколько наслѣдникъ лучше служителей.

Она какъ бы похожа на искуснѣйшую архитектурную симметрію, или модель, которая по всему матеріалу, нечувствительно простираясь, дѣлаетъ весь составъ крѣпкимъ и спокойнымъ, всѣ прочіе приборы содержащимъ.

Такъ слово въ слово и она: по всѣмъ членамъ политическаго корпуса, изъ людей, не изъ камней состоящаго, тайно разлившись, дѣлаетъ его твердымъ, мирнымъ и благополучнымъ.

Есть ли, напримѣръ, какая фамилія или городъ, или государство по сей моделѣ основано и учреждено: въ то время оно бываетъ радомъ, небомъ, домомъ Божиимъ, и проч. А есть ли одинъ какой человекъ созиждетъ по ней житіе свое: въ то время бываетъ въ немъ страхъ Божій, святыня, благочестіе, и проч. И какъ въ тѣлѣ человѣческомъ одинъ умъ; однако разное, по разсужденію разныхъ частей, дѣйствуетъ: такъ и въ помянутыхъ сожителствахъ, сею Премудростію связанныхъ, Богъ чрезъ различные члены, различныя въ пользу общую производитъ дѣйства.

Она во всѣхъ нашихъ всякаго рода дѣлахъ и рѣчахъ душа, польза и краса: а безъ

нея все мертво и гнусно... Родимся мы всё безъ нея, однако для нея. Кто къ ней природнѣе и охотнѣе, тотъ благороднѣе и острѣе: а чѣмъ большее кто съ нею имѣеть участіе, тѣмъ дѣйствительнѣйшее, но непонятное, внутри чувствуетъ блаженство, или удовольствіе.

Она-то есть прекраснѣйшій образъ Божій. Напечатываясь на душѣ нашей, Богъ дѣлаеть насъ изъ дикихъ и безобразныхъ монстровъ или уродовъ, человѣками; то есть: не звѣрскими, къ содружеству и къ помянутымъ сожительствамъ годными, не злобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми.

А есть ли уже она вселилась въ сердечныя человѣческія склонности: въ то время точно есть тожъ самое, что въ движеніи часовой машины *темпо* (*tempo*), т. е. правильность и вѣрность. И тогда-то бываетъ въ душѣ непорочность и чистосердечіе; какъ бы райскій нѣкій духъ, вкусъ, плѣняющій къ дружелюбію.

Она различаетъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостію, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ; и не иное что есть, какъ блаженнѣйшій образъ Божій, тайно на сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ.

Въ то время сердце наше дѣлается чистымъ источникомъ благодѣтій, несказанно душу

веселящихъ; и тогда-то мы бываемъ истинными по душѣ и по тѣлу чловѣками, подобными годнымъ для строенія четверугольнымъ камнямъ, изъ каковыхъ живый Божій домъ составляется, въ которомъ Онъ особливую царствуетъ милостію.

Трудно неоцѣненное сіе сокровище проникнуть и примѣтить: а для одного сего любить искать ея (Премудрости) не легко.

Но сколько она снаружи не казиста, столько внутри важна и великолѣпна; похожа на маленькое напримѣръ смоквенное зерно, въ которомъ цѣлое дерево съ плодами и листомъ закрылось: или на маленькій простой камушекъ, въ которомъ ужасный пожаръ затаился. Для оказалости намѣчали ее всегда признаками; и она будто какой-то Принцъ, имѣла свои портреты, печати, и узлы, разные въ разныхъ вѣкахъ и народахъ.

Ея - то былъ узелъ напр. змій, повѣщенный на деревѣ предъ Евреями.

Ея гербъ: голубь съ масличною во устахъ вѣтвию. Являлась она въ образѣ льва и агнца, и царскій жезлъ былъ ея жь предметомъ, и проч.

Таилась она и подъ священными у нихъ обрядами, напр. подъ яденіемъ пасхи, подъ обрѣзаніемъ, и проч. Закрывалась она подъ разнообразными прообразованіями (типами) и

подъ гражданскими исторіями, напр. подъ повѣстью о Исаакѣ и Іаковѣ, о Саулѣ и Давидѣ, и проч.: и однимъ тайнымъ своимъ присутвіемъ сдѣлала тѣ книги мудрыми.

А въ послѣдовавшія уже времена показала она во образѣ мужескомъ, ставъ Богочеловѣкомъ.

Какovýmъ же способомъ Божія сія Премудрость родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ отца, какъ Она воскресла и опять къ своему Отцу вознеслась, и прочая, пожалуй, не любопытствуй.

Поступай и здѣсь такъ, какъ бы на нѣкомъ зрѣлищѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется: а за ширмы и за хребетъ театра не заглядывай. Сдѣлана сія занавѣса нарочно для худородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердець; потому что худородность, чѣмъ въ ближайшее знакомство входитъ, тѣмъ пуше къ великимъ дѣламъ и персонамъ учтивость свою теряетъ.

На что тебѣ спрашивать напр. о воскресеніи мертвыхъ, есть ли и самый даръ—воскрешать—ничто не пользуется бездѣльной душою? Отъ таковыхъ—то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія, и прочія язвы, которыми вся Европа беспокоится.

Важнѣйшее дѣло Божіе есть: одну безпутную душу оживотворить Духомъ своихъ за-

повѣдей, нежели изъ небытія произвести новый земный шаръ; населенный беззаконниками.

Не тотъ вѣренъ Государю, кто въ тайности его вникнуть старается: но тотъ, кто волю его усердно исполняетъ.

Вѣчная сія Премудрость Божія, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, неумолчно продолжаетъ рѣчь свою. Но мы не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишеніемъ слуха; а самая большая часть по несчастному упрямству, отъ худаго зависящему воспитанія.

Прислушивались нетлѣнному сему гласу премудрые люди, называемые у Евреевъ Пророками; и со глубочайшимъ опасеніемъ повелѣваемое исполняли.

Она начало и конецъ всѣхъ книгъ Пророческихъ; отъ нея, чрезъ нее, и для нея все въ нихъ написано.

По сей причинѣ разныя себѣ имена она получила. Она называется образъ Божій, слава, свѣтъ, слово, воскрешеніе, животъ, путь, правда, миръ, оправданіе, благодать, истина, сила Божія, имя Божіе, и проч. А самые первѣйшіе Христіане именуютъ ее Христомъ, то есть помазанникомъ-Царемъ; потому что одна она управляетъ къ вѣчному и временному счастью всѣхъ государствъ, всякія сожителства, и каждого порознь. Да и кромѣ того у древнихъ цар-

стесненнымъ называлось все то, что верховнымъ и главнѣйшимъ почиталось.

Провидѣль было Авраамъ блаженнѣйшій свѣтъ ея, и на ней увѣрившись, сдѣлался со всюю фамилею справедливымъ, и съ подданными благополучнымъ: однако она и прежде Авраама всегда у своихъ любителей жила.

А Моисей, по тогдашнему, написалъ ея велѣнія на каменныхъ доскахъ, и такъ сдѣлалъ, что невидимая Премудрость Божія, будто видимый человекъ, чувственнымъ голосомъ ко всѣмъ намъ рѣчь свою имѣеть.

Сія рѣчь, понеже отъ него раздѣлена на десять разсужденій, или пунктовъ, потому названа *Десятословіемъ*.

ГЛАВА V.

О ДЕСЯТОСЛОВІИ.

1. Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будтъ тебѣ вози ини развѣ мене. Яснѣе сказать такъ:

Я глава твоего благополучія и свѣтъ разума. Берегись, чтобъ ты не основалъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, искусствахъ и вымыслахъ, хотя бь они изъ Ангельскихъ умовъ родились: Положись на меня крѣпко: есть ли

жъ, меня минуѣ, заложишь вѣкъ твой на иной премудрости: то она тебѣ будетъ и Богомъ, но не истиннымъ; а посему и счастье твое подобно будетъ воровской монетѣ.

II. Не сотвори тебѣ кумира, и всякаго подобія, велика на небеси горъ, и велика на земли низу, и велика въ водахъ подъ землєю, да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ.

А на малоцѣнныхъ, низкаго сорта камняхъ еще больше не велю тебѣ строиться, т. е. на видимостяхъ. Всяка видимость есть плоть, а всяка плоть есть песокъ.

III. Не приемли ивни Господа Бога твоего всуе.

Смотри-жъ во первыхъ: не впади въ ровъ безумія, будто въ свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимостей, и будто имя сіе (Богъ) пустое есть. Въ сей то безднѣ живутъ клятвы ложныя, лицемѣріе, обманы, лукавства, измѣны, и всѣ тайныхъ и явныхъ мерзостей страшилища. А вмѣсто того напиши на сердцахъ: что будетъ судъ Божій, готовъ невидимо жечь и сѣчь невидимую твою часть, не косня ни точки, за всѣ дѣла, слова и мысли, (въ которыхъ меня (Премудрости) нѣтъ.

IV. Помни день суботный, еже святити сего: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему.

Сіе, Величество Божіе, ты съ вѣрою и страхомъ въ день воскресный прославлять не забывай. А покланяйся не только церемоніями, но самымъ дѣломъ, сердечно Ему подражая. Его дѣло и все веселіе въ томъ, чтобъ всеминутно промышлять о пользѣ всякой твари; и отъ тебя больше ничего не требуетъ, кромѣ чистосердечнаго милосердія къ ближнимъ твоимъ.

А сіе весьма легко. Вѣрь только, что самъ себя вдесятеро больше пользуешь, когда пользуешь другихъ и на оборотъ.

V. Что отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

Прежде всѣхъ почитай отца и мать и служи имъ; они суть видимые портреты того невидимаго Существа, которое тебя столько одолжаетъ.

А вотъ кто отецъ твой и мать: будь во первыхъ вѣренъ и усерденъ Государю, послушенъ Градоначальнику, учтивъ къ Священнику, покоренъ родителямъ, благодаренъ учителямъ твоимъ и благодѣтелямъ. Вотъ истинный путь къ твоему вѣчному и временному благоденствію и къ утвержденію твоей фамиліи. Чтожъ касается до прочихъ общества частей, берегись слѣдующаго:

VI. НЕ УБЕЙ.

VII. НЕ ПРЕЛЮБЫ СОТВОРИ.

VIII. НЕ УКРАДИ.

IX. НЕ ПОСЛУШЕСТВУЙ НА ДРУГА ТВОЕГО СВИДѢТЕЛЬСТВА ЛОЖНА. Не свидѣтельствуй ложно, или не клеветни.

Осуждаемъ виновнаго, а клеветцемъ невиннаго. Сія есть страшнѣйшая злоба, и клеветникъ Еллински *дѣволъ*.

X. НЕ ПОЖЕЛАЙ ЖЕНЫ ИСКРВЕННАГО ТВОЕГО, НИ ПОЖЕЛАЙ ДОМУ БЛИЖНЯГО ТВОЕГО, НИ СЕЛА ЕГО, НИ РАБА ЕГО, НИ РАБЫНИ ЕГО, НИ ВОЛА ЕГО, НИ ОСЛА ЕГО, НИ ВСЯКАГО СКОТА ЕГО, НИ ВСЕГО, БЛИЖКА СУТЬ БЛИЖНЯГО ТВОЕГО.

Но понеже злое намѣреніе сѣменемъ есть злыхъ дѣлъ, которымъ числа нѣтъ, а сердце рабское не изчерпаемымъ есть источникомъ худыхъ намѣреній: для того повѣкъ твой, нельзя быть тебѣ честнымъ, еслии не попустишь, дабы Богъ вновь переродилъ сердце твое... Посвятяжъ оное нелицемѣрной любви. Въ то время вдругъ бездна въ тебѣ беззаконній заключится... Богъ, Божіе Слово, къ Его слову Любовь, все то одно.

Симъ троеличнымъ огнемъ разженное сердце никогда не согрѣшаетъ, потому что злыхъ сѣмень, или намѣреній имѣть не можетъ.

ГЛАВА VI.

О истинной вѣрѣ.

Есть ли-бѣ человѣкъ могъ скоро понять неопѣненную великаго сего совѣта Божія цѣну, то могъ бы его вдругъ принять и любить. Но понеже тѣлесное, грубое разсужденіе сему препятствуетъ, для того нужна ему Вѣра. Она, закрытое въ семь свѣтѣ блаженство, будто издали, въ зрительную просматриваетъ трубку, съ которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она удерживаетъ сердце человѣческое при единой сей истинѣ, не попуская волновать бурными постороннихъ мнѣній вѣтрами. По сей причинѣ представляется она въ видѣ женщины, держащія якорь. Сіи добродѣтели, сердце человѣческое, будто надежный вѣтеръ корабль, приводятъ наконецъ въ гавань любви, и ей поручаютъ.

Въ то время, по открытіи глазъ, тайно взываетъ въ душѣ Духъ Святыи слѣдующее: *Правда твоя правда во вѣки, и законъ твой истина.*

ГЛАВА VII.

Благочестіе и церемонія, разнь.

Вся десятословія сила вмѣщается въ одномъ семь именій: *любовь*.

Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ.

Она огонь есть невидимый, которымъ сердце восплаляется къ Божію слову, а посему и самъ Богъ именуется Любы. Сія Божественная любовь имѣетъ на себѣ внѣшніе виды, или значки; они-то называются церемоніи, образъ или обрядъ благочестія.

И такъ церемонія возлѣ благочестія есть то, что возлѣ плодовъ листь, что на зернахъ скорлупа и шелуха.

Есть-ли-жъ сія обрядность лишена своей силы, въ то время остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ грибомъ разкрашеннымъ.

Все же то церемонія, что можетъ исправлять самый несчастный бездѣльникъ.

ГЛАВА VIII.

Законъ Божій и преданіе человѣческое разнь.

Законъ Божій пребываетъ во вѣки, а человѣческія преданія не вездѣ и не всегда.

Законъ Божій есть райское древо, а преда-
ніе тѣнь.

Законъ Божій есть плодъ жизни, а преда-
ніе листвіе.

Законъ Божій есть Божіе въ челоуѣкѣ серд-
це, а преданіе есть смоковный листь. Давирь
(*) храма Божія есть законъ Божій, а преда-
ніе есть придѣланный къ храму притворъ.
Сколько преддверіе отъ алтара, столь далеко
отстоитъ преданіе отъ закона.

ГЛАВА ІХ.

О СТРАСТЯХЪ, или ГРѢХАХЪ.

Страсть есть моровой въ душѣ воздухъ. Она
есть безпутное желаніе видимостей: а назы-
вается мучительный духъ. Главнѣйшая всѣхъ
есть зависть, мать прочихъ страстей и безза-
коній.

Она есть главнымъ центромъ оныя пропа-
сти, гдѣ душа мучится. Ничто ее не краситъ
и не пользуетъ. Не милъ ей свѣтъ, не любя
благочинность: а вредъ толь сладокъ, что сама
себя десять разъ съѣдаетъ.

(*) Давирь—часть храма Соломонова, которая называлась
Святая Святыхъ, гдѣ стоялъ ковчегъ завѣта съ Херувима-
ми осѣняющими.

Жаломъ адскаго сего дракона есть весь родъ грѣховъ, а вотъ фамилія его: ненависть, зависть, злобѣ, гордость, лѣсть, несытость, скука, раскаяніе, тоска, кручина, и прочій не усываемый въ душѣ червь.

ГЛАВА X.

О любви, или чистосердечіи.

Противится сей безднѣ чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе Святаго Духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихихъ вѣтровъ, сладкодышущихъ цвѣтовъ и утѣхи исполненному, въ которомъ процвѣтаетъ древо вѣчныхъ жизни.

А вотъ плоды его:

Доброжелательство, незлобіе, склонность, кротость, величепоріе, благонадежность, безопасность, удовольствіе, крѣпость силъ (куражъ), и прочія неотъемлемыя утѣшенія.

Кто такову душу имѣеть, миръ на немъ, и милость и веселіе вѣчное надъ главою сего истиннаго Христіанина.

О Сквородѣ.

Онъ говаривалъ о себѣ: «Нѣсмь Богъ и со-
грѣшаю; нѣсмь паки бѣсъ и каюся, человѣкъ
есмь, ничтоже бѣлѣе, ничтоже менѣе.

Самопознаніе.

Скворода училъ самопознанію:

Куда мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ
есть... Въ Руси многіе хотять быгь Платона-
ми, Аристотелями, Зендами, Эпикурами, а о
номъ не ризеуждаютъ, что Академія, Лицей и
Портикъ, произошли изъ науки Сократовой,
какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ выверты-
вается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа,
дотоле не быгь ни своему Платону, ни дру-
гому философу... Огче нашъ, иже еси на не-
бесѣхъ! Скоро ли ниспошлешъ къ намъ Сокра-
та, который бы изучилъ насъ найпервѣе по-
знанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда
мы сами изъ себя выведемъ науку, которая бу-
детъ наша, своя, природная... Да святятся имя
Твое въ мысли и помыслѣ раба твоего, кото-
рый замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть
Сократомъ въ Руси, но земля русская обшир-
нѣе греческой, и не такъ-то легко будетъ ему
скоро обхватить проповѣдію своею... Да при-
идеть царствіе твое, а тогда зерно, по слову
твоему сѣемое, взойдетъ яко кринь, и тогда

я выпилъ бы стаканъ кокуты, какъ соты медовья. Non fugio mortem, si famam assequar et cedo invidiae dum modo absolvar cinis... Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ, во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніихъ моихъ, ибо я разсуждаю, что знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и пресыщаются, но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердца и души всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: «и я человекъ, и мнѣ, что человеческое, то не чуждо!...» Избави отъ лукаваго, ибо много прежде предлежитъ развалить, разломать и изкрошить, чѣмъ прійдетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину! И кто будетъ по нашемъ Сократѣ, нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнѣе, а оное—grata superveniet quae non sperabitur hora — само прійдетъ, когда прійдетъ пора. Онѣе уже треплется во чревѣ матери своей: но только Елисаветъ слышитъ, какъ выгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ.

Сковородѣ въ энтузіазмѣ казалось, что духъ его, носимый въ Океанѣ непредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но *вселенною* для него была Русь святая, *человѣчествомъ* народъ

Русскій. «Когда умъ мой и сердце мое водворяются въ домъ, который Премудрость создала себѣ во святой Руси, и упиваюсь отъ туча дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ Сіонѣ, ибо въ горней Руси вижу все новое: новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе, и новую славу. О, какъ мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно! Мысль моя летаетъ безпредѣльно, въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи: она провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ преждебывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу Океана, входитъ сквозь двери заключенныя: глаза ея голубинныя, крылья орлиныя, проворность оленья, дерзость львиная, вѣрность горличная, благодарность Пеларгова, агнчево незлобіе, быстрота соколя, бодрость журавля: ведетъ же ее, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія: облакается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія. О, какъ тяжело и грустно изъ сей горней страны обращаться долу, гдѣ мудрецы очами бачутъ, устами гогочутъ, что мнится, бѣсы ихъ мучать, и шевелятся и красуются, какъ обезьяны, болтаютъ и велерѣчатъ, какъ Римская Цитерія, чувствуютъ какъ кумирь, мудр-

ствують какъ идолъ, осязають какъ преиспод-
ній кротъ, щупають какъ безъокой, у него же
только слѣпныя очи: гордятся какъ безумный
измѣняются какъ луна, паучатся какъ паутина,
алчны какъ пестъ, жадны какъ водная болѣзнь,
лукавы какъ змій, ласковы какъ крокодилъ,
постоянны какъ море, вѣрны какъ вѣтеръ, на-
дежны какъ ледъ, разсыпчаты какъ прахъ, из-
чезають какъ сонъ. И они люди? Люди! но сколь
много есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣтъ головы!»

Переписка съ харьковскими друзьями.

Изъ Гусиной пустыни, Полтавской губернии, Прилуцкаго
уѣзда. 1779, февраля 19.

Любезный Государь,
Артемъ Доросевичъ!
Радуйтесь и веселитесь!

Ангелъ мой хранитель, нынѣ со мною весе-
лится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость,
нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть
мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю, и
они мене. А что ли дѣлаю въ пустынѣ? не
спрашивайте. Недавно нѣкто о мнѣ спраши-
валъ: скажите мнѣ: что онъ тамъ дѣлаетъ?..
Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣз-
ней лечился, или оберегалъ пчелы, или порт-
няжилъ, или ловилъ звѣрь: тогда бы Ско-
рода, казался имъ занять дѣломъ. А безъ

го думать, что я празденъ, и не безъ причины удивляются.

Правда, что праздность тяжелѣе горь кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, восваться, тягаться, портняжить, стрѣиться, ловить звѣрь?... Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда...? Такъ вотъ же оной частъ видна, бѣдности нашей причина: что мы погрузивъ все наше сердце, въ пріобрѣтеніе міра, и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очиститъ и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себе, за неключимымъ рабомъ нашимъ, не вѣрнымъ тѣлѣшникомъ: день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щоголя, пекущагось о сапогѣ, не о ногѣ: о красныхъ углахъ, не о пирогахъ: о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ... коликая жъ намъ отъ сюду тщета и трата? не всѣмъ ли мы избытныи? точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; со всѣмъ тѣлега, по пословицѣ: кромѣ колѣсъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда въ насъ и душа: не такова, каковая у шарбутика или подагрика ноги, или матроскій алтъна не стоящій козырокъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ни чѣмъ не довольна, сама на

себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ пациентъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ: не адъ ли ей? Если весь міръ ее перевозноситъ, портретами и пѣснями, сирѣчь одами величасть: не жалобныя ли для нея, оныя пророческія Сонаты:

Въ тайнѣ восплачется душа ваша. Іерем.

Взволнуются... и почти невозмогутъ. Исаіа.

Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души гниетъ и болитъ: кто, или что увеселитъ ее? Ахъ! Государь мой, и любезный пріятель! плывите по морю, и возводьте очи къ гавани. Не забудьте себе, средѣ изобилій вашихъ: Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть: а втораго многоли? Рабъ ващъ сытъ, а Ревекка довольналь? Сіе-то есть: Не о единомъ хлѣбѣ живѣть будетъ человекъ... О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ, день и ночь печется Скворода. Онъ любитъ сей родъ хлѣба паче всего. Далъ бы по одному хлѣбу (блину) и всеиу Израилю, еслибъ былъ Давидомъ, какъ пишется въ книгахъ Царствъ, но и для себе скудно (*). Вотъ что онъ дѣласть во пустынѣ! Пребывая,

---

(*) Григорій С. Скворода въ письмахъ своихъ къ друзьямъ нерѣдко мысли свои остроумно называлъ *блѣнными блиномъ*, спеченнымъ на черной сквородѣ. Истор. философія, ермн. Гавріала, т. VI р. 63.

Любевный Государь!

ванъ всегда покорнѣйшимъ слугою...

**И любезному нашему Степану Никитичу,
Господину Курдюмову.**

**Отпу Борису и Его сынови поклонъ, Если
можно, и Ивану Акимовичу.**

**Изъ Олтанскія Ивановки 1790 года. Сентемвр. 26.
Возлюбленный паче всѣхъ чловѣкъ Михайле!**

Миръ тебѣ, Муже Божественныхъ желаній!

**Мати моя, Малороссія, и Тетка моя, Украина,
посылають тебѣ въ даръ малорослую мою Дщерь
Авигею. Прійми Ея, и яко Давидъ, наслаждайся
Ею. Она не Лицемъ, но Сердцемъ Красавица,
и вся Слава Ея внутри Ея. Съ нею бесѣдуя
бесѣдуешь со мною. Сердце мое въ ней: а Ея
во мнѣ. Азъ тя, прежде юношу: нынѣ же обрѣ-
тохъ тя Мужа по сердцу моему.**

Вотъ Единость! Любовь! Дружба!....

**Письмо сокращу. Не удерживаю отъ Бесѣ-
ды съ Дѣвою Евою.**

**Только припишу: воспѣтую мною въ Харко-
вѣ Харкову пѣсенку, въ Августѣ**

Oratio ad Deum

in Urbem Zacharpolim:

Ex hoc Zachariæ Prophetæ grano:

* v. hi sunt Oculi Domini.....

*

Zacharias Oculcs septem tibi prædicasset.

Septimus est Oculus: Zachariana Polis.

Hic Oculis septem, Tu solus, Christe, Pupilla.

Cæci sunt Oculi: quando Pupilla latet.

O reclude tuos in Eam, miseratus Ocellos!

Sic Sol verus erit: Zachariana Polis.

Сія очи откроеть Авигеа, въ Захаривскомъ
Свѣщникѣ. Tu Versus facias slawonicos.

Іаковъ мой къ сей моей Дщерѣ простудился.
Замарай въ ней и мое и кому поднесена имя. От-
куда сіе? не вѣмъ. Сего ради пересылаю къ тебѣ
другу сей для него списанный списокъ: уживай,
лучше его, себѣ сію твоего Лиценціата, душу.

Аще Богъ помощь: во слѣдъ Авигеи, еще
два мои сыночки, выправляютъ крыльца: и ду-
мають къ вамъ летѣть. Древній мыръ (пи-
шу ы ut differat ab illo: миръ) и Михаилъ
боряй Сатану. Они рожденны для тебе: и по-
священны отъ самыхъ пеленъ тебѣ же. Ока-
жетъ Прологъ: Будь же имъ отецъ и покровъ
во вѣки! Но потерпимъ. Снимаются копии.

Оригиналъ ли прислать? Увижу. До дщери
случайно привязалася ода Сидронія Езуиты.
Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ
годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковъ:
отлетая къ матерѣ моей, пустынь. Люблю сію
дѣвочку. Ей! достойна быть въ числѣ согрѣ-
вающихъ блаженну Давидову старость. Прила-
гаю тутже, какъ хвостикъ, и закоснѣвшее мое
къ вамъ писмишко Гусниковское. Нынѣ ска-

таюся у моего Андрея Иван. Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше Бурлука. Земелка его есть нагорняя, Лѣсами, садами, холмами, источниками распещренна. На такомъ мѣстѣ я родился возлѣ Лубень. Но ничто мнѣ ненужно какъ спокойна келія: да наслаждаюся моею невѣстою оною: сію возлюбихъ отъ юности моея.... О сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библіе! О дабы собылося на мнѣ оное. Давидъ мелодивно, выгравасть дивно. На всѣ струны ударяетъ. Бога выхваляетъ. На сіе я родился. Для сего ямъ и пію: да съ нею поживу, и умру съ нею. Аминь! Твой другъ и братъ: слуга и рабъ: Григорій Варсава Скворода Даніилъ Меингардъ.

Число моихъ твореній. Лутчее значать звѣздки.

1. Наркисъ, узнай себе ***. Первородный плодъ.

2. Симфонія библейныхъ словъ сему: Рѣхъ: сохранию пути.

3. Симфонія: Аще не увѣси самую тебѣ и пр. ***

4. Неграмотный Марко. У Як. Правницкаго.

5. Алфавитъ мира. ***

6. Разговоръ кольцо. *

7. Древній мырь.

8. Жена Лотова. *

9. Брань Михайлова со Сатаною. ***

10. Икона алкивіадская. ***
11. Бесѣда 1-я: нареченна Сіонъ.
12. Бесѣда 2-я: Сіонъ.
13. Бесѣда 3-я: нареченна Двое. **
14. Діалогъ: Душа и нетлѣнный Духъ. У
Правицкаго.
15. Притча: нареченна: Убогій Жайворонокъ.
У Дискаго.

Переводы изъ Цицерона.

1. О старости * поднесена Степ. Ив. Тевяшову, изъ Плутарха.
2. О смерти.
3. О Божіемъ правосудіи. *
4. О храненіи отъ долговъ. Дарена Алекс.
Юр. Сошальскому.
5. О спокойствіи душевномъ. * Подн. Яков.
Мих. Захаржъ.
6. О возжелѣніи богатства. Завезена въ
Крымъ безъ списка.
7. Езуита Сідронія Ода о уединеніи, et caetera.
У друга нашего: Бабайскаго іерея: Іак. Правицкаго: всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы
они давно пропали. Я удивился, увидѣвъ у
него моего Наркисса и симфон. аще не увѣси.
Я се ожелчившися, свалилъ въ Острогорскѣ,
а о Наркиссѣ на вѣки было забыть. Просит
у него. А я, не точію апографи: но и ауто-
графи раздалъ, раздарилъ, расточилъ.

Non prodest Messis: nisi servet Cura fidelis

Fons fundit largas: Testa reservat Aquas etc.
Post scripsi. При Авигеи примите и алфави-
та сына. Такъ духъ велѣлъ.

Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды.

Пока еще такъ мало пзвѣстій собрано о лите-
ратурной дѣятельности Сковороды, нельзя не
дорожить всякимъ намскомъ объ этомъ. Авось
либо когда нибудь и составитя изъ этихъ на-
мековъ, если не что большее, то, по крайней
мѣрѣ, полный списокъ его сочиненій. Вотъ еще
нѣсколько такихъ намековъ, выбранныхъ мною
изъ писемъ Сковороды къ Бабаевскому священ-
нику Іакову Правицкому:

1785 окт. 3, изъ Маначиновки.—Въ «Post-
scripsi»: Si descripsisti novos meos-jam libellos:
remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum
Dialogum, quem per alios laudare soles, simul
cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remit-
tetur, Deo volente. Dicturille Dialogus: Марко
препростый.

Конечно, этотъ самый діалогъ помѣщенъ въ
письмѣ, изъ Ольшанской Ивановки, подъ № 4,
хоть онъ тамъ и названъ: неграмотный Марко.
Объ этомъ же сочиненіи упомянуто и въ пись-
мѣ 1786, марта 30, изъ Маначиновки.—Приш-
ли, друже, такжеде разговоръ, нареченный:

Марко препростый. Онъ возвратится паки къ тебѣ. Протчія же: яко же тебѣ угодно: или нынѣ или возмутся тогда: когда къ вамъ прійду.....

Въ слѣдующемъ письмѣ опять о немъ же и о Лотовой женѣ.

1786. Апр. 25, изъ пустыни Маначиновскія:—Непечися о разговорѣ Маркѣ. Онъ всегда есть вашъ: и возвратится въ твою книгохранку. Лотову жену, хочется докончатъ. Однакоъ привезу («привезу», а изъ этого г. Хижду сдѣлалъ «принесу», впрочемъ прочесть еще можно) съ собою: да написанное выпишите. Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ: точію поучатися святынѣ? въ сей единой, да живу, и умираю. По малу—малу отходимъ отъ тлѣни плотскія: яже есть блаженная и вседневная смерть: и приближаемся ко Господу, иже есть святыня, Кефа и Воскресеніе наше. Что убо есть блаженнѣе жизни нашея, на ней же сбывается оное: Положу стропотная ихъ во гладкая.... Окрылатѣють, яко орлы: потекутъ и не утрудятъ.... Виждь діатрібу мою, друже! діатриви еллински нарицается то, чѣмъ кто главно жизнь свою забавляетъ. Вотъ діатріба Давидова: Поглумлюся въ запов. твоихъ. Вотъ Павлова: Мнѣ бо, еже жити: Христось.... Вотъ Лукина и Клеопы: Како глаголють, его быти жива?.. О, о, Воскресеніе! о, оное Воскресеніе! мыру невѣруемое.

Коль услаждаеши сердце мое! Блаженъ узрѣвшій съ наперсникомъ красоту твою. Ядущій ты, еще взагчеть.... Сіе глаголю того ради, яко доканчавая *«жену Лотову»*: наслаждаются имамъ, новаго вина, съ новыиъ моимъ Лотомъ, Христомъ Иисусомъ: имѣя обрученіе съ нимъ во вѣрѣ Божіей.

(О Лотовой женѣ упоминается и въ припискѣ къ письму).

— 1787 Январ. 18 изъ Гусинки: Прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ *«жену Лотову»*. Весною хочу васъ посѣтить, аще Богу угодно и привезу. Аще же: дайте знать: тотчасъ перешлю. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться. Тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юрѣвича. Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною въ пустынь можно подумать объ окончаніи ся, а зима безгодна. Я и сіе съ нуждою пишу.

(Слѣдующее письмо тоже о Лотовой женѣ. Выписываю его вполне, потому, что самъ Скворода называетъ его предисловіемъ къ этому же сочиненію)

— Изъ Гусинки 1787 года: Марта 6 дня.

Любезный во Христѣ,

Отче и брате и друже Іакове:

Веселися во Господѣ!

Пришлите мнѣ симѳонію: *Аще не увѣси;*

самую тебѣ.... Переписавъ паки отошло къ вамъ. Посылаю къ вамъ «жену Лотову». Побѣдите во Христѣ съ нею. Она чистая чистымъ: и сей кумиръ есть плодоносный вѣрнымъ Божиимъ. На ней-то исполняется: отъ камени воздвигнути чада Аврааму.... Она не доведена до конца. Но кто дождется конца въ присно-текущемъ источникѣ? А что я сказалъ, общая окончаніе: сіе касается до книжечки, начатой мною, не до жены. Сія книжечка учить: какъ-ли читать подобаетъ священное писмо? Аще единъ глаголъ Божій уразумѣется: тогда весь храмъ Соломоновъ, есть свѣтель. Во примѣръ сему взялъ я сіе: Поминайте жену Лотову. И толкуя сіе слово: возмутилъ всю св. писанія купѣль. Да уразумѣютъ спящіи на библіи: или съ Павломъ сказать: почивающіи на законѣ: яко не многочтеніе дѣлаеть насъ мудрыми, но многожваніе принудило сказать сіе: како сей вѣсть книги, не учився? И да познають: яко единъ день въ тысящѣ, и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается. Нынѣ же со женою кровотоливою много жеруть для единья диссентеріи: и нѣсть имъ человѣка, могущаго приложить имъ вкусь плюновения, жванія и преломленія оваго: Зубы его, паче млека. Познася има въ преломленіи... Все даетъ вкусь свой: и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ:

аще есмы отъ числа оныхъ: Израиль толчаше манну въ ступахъ. Во блаженное число сихъ людей, да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ! желаю, вашъ всенскренній братъ, и низайшій слуга:

Григорій Сковорода.

Postea scripsi.

Да наречется же сія книжечка: Женою Лотовою! Предисловіемъ же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо. О возлюбленный друже! тебѣ сію невѣсту и чистую голубицу въ даръ привожу первому: и тебѣ обручаю, именемъ Господа нашего Иисуса Христа! Протчее при перепискѣ, повелѣвай наблюдать ортографію. Паче же всѣя листы хранить отъ нечистоты. Цѣлуй любезнаго Неемана Петровича: и всю нашу братію. Миръ въ днѣхъ нашихъ. Аминь!

(На томъ же листѣ и надпись)

Господину моему
Іерееви, Іакову Правицкому
въ Бабаяхъ.

— 1787 Окт. 7, изъ Гусинки... Вы, снится мнѣ, переписали Михайлову борьбу. И пакы требуете? Обаче посылаю... Негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много. Обаче чрезъ невѣрныя руки не! не! не!

Эта Михайлова борьба въ спискѣ письма 1790 сент. 26, названа: брань Михайлова со сатаною (№ 9).

— 1788 августа 4 изъ Гусин. Скрынницк. пустыни....

Вотъ вамъ по желанію вашему херувимскія пѣсни Paraphrasis!

Тайновиднымъ херувимаимъ сообразны,
И животворящей Троицѣ пѣснь приносятъ:
Видимый сей весь мырѣ извержимъ изъ сердца:
Да вмѣстимъ невидимый: и Его Царя,
Окружаемаго и стрегома тмами,
Копіеносныхъ херувимъ и серафимъ,
Аллилуя, аллил., аллил.

Дорофорео есмь копіеноснымъ лейб-гвардеромъ. Дорофоруменость, сирѣчь, окружонъ копіеноснымъ строемъ. Дориносима есть полгредка, и пол-славяна.

Къ этому прибавлю еще замѣчаніе о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сковороды, пропущенныхъ въ письмѣ 1790 сент. 26.

— О древнемъ змѣн, или о библии. Списокъ сдѣланъ священникомъ Теодоромъ Залѣскимъ. 1763 года декабря 10 дня, и хранится теперь въ библіотекѣ Харьковскаго университета.

— Начальная дверь ко христіанскому доброправію.

Написана въ 1766 году для молодого шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году. Списокъ современный хранится у меня.

— С адъ божественныхъ пѣсней, прозшіи изъ

зернѣ священнаго писанія. Въ моемъ спискѣ помѣщено 28 пѣсень. На нѣкоторыхъ означены годы, когда какая была сложена: 1-я сложена 1757 лѣта; 14-я древняя малороссійская: о суетѣ и лести мірской—обновлена въ 1782 лѣтѣ; 24-я — римскаго поэта Горація претолкована малороссійскимъ діалектомъ въ 1765 году (*Etiam divos rogat*); 25-я — отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ; 26-я—епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяславъ на престолъ епископскій съ 1758; между пѣснями 26 и 27-ю помѣщена мелодія — *Сарген* (по русски и по латыни) на образъ зачатія Пречистыя Богоматери, воображена (сія мелодія) 1760 года. Въ спискѣ, принадлежавшемъ профессору Е. М. Филомаѳицкому, еще прибавлены пѣсни 29 и 30; надъ 29-й подписано, что она сложена 1788 года сентемрія 17 дня: въ селѣ Велик. Бурлукѣ.

— Харьковскія басни. Списокъ хранился у профессора Филомаѳицкаго. Тамъ въ баснѣ 20 (Олень и Верблюдъ) сдѣлана приписка: сія басня писана въ Свѣтлое воскресенье по полудни 1774 года въ Бабахѣхъ. Да и всѣ басни посвящены Правицкому письмомъ 1774 года наканунѣ Пятдесятницы; а *Аѳан.* Панкову

посланы были 30 басней еще въ 1762 году марта 4, изъ Сѣвсанской пустыни.

Не странно ли, что въ списокъ письма 1790 года сент. 26, не упомянуто ни объ одномъ изъ этихъ сочиненій, между тѣмъ какъ онѣ писаны между 1767 и 1785. Кроме того, не нахожу въ томъ списокѣ сочиненій еще нѣкоторыхъ:

Двухъ проповѣдей: 1. Убужденіе видѣша славу его, и 2. Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ.

Притча Еродій. Въ ней разглагольствуетъ обезьяна со птенцомъ Еродіевымъ о воспитаніи.

Толкованія изъ Плутарха: о тишинѣ сердца.

Разговора: прѣбса съ Варсавою.

Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть также отнесены ко времени до 1790 года. Я не упоминаю о другихъ, которыхъ я не читалъ.

Ворочаюсь опять къ письмамъ. Онъ писалъ ихъ много, писалъ большею частію къ людямъ, съ которыми любилъ бесѣдовать о предметахъ, занимавшихъ его умъ и сердце, которыхъ уважалъ и которыми самъ былъ уважаемъ, которые слѣдили его мысли и цѣнили его письма, какъ и отдѣльныя сочиненія. Вотъ почему между письмами Сквороды очень мало такихъ, въ которыхъ говорится только о случайностяхъ, незанимательныхъ для постороннихъ;

вотъ почему списывали и ихъ, какъ и другія сочиненія; вотъ почему наконецъ любовытню было бы сколько нибудь полное собраніе ихъ, какъ сокращенный перечень если не всѣхъ, то покрайней мѣрѣ главныхъ его мыслей. Будемъ ждать этого, а между тѣмъ вотъ нѣсколь-ко отрывковъ изъ писемъ:

Самое старое изъ писемъ Сквороды мнѣ извѣстныхъ есть то, которое помѣщено предъ его книжкой о древнемъ змиѣ или Библии. Оно писано къ какому-то Высокородію и повсякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано Свя. Ѳ. Залѣскимъ. Въ немъ читаемъ между прочимъ:

Училъ своихъ друзей Эпикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости, и что веселіе сердца есть то животь чловѣку.—Силу слова сего люди нераскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ обезславили Эпикура за сладость и почти самаго его пастыремъ стала свинаго, а каждаго изъ друзей его величали *Epicuri de grege porcus*. Но когда жизнь отъ сердечнаго веселія, а веселіе отъ сладости, тогда откуда зависитъ сладость, улаждающая сердце? изъясняетъ Платонъ: исть сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость, и что она одна животворить и куражитъ владыющее тѣломъ нашимъ сердце. И не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій пре-

раздѣлъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ: мертваго и живаго.... Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, мня истину любить, изслѣдуетъ тропинки ея и встрѣтитъ око ея торжествуеть и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Жизнь есть плодоприношеніе, прозябшее отъ зернъ истины, царствовавшія въ сердцахъ ихъ.

«Дѣтское есть сіе мудрствованіе, обличающее непостоянность натуры, будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ».

«Всякая мысль подло какъ змія по земли ползеть, но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потонныхъ водъ на прекрасное лицо истины.

— Изъ письма къ Іакову Правицкому изъ Маначиновки 1785 года Окт. 3., можемъ взять образецъ Сковородиной Латыни:

Omnia praetereunt: sed Amor post omnia durat.

Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.

Omnia sunt aqua. cur in aqua speratis Amici?

Omnia sunt aqua. sed Portus Amicus erit.

Нас Кепха tota est fundata Ecclesia christi.

Istbaec et nobis Кепха sit atque Petra. etc.

Поздравляя съ новымъ годомъ, Сковорода писалъ къ Правицкому, 1787 года Янв. 18 изъ Гусинки:

Духъ правъ обнови во утробѣ м. Аще кто

не имѣсть новаго сердца: тому весь мѣръ есть ветха Ветошь. Аще чїя Душа тужить: тому весь мѣръ плачетъ. Аще чїе сердце мучится и страждеть: тому весь годъ безъ праздника. Аще чїй Духъ отчаяніемъ оледенѣлъ: тому весь годъ безъ весны. Аще чїй смыслъ мертвый: тому весь вѣкъ безъ живота. О любезный мой друже Іакове! изблюймо ветхїй квасъ мырскїй. Стяжимъ новое сердце. Облещимся въ одежду новыя нетлѣнныя надежды: во утробу братолюбїя. Тогда намъ вся тварь просвѣтитя: весь мѣръ разыграеть и возскачетъ. Будеть намъ всякъ день великъ—день.

Мысль о любви очень часто оживляла слово Сквороды. Вотъ и еще Латин. стихи изъ письма его къ тому же Правицкому 1788 авг. 4.

Corporę sum procul a Vobis: at corde propinquus.

Cor est in nobis, vera columba Noë.

Nil est tam mirum: quam sancti cordis abyssus.

Tunc est Sanctum: cum se hoemodo magnificat.

Omnia sunt foenum, furfur: sunt pulvis et umbra.

Omnia praetereunt. Corde perennis homo.

Purum cor in Amore manet: sed Amor stat in hocce.

Ast Amor hic, Deus est. Ergo perennis homo.

O homines! Cur oceanum, cur astrae stupetis?

Ite! redite domum! Noscite vos! Sat erit. Amen!

Въ 1835 году въ Телескопѣ, журналѣ, прочемъ занимавшемъ по справедливости одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ нашей журна-

листикѣ, была помѣщена статья о Сковородѣ (№ 5 и 6), въ которой хоть и очень хорошо выказывается умъ и начитанность автора, А. Ѳ. Хиждеу, но которая, тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою занимательность, оболгала Сковороду. Ему приписано тамъ много такихъ мыслей, которыхъ онъ и имѣть не могъ, а между тѣмъ читатель убѣждается ссылками на сочиненія и письма Сковороды. Нѣкоторые изъ ссылокъ я повѣрялъ, и въ подлинникахъ не находилъ вовсе того, что авторъ тамъ начитывалъ, или что оттуда выписывалъ; послѣ того и о другихъ я не могъ не сомнѣваться. Тамъ, между прочимъ, упоминаетъ авторъ о трехъ письмахъ Сковороды къ Архіепископу Георгію Конисскому: одно отъ 1769 Іюля 29 изъ Нѣжина, другое изъ Бурлука отъ 1789 Мая 5, и третье безъ числа (№ 5 стр. 20). Не знаю, вѣлъ ли Сковорода переписку къ Конисскимъ, — можетъ быть и вѣлъ; едва ли впрочемъ могъ онъ написать къ нему: «Меня хотятъ мѣрить съ Ломоносовымъ и говорятъ обо мнѣ: какая онъ малость! какая онъ низость! будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень» и пр. О письмѣ 1789 Мая 5, Хиждеу говорить вотъ что: «Помни послѣдняя; помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи»: такъ называется сочиненіе Сковороды, которое есть родъ автобіографической его записки. Оно написано по желанію Архіеп.

Георгія Конисскаго въ видѣ письма къ нему отъ 8 Мая 1789 года изъ Бурлука (№ 5 стр. 12). Точно ли писалъ Сковорода сію записку? Могъ ли не сообщить онъ ее Правицкому, Курдюмову, или кому другому изъ своихъ любимцевъ? Если сообщилъ, то отчего никто о ней не знаетъ? Если же не сообщалъ, то откуда могъ достать ее Хиждеу, писавши статью въ Харьковѣ, и не имѣя никакихъ средствъ пользоваться бумагами Конисскаго? Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока не явится на свѣтъ вся эта записка, можно безъ грѣха считать ее не существующею. Кстати еще вопросъ : читалъ ли ктонибудь сочиненіе Сковороды : Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга Православная (№ 6 стр. 156), или разговоръ его о внутреннемъ чловѣкѣ и симфонію о народѣ? (№ 6 стр. 167).

Не могу однако не сознаться, что статья Хиждеу о Сковородѣ есть самая ученая изъ всѣхъ, доселѣ написанныхъ, и для всякаго посторонняго читателя не можетъ не показаться очень занимательною. Жалѣю самъ о себѣ, что не могу ее читать такъ, какъ читалъ или прочтеть тотъ, кто не могъ быть знакомъ съ сочиненіями самаго Сковороды.

СЛУЧАИ ИЗЪ ЖИЗНИ Г. С. СКОВОРОДЫ.

I.

Пріѣзжіи знатный великороссіянинъ, наслышанный о Сквородѣ и его оригинальности, пожелалъ видѣться съ нимъ, и намѣренъ былъ предложить диспутъ о просвѣщеніи и искусить его въ отвѣтахъ, уразумѣть правильность взгляда и понятій. При взглядѣ на Сквороду, по-сѣтитель тотчасъ подмѣтилъ, что онъ загорѣлый и почернѣвшій отъ путешествій подъ солнцемъ, и желая завязать съ нимъ разговоръ и задать ему вопросъ: отъ чего всѣ его единоземцы бѣлы, а онъ черный? «А когдажъ Скворода бываетъ бѣлая?» возразилъ мудрецъ мгновенно, и симиъ вопросомъ затрудненный по-сѣтитель и озадаченный неожиданнымъ экспромтомъ, поспѣшилъ откланяться и оставить въ покоѣ старца, столь лаконически объясняющагося, и такъ непровержимо. Гость всегда съ удовольствіемъ рассказывалъ о свиданіи своемъ съ украинскимъ философомъ, и всѣ были довольны лаконизмомъ, и сравнивали Сквороду съ Діогеномъ, который далъ краткій отвѣтъ Александру Македонскому, желавшему узнать, что бы онъ такое отъ него пожелалъ: «не заслоняй предо мной солнца» былъ простой философскій отвѣтъ д

вольнаго собой и не желающаго болѣе лишь только то, чему слѣдуетъ быть.

II.

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Г. С. Сквороды съ бесѣдахъ съ нимъ непрерывно сѣтовалъ на множество житейскихъ потребностей, ежедневно являющихся у человѣка, и на однообразіе, которымъ облакаютъ человѣческую жизнь эти потребности. «Каждый день одно и то же: то умывайся, то одѣвайся, то раздѣвайся; въ извѣстный часъ ложись, въ извѣстный часъ вставай; въ назначенное время ѣшь, пей, спи...», говорилъ онъ однажды.

— Что тебѣ такъ не нравится этотъ порядокъ—возразилъ Г. С.—: развѣ лучше быть собакой, что ли?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПИСАТЕЛЬ Г. С. СКОВОРОДА.

Стихотворенія.

Стран.

Садъ Божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ Священнаго писанія:	
I. Блаженъ непорочницъ въ путь, ходящій въ законѣ Господни.	1.
Боятся народъ—сойти гнить во гробъ.	
II. По земли ходяще, созданіе (жилице) имамы на небесѣхъ.	3.
Оставь, о, духъ мой, вскорѣ всѣ земляныя мѣста!	
III. Прорасте земля быліе травное. Сирѣчь, кости твоя прозябнуть яко трава празботѣють. <i>Исаія</i>	
Весна любя, ахъ пришла!	4.
IV. Рождеству Христову. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы. Сирѣчь: Помазанасъ Богъ духомъ, посла духа Сына Своего, въ сердца наша.	
Ангелы снижайтеса	6.
V. Рождеству Христову. На текстъ: Родисына своего первенца, и повить Его, и положи Его въ яслехъ.	
Тайна странна и преславна.	7.

- VI. Воскресенію Христову. Единиц—наде-
сятъ ученицы идоша въ Галилею
въ гору, аможе повелѣ имъ Исусъ,
Кто ли мене разлучитъ. . . . . 8.
- VII. Воскресенію Христову. О! О! Бѣжите
на горы! *Захарія*. . . . .
Востани спяи! Покой дастъ Богъ на
горѣ сей. *Исаія*. . . . .
Объяли вокругъ мя раны смертоносны. 10.
- VIII. Святому Духу. Духъ твой благій на-
ставитъ мя на землю праву. . . . .
Голова всяка свой имѣетъ смыслъ. . . 11.
- IX. Блаженъ мужъ, иже въ премудрости
умретъ, и иже въ разумѣ своемъ
поучится святыиѣ. *Сирахъ*. . . . .
Всякому городу нравъ и права. . . . 12.
- X. Бездна бездну призываетъ. Сирѣчь: въ
законѣ Господни воля Его ; даль бы
ты воду живу волѣ, и безднѣ твоей
бездну мою. . . . .
Нельзя бездны океана. . . . . 14.
- XI. Блажени нищии духомъ. Премудрость
книжника, во благовременіи праздни-
ства, и умалаясь въ дѣяніихъ своихъ
умудрится. *Сирахъ*: умудритесь и ра-
зумѣйте. . . . .
Не пойду въ городъ богатый. . . . . 15.
- XII. Изыдите отъ среды ихъ..... прииди бра-
те мой, водворимся на селѣ: тамо
роди ты мати твоя. *Пѣсня пльсней*.
Ахъ поля, поля зелены. . . . . 17.
- XIII. Дрѣвняя Малороссійская: О суетѣ и ле-
сти мірской. . . . .

- На стражи моей стану и изыду на ка-
мень. *Авакума*. . . . .
- XIII. Колика слава нынѣ? . . . . . 18.
- XIV. Великой субботѣ. Почи Богъ въ день
седьмой.... Аще выйдутъ въ покой
мой...
Лежишь во гробѣ, празднуешь субботу. 21.
- XV. Житейское море воздвигаемое зря...
и проч.
Видя житія сего горе. . . . . 22.
- XVI. Дугу мою (поставлю) полагаю въ об-
лацѣ.
Прошли облака, радостно дуга сіяетъ. 23.
- XVII. Господь гордымъ противится, смирен-
нымъ даетъ благодать.
Ой ты птичка желтобока. . . . . 24.
- XVIII. Нѣсть наша брань къ плоти и крови.
Поперещи льва и змія. Воспріимите и
мечъ духовный, иже есть глаголь
Божій.
Ахъ, ты тоска. . . . . 25.
- XIX. Возвѣсти ми, Его же возлюби, душа
моя, гдѣ пасеши, гдѣ почиваеши въ
полдень. . . . .
Счастіе, гдѣ ты живешь. . . . . 26.
- XX. Помни послѣдняя твоя, и не согрѣши-
ши....есть путь мнящійся быти правъ:
послѣдняя же его адъ. . . . .
Распрости въ даль твой взоръ и ра-
зумныи лучи. . . . . 30.
- XXI. Изчезоша въ суетѣ дніе.... искупую-
ще время.... упразднитеся и уразу-
мѣйте. . . . .
О дражайшее жизни время! . . . . . 31.

- XXII. Римскаго поэта Горація, перетолкована Малороссійскимъ діалектомъ въ 1765 году. Она начинается такъ: *Olum Divos Vogat in patenti*, и проч. Содержитъ благое наставленіе къ спокойной жпзни.
- О покою нашъ небесный! . . . . . 33.
- XXIII. Отходная. Отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на Архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758-мъ годѣ. . . . .
- Господь сохранитъ вхожденіе твое
и исхожденіе твое, не дасть во смятеніе
ноги твоея. . . . .
- Бдешь, хочешь насъ оставить. . . . . 35.
- XXIV. Епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяславль на престолъ Епископскій 1750 года. Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ чело-вѣки, яко да вдятъ ваша добрая дѣла . . . . .
- Поспѣшай, гостю! поспѣшай! . . . . . 36.
- XXV. Бѣлоградскому Епископу Іосафату Миткевичу, посѣщающему вертоградъ духовнаго училища въ Харьковѣ.
- Господи, призри съ небесе и виждь,
и посѣти виноградъ сей, его же...
Плодъ духовный есть любовь, радость,
миръ и т. д. . . . .
- Выпнихъ наукъ саде святыи . . . . . 38.
- XXVI. О тайномъ внутрь и вѣчномъ веселіи Боголюбивыхъ сердець. . . . .
- Веселіе животь челоуку, и радованіе мужа
долгоденствіе... Что пользы

человѣку, аще мiръ весь приобря- щеть, душу же свою отщетишь? . . .	
Возлети на небеса.	40.
XXVII. Повелѣ бурѣ, и проч. Кто сей есть: его же вѣтры и море послушаютъ.	
Челнокъ мой бурнѣ вихрь шатаетъ.	43.
XXVIII. Наслаждайся дней твоихъ, все бо въ малѣ старѣетъ.	44.
XXIX. Мелода на образъ зачатiя пречистыя Богоматери.	
Возри! се дѣва стоитъ	46.
—	
Свѣтъ.	49.
Счастье.	51.
Благодарность Императрицѣ Екате- ринѣ.	52.
Солнце и Пташка.	—

ПРОЗА.

I. Разговоръ о томъ: Знай себе.	55.
II. Убогiй Жайворонокъ. Притча.	139.
III. Борьба и прѣ о томъ: Претрудно быть злымъ, легко быть благимъ.	163.
IV. Бесѣда Двою.	203.
V. Прѣ бѣсу со Варсавою.	244.
VI. Начальная дверь ко христіанскому до- бродѣлю.	268.
VII. Самопознаніе	288.
VIII. Переписка съ харьковскими друзьями.	291.
IX. Случай изъ жизни Г. С. Сковороды.	311.

Р.Б. Издатель сочиненій Г. С. Сковороды покорнѣйше проситъ особъ, имѣющихъ еще какія либо сочиненія этого автора, благоволили бы дать свѣдѣнія объ этомъ въ С. Петербургѣ, въ книжный магазинъ И. Т. Лисенкова, подъ № 3 и 4-мъ въ домѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса, въ С. Петербургѣ.

Подписавшіяся на полученіе книги:

- Адамовскій*, Фед. Вас., Кол. Ас. Въ Бердичевѣ.
Александровъ, Илар. Осип., Дѣйст. Ст. Сов. Въ
С. П. Б.
Александренковъ, Никол. Андр. Царскосельскій
купецъ. Въ С. П. Б.
Алчевскій, Кир. Федор. Въ Сумахъ.
Алякринскій, Митр. Ив., Ст. Сов. Во Владжирѣ
3 экз.
Андреевъ, Петръ Гавр. Въ Сумахъ.
Апаринъ, Петръ Иван. Книгопродавецъ, въ Харь-
ковѣ.
Артемяева, Полина Мих. Въ м. Борисполь, въ
Переяславлѣ.
Аскоченскій, Викторъ Ипатовичъ. Въ С. П. Б.
Базуновъ, Ив. Вас. Книгопродавецъ въ Москвѣ.
Бартошъ, Васил. Васильев. Въ С. П. Б.
Беренштамъ, Книгопродавецъ, въ Тифлисѣ.
Богдановъ, Алексѣй Иванов. Купецъ въ С. П. В.
Бороздина, Мар. Ив. Въ С. П. Б.
Бугаевскій, Ив. Вас., Кол. Сов. Въ С. П. Б.
Буда, Григ. Григ., Ст. Адъют. Шт. 18-й Пѣх.
Див. Въ Владикавказѣ.
Выходцовъ, Ник. Ив., Почетн. Гражд. въ Харьковѣ.
Галаганъ, Григорій Павловичъ. Въ Прилукахъ.
3 экз.
Гамалия, Фед. Иван., помѣщикъ изъ Стародуба.
Въ С. П. Б.
Гапченко. Сав. Сем. Въ Сумахъ.
Глазуновы, Ив. Ил. и Кон. Ил., книгопродавцы въ
С. П. Б.
Гоголевъ, Иванъ Матвѣевичъ, куп. въ С. П. В.
Грекъ, Александръ Петров. Въ С. П. В.
Григорьевъ, книгопродавецъ въ Одессѣ.

Гундобинъ, Петръ Ильичъ, Въ Шуѣ.

Данилевскій, Гр. Петр., Надворн. Сов., въ Харьковѣ.

Добрышина, Ан. Ал. Въ С. П. Б.

Долголова, Юлія Карловна, Ея Превосх. Въ С. П. Б.

Должиковъ, Книгопролавецъ, въ Кіевѣ.

Дьяковъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Въ С. П. Б.

Есимонтовскій, Ив. Григор. Въ Мглинѣ.

Жебелевъ, Л. И. книгопролавецъ въ С. П. Б.

Засядко, Алексѣй Иван., Кол. Ас. Въ С. П. Б.

Зинченко, Игнат. Климент., Проф. Семинар. въ Екатеринославѣ.

Карпенко, Степанъ Данилов., Малор. пѣв. Въ С. П. Б.

Карповъ, Вас. Никол., Дѣйст. Ст. Сов. въ С. Петерб.

Киселевскій, Ив., Штабсъ—Кап. Въ Кіевѣ. 2 экз.

Кореницкій, Никол. Григор., Лейт. 32 эк. въ Херсонѣ.

Крамаревъ, Егоръ Степановичъ, въ С. П. Б.

Красильниковы, А. М. и М. С. въ С. П. Б.

Кривоносозъ, Александр. Корн., Подполковн. въ с. Красіоновкѣ, въ Золотоношѣ.

Куколевскій, Дм. Ив., Протоіер. Конст. Дв. въ С. П. Б.

Куряжскій, Вас. Демьян., Лейбъ-Гвард. Из. пол. офицеръ.

Курносова, Параск. Леонтьевна, въ Сумахъ.

Лаверентьевъ, Егоръ Алексѣевичъ, Надв. Сов., въ С. П. Б.

Лещинскій, Юл. Осип., въ Кременчугѣ.

Лисенковъ, Ст. Як.

Лисенковъ, Ф. Ст. } Въ Сумахъ.

Лисенковъ, В. Т.

Лонгиновъ, Вас. Алексѣевичъ, Д. Ст. Сов. въ С. П. Б.

Лопатинъ, Вас. Мих., Ст. Сов. въ С. П. Б.

Лосскій, Ал. Ант., Д. Ст. Сов. въ С. П. Б.

Мавроди, Ник. Кон., Ст. Сов. въ С. П. Б.

Марковъ, Ѳел. Ив., Помѣщикъ Полтавск. Губ.

Масловъ, Д. Ив., Докторъ, въ С. П. Б.

Милорадовичъ, Григ. Александр., Офиц. Кавалергардск. Ея Величества полка, въ С. П. Б.

Нестеренковы, И. П. и О. П. въ С. П. Б.

Недоборовскій, Зосимъ Федоровичъ, въ С. П. Б.
Овсянниковъ, Н. Г., Книгопродавецъ въ С. П. Б.
Патенковъ, Стеф., Благод. Протоіер. въ Новомыр-
городѣ.

Переверзевъ, Фед. Лук., Тайн. Сов. въ Москвѣ.

Писаревскій, Яковъ Надв. Сов. въ Хоролѣ.

Плужникова, Д. П. въ Москвѣ.

Познякъ, Яковъ Анкиевичъ, Сенаторъ, въ С. П. Б.

Покровский, Н. И., въ С. П. Б.

Полетика, Александръ Яковл. въ Карачевѣ.

Полонскій, Павелъ Акимовичъ, Плацъ — Адью-
тантъ, въ Кронштадтѣ.

Порыкинъ, Пик. Сем., Книгопродавецъ въ Москвѣ.

Протопоповъ, Егоръ Михайл. Въ Новохоперскѣ.

Псаревъ, Мик. Град. Въ Сумахъ.

Пфунтъ, Сер. Александр. Въ С. П. Б.

Руденко, П. П. въ С. П. Б.

Руденко, Т. Т. Въ Глинской пустыни, въ Глуховѣ.

Рудольфъ, Эрнестъ, въ м. Эмильчинъ, въ Ново-
градѣ-Волынскомъ.

Салиевъ, Книгопродавецъ въ Москвѣ.

Сахаровъ, И. П., Ст. Сов. въ С. П. Б.

Свѣшниковъ, Ф. О., Книгопродавецъ въ Москвѣ.

Сергій, Архимандритъ Невск. Монаст.

Сергеевъ, Федотъ Никол., Маіоръ. Въ С. п. б.

Семенчиковъ, Ив., купеч. сынъ, въ Ромнѣ.

Скубенко, Ив. Фед., въ Сумахъ.

Сластеновъ, Федотъ Вас., въ Сумахъ.

Соловьевъ, М. О. Въ Выборгѣ.

Срезневскій, Измаилъ Иван., Д. Ст. Сов. въ С. П. Б.

Сухановъ, Дм. Ив., Градской Глава, въ Сумахъ.

Сушкины, Ив. Ив. и Вас. Ив., въ Сумахъ.

Тарасовъ, Алексѣй Ив., Свящ. въ с. Богородицкомъ
въ Малоархангельскѣ:

Тигель, Ив. Христ., въ Сумахъ.

Ткаченко, Теоф. Вакум. въ С. П. Б.

Толмачевъ, Як. Вас., Ста. Сов. въ С. П. Б.

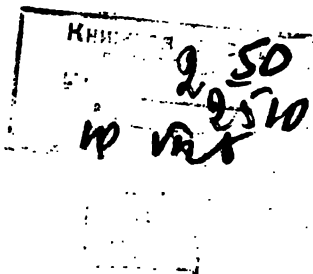
Федоровъ, Дм. Фед., Книгопродавецъ въ С. П. Б.

Федоровычъ, Вас. Серг. Въ Яренскѣ.

Харьковская Университетская Библіотека. 10 экз.

Холмушинъ, В. В. Книгопродавецъ, въ С. П. К.
Черилевъ, Вас. Петровичъ, въ Харьковѣ.
Черилевъ, Петръ Вас., Офиц. Лейбъ-Гвардіи Ки-
расирскаго Ея Величества полка, въ Гатчинѣ.
Шамовъ, К. И., Книгопродавецъ, въ Москвѣ.
Шелиховъ, М. С., Почетный Гражд. въ Харьковѣ.
Якубовичъ, Алексѣй Мартыновъ. Въ С. П. Б.
Яровой, Мих. Пав. въ м. Мошны. Въ Черкасахъ.

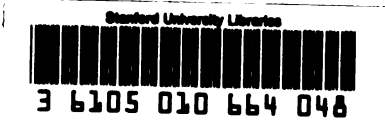

*PB-43409-SB
5-14
CC
BT

PG
3317
S56
1861

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D
AUG 21 1995
SEP 10 1995

28D
MAR 07 1996
MAR 08 1996

